Виктор Іванів

Стихотворения
Op. 1–47

Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва

Выпуск 1

Виктор Іванів
Стихотворения
Op. 1–47

Москва 2021

Состав, подготовка текста
и комментарии
Алексей Дьячков

Дизайн
Кирилл Благодатских
и Анна Наумова

В оформлении обложки
использована лигатура из
автографа стихотворения
«Мама у кроватки мне...»
Виктора Іваніва (сильно увеличено).

Іванів В. Стихотворения Ор. 1–47
М.: Коровакниги, 2021. — 202 с. —
(Подготовительные материалы
к собранию сочинений Виктора
Іваніва. Вып. 1)

ISBN 978-5-902945-48-2

© Виктор Іванів, наследники, 2021
© Коровакниги, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ОР. 1–47

11 Op. 1 Паланкин
13 Op. 2
14 Op. 3
15 Op. 4
16 Op. 5 Прекрасный скрип
17 Op. 6 Упавшая шапка
18 Op. 7
19 Op. 8
20 Op. 9
21 Op. 10
22 Op. 11
23 Op. 12
24 Op. 13 У могилы
25 Op. 14
26 Op. 15
27 Op. 16
28 Op. 17
29 Op. 18
31 Op. 19 Двоюродный и юродивый
32 Op. 20
33 Op. 21
34 Op. 22
35 Op. 23 Рассказ
38 Op. 24
39 Op. 25 О человеке, который не мог обуть один ботинок, и не мог разуть другую ногу
41 Op. 26
42 Op. 27 Рассказ, нет, не рассказ, а стихотворен ле ри меме руар
43 Op. 28 Балтийская болтовня
44 Op. 29
45 Op. 30
46 Op. 31

47 Op. 32 О том, как я и мой приятель были в гостях у соседа одной слабоумной
49 Op. 33
50 Op. 34
51 Op. 35 Отрывок
52 Op. 36
53 Op. 37 Голова изворачивающегося
54 Op. 38
55 Op. 39 Сунулся и осунулся
56 Op. 40
59 Op. 41
60 Op. 42
61 Op. 43
62 Op. 44
63 Op. 45 Разговор
67 Op. 46

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ-СПУТНИКИ ОПУСОВ В ПОДБОРКАХ 1995–1996 гг.

71 «Огромный грозен Борисфен...»
71 «я безумен...»
71 «Я — йога...»
72 Индеец
72 «<...> Живые, карего папоротника...»
72 «Как мальчики, смеясь, подписывали железку...»
73 «<...> и мне снится...»
73 О том, что написала Марыся своему возлюбленному
74 Вам, любящей Кузмина, ланиты вычеканя
74 «Я хочу целовать твой сосок...»
75 «Ты меня поцелуешь на ушко...»
75 Будто лишь бутон
76 «Ты березка, глаза у тебя...»
76 Деревья плачут в мокрых плащах
77 «Хлопают ладошки...»

77 «когда пощуся я то тщусь...»
78 «Ночью Марик и я с ножами...»
78 «Зима мизинцем тронет ухо...»
79 «Ты, падчерица, куда пропала...»
79 «в трюмо, как в трюме; на веранду...»
80 По камням струится Терек, Терек злой по нем бежал
81 Op. 30
81 Op. 31
81 «О, подушки резвый катится клубок...»
82 «Синица надсмехается, смекнув...»
82 «Вот рыба чашкою ныряет...»
83 «Уму моему...»
84 К портрету И. Лощилова
84 «Низарь и Назореянин (Назореяин) разные...»
85 «Любезная моя свекровушка церквушка...»
86 «Бубен чокается, чекано...»
86 «Луна в букете. Облако закапало на небе...»
86 На площади

ИЗ ОПУСОВ 1997–1998 гг.

88 Op. 52
89 Op. 53
89 Op. 56 Пасмурный день
90 Op. 57 Ровно и розно (Мцыри III)

ИЗ ПИСЕМ 1995–1997 гг.

92 С.Е. Бирюкову
94 А.И. Очеретянскому
99 С.Ю. Тиханову

ПРИЛОЖЕНИЯ

102 *А.С. Метельков.* Виктор Іванів и литературный Новосибирск 1990-х гг.
111 *С.Е. Бирюков.* Виктор Іванів издали и вблизи

116 *М.Ю. Богатырев.* Виктор Іванів: к истории публикаций в журнале «Стетоскоп»
122 *М.Ю. Богатырев.* Мифологическая вычитка и нарративная реконструкция стихотворения Виктора Іваніва «Ты, падчерица, куда пропала...»

КОММЕНТАРИИ

142 Об опусах в открытом каталоге Виктора Іваніва
153 О текстологии выпуска
156 Редакции и варианты
192 Источники и принятые сокращения
200 Список иллюстраций

Пиликают ласточки скрытные,
и непривычен пеликан.
Появится поле в воде,
и скрипки взвились в паланкин.

В лоскутья его понемногу,
оденут в них, перемешав
со вздохом, мгновение мигнет,
и где он найдется теперь?

Нерадостны разуверенья
пустых покинутых окон.
Ручей и доверху деревьев
доверчив, встречен, добежит.
но суеверные деревья
не забегают далеко,
внимательно и виновато
не намекнули ни о ком,
мне не напомнят ни-о-ком.

Коль птицы складывают крылья —
неосязаемы стрижи
доколе ввечеру не скрылись,
в ветру вертятся, режутся,
и стужа жутка им небес,
и мне тогда уж не по себе.

Они не держаться в верху,
у них доверчивая дружба!
Деревья прыгают в скакалку,
но совлеклись почти все листья,
откуда снова, вот взялись,
и вы высоко вознеслись,
и свистом вся снята осанка
с вас, ужаснувшаяся осенью.

Ужасно страшно, не засну,
куда подушку я засунул?
беспомощен я без нее,
и беспокоен,
я даж не вижу, высоко они!

Не скажут ножницы в окне,
и ласточки скучное чувство,
как ученицы приглашают в салочки,
внушают мне и хнычут.
что учинить сейчас?

На оконечники окон я засмотрелся,
хоть б потеплели стекла!

Теперь не терпится полкам
напасть-пустить по городу погоду
К ним «погодите!» — не кричат,
в мундирах скучно летом им,
их половину повалило,
теперь они не к месту.

К)упал и купол паланкин
и град покинули полки,
и град покинул полк.
Чуть слышно всхлипывали ласточки,
и плакав, распрощались;
и капитан прознал подвох,
некрепкий прикасался, прялся скрип, —
молчок,
и в страшном небе задержался вскрик,
и в страшном небе замкнут крик.
и затаил я вздох.

11 апреля 1996

Рябина здесь пригрелась,
ты прикоснешься, оторопь проступит,
вздрогнула гроздью,
подбросить камушки брала,
вот галка гулко глухо поднялась,
иголка неприветливо сюда прокралась, пробралась,
но это непослушно пропустив,
рябина как ребенок сонный прилегла,
и робость тропкой пробегла,

и поступь пустяков неумолима.

Близко птица, во всяком креститься
отстав от ста отскочит со счету.
Свеча коптит, И СКОРбно с-скрипицей
бессонный сам, сомкнется смычок.

То качнет свечой близорукой,
стыдно сокрыться мне в скорой кібитке:
стекол свист, и сколько, сколько зовут другого
за облако забегая побитое.

Свыклись с небом свысока снидшем
бедным большущим белым позади,
взятым завсегда верхней ніткой,
іголкой куда сиганув, погибло.

Свечку поднеся, всплакнула, воскликнув.
Неужто сгинул я, роняешь тень.
Отвернись! птица недалеко, к ней привыкнув
вторишь мне: впрочем, причем тут перед тем

Пришел, и что — передо мной
вот-в-том окне, кто воцарился?
вот-вот счас высунется — что?
приметил и уж на меня воззрился!

Вхожу в другой раз, подниму
двух дочерей, двоих на руки.
К тебе бегут, я ж подведу
тебя к окну и ну, навру как-нибудь.

Вовсю с тобою я лежу
во сне, но где-то вдруг проснулся.
О, лгунья, пред окном дрожу,
а ты где-та, я ужаснулся!

Проснулся вновь, передо мной
тобой окно приподнято,
и все-тки вовсе непридуманно:
глядишь: прохожие, не то!

посв. Умбрашке

скрип прекратился, но сверчки скворцы!
прокралась к тишине, и шьется цифирь,
чувствительною никтью рвется,
подернет нутка небо ночь, (в сердце)
неровно сквозь)чуть свет(изюм, имбирь.

посв. Ю.В. Шатину

Ах! Шатин и Наташа,
На что я походил,
К моей упавшей шапке
Ни я не подходил.

Но что тогда, Наташа? —
На шапку я нашла,
Ни Шатину та шапка,
Ни мне не подошла.

Меня в больницу положив,
о, чем же, врач, ты тяготишься?
Охоч до дружбы я, но полужив,
но даже ты не наклонишься.

А. Сурнину

Вот Сувенир, склоненный слон,
и он, как мальчик, так молчит,
и сим скользящим вбок пером
он строчки грешные мельчит.

Папе хочется чеснок есть,
точь-в-точь, чуток..
У папы тут пропала..
Папа чихнул.

Когда на ветках листьев не осталось
вьх-хи афь, нифа! снег смешной начался
финифтью фарфоров вновь хлад нося
и доверху все осветилось

обманчивое утро маковою акварелью
над рощей лихорадкой февральской
авегл йайин наб а иволга певала
сквозь сон слепой над изголовьем

почто расплакалося фортепьяно
почем семь пять оба! зяб два саб!
С НАстоЙЧИВостью только что..
..сейчас покров вокруг сорвав сафьяна
(фонарь и одуванчик) токошто

зевает небо звук, ах, сабель слаб

Луковица в чулке,
лучик в щелку,
пялки в пиалку,
Личико,
челка,
плечико,
Илья!
Алка!
Иволге,
перепелке,
Фиалки Иолка.

Вот дерево худое, и недобрым отдает
вокруг.
А что над ним, собой отягощенным? —
Сквозные небеса просвечивают вскользь.
Случайностью ли листья опадают?

Слуга, оглядываясь, опоздает,
оставит он гостей неугощенных,
Как будто между ними некий
шепнул ему со смехом: «между нами...»

Уже в ужасе вперед приходит,
и видит перед деревом незапно
убитую и подле ней убийцу.

Она с ветвей сходить не хочет,
как сумасшедшая, над ним подскочит,
нездешная, как подобает,
что к тому добавить? —

Он плохо прыгает внизу, боится
прохожих и зевак, но убежав
от них, ее он отнимает у родных.

Но говорит ее отец: «Ты смел
притечь сюда, чтоб помогать в молитвах
нам, иль чего другого?
Обманута тобой была, но ненадолго,
ты не догнал ее живою,
а где скажи она теперь, скажи?
Не для того ль и ты остался цел,
чтоб тоже ждать убийца твоего?

И уж слуга принес умершую в семью,
и похороны засветла начнутся,
и гости, неготовые к тому,
без жалости ее хвалить, скорбеть примутся;
а дереву не надо никого.

«Натура, ты вокруг меня
полнишь недавнюю утрату.
И я последнюю дал плату,
и отошел, и нет тебя

Дорида, отошел я лишь
отсюда, где мертва лежишь,
хранишь молчание, и шум
дерев твой сон сопровождает.
И снова сон ненарушим
и в небе необнаружим
восходит вздохом,» — вздохом провожает,

поставил он свечу едва,
но будто отойти не может,
ни отлучиться, и снова
деревьев он проходит мимо.

Почему они представляют меня чучелом, чулочником, с обводом глазного яблока из черемухи коры, со зрачком косточкой, от близкой поблескивающим прохлады, от жука неотличимого совсем, перед дождем прячущегося непокойно, и жутко, — окажется, что подобно коню, поводящему головой, шатко клонится на землю тяжкое черное знамя, или кажется, что затмение неподвижно...

Почему взгляд не может быть подобен мельку пера, глаза — чернильницам, ресницы — перьям, а я самперсонажу купера? Почему бы векам не быть фиалки, влажными ближним, веко сильнее губ ждет поцелуя.

Может быть, щеки уподобить листьям, губы — землянике, а глаза назвать светлицами или светницами, или светлялькам, качающимся в век люльках; прежде, когда бабушка не драла еще, наказывая, за ухо; или руками хвататься, чтобы обманом нарвать ягод с подпрыгивающей, похищающейся дразня нижней ветки, что покачивается снисходительно к прежним прыжкам.. или норовить губами подхватить, будучи в колыбели, краю юбки уходящей маминой сверстницы...

А глаз уподобить бутону, который смежается ночью (по ночам), а днем он — насмешка (насмешлив), а рот — распашонке младенца, ветром колеблемой.

Утром постукивает лепесток: «пусти меня, цветок!» Еще мелок свет на ночном небосклоне, ночь еще буса, босая, бусами звезд.

Реянием, розовым веянием, синям сиянием, пеона пеянием, узенькие щелки век занавески — шелку, а уши — улиткам, куда лепчет ветер.

Вот Владимир Маяковский и Давид Бурлюк,
и дети их владимир маяковский и давид бурлюк.

Вот глядит
Давид Бурлюк.
Он одет
в один сюртук.
У него щека
лоснится.
На нее падает ресница.
Щукой отсвечивает стекло.
Звуком
Зевает, потом щурится,
Давид Бурлюк
видит курицу,
видит щенка.
Нет, не курицу!?
это наметчиво
шагает, куря,
К-то?
Морщинки,
рук костяная пепельница,
нет, не пепельница,
и день уже побелился,,,
ТО вовсе не курица,
а Алексей Кручоных
с Давидом Бурлюком,
величиной с дом,
здороваются.

примечание. Вот глядит
Давил Бурлюк,
он одет
в один фартук.

Когда под вечер вокруг опустело,
и когда над тению она склонилась
не в силах тень уж скрасить,

Зажмуриваясь как муравей,
с опаской спрашиваясь войти, поскольку
приближившийся выжига
испуганный спускался в дому,
что крадущийся вор;
только что рассуждавший, в чем выгода видна,

и принужден был прослезиться,
посмотрев на нее, близ церкви, тамошний прихожанин.

На расстоянии она ничуть не изменилась
упавшая совсем на-нет сошла
уж время восем исказилось
и показалось вдруг чуть-чуть повыше чем была
вот-вот уж дождь свеча закапает
поутру неровно сшитый ей саван внесут
и этой суть с ускользающей улыбкой
в ответ кто искренне б улыбался
чем я
под деревом, на дере-вЕ по-вЕ-шен-ной?

но тише!
я это всем рассказываю,
хотя раскаиваюсь.

К тому омуту, где темно, на отмель, что потерять можно из виду — вода уводит взгляд, — то не очень метнется свет, то отменно волной омыта, в полдень там будто слышно молитву, среди водяной молвы, а ночью осенью туда, реже оглядываясь, будто прощаясь ненадолго выходит босая женщина, и жалобой ее подобна журавлю — протяжная. И непонятно, где отраженье луны на глубине, а где та проталина, гнездо.

То ли ракушки всплесками, то ли к раките ветер притронулся, то ли песок потрескался, то ли песик поскуливает, то ль беспокоит увальня ливень: за окнами, словно латынь, то ли собака хвостом повиливает, или редкость рыболовов выловил, или в сомнении о погоде знакомые плечами пожимают, — вопрос всем повеливает.

Вот там: неотвязчиво: будто губами воздушные шары марш надувал и дарил, от дружбы надобно, неудобно подумал: вот там: на речную лысину, будто хозяин недобрый спустился по лестнице, и прогнал от окон нищенок несчастных! Только-только спустился на отмель утопленник утомленный, и волны словно метель, пугают погоду, и будто ошпаренная, становится необыкновенной посуда, и рощут у двери, скрипы петель. Покойник отшельник покинут. Сочлися, сошлись дни неслышно — сочельник!

1.

Гуляет голубь в небосклоне,
крылом пологим неб-режет,
водичку в клюве сберегает,
то тень коротку перегонит,
которой понапрасну шед
вдогонку, ум не постигает,
то утром тайно утешит.

2.

Иль неминуемо горюем
кто набожен, и кто иной?
Полегче ли, когда всплакнем?
Но понимаю ли тоску я —
туда, где мирны прикорнем,
вот голубь проведет ручной,
врачует вечером немой.

3.

От переулков оглашенных
крыла шумящим кипятком
прогонит промедленье вдруг.
Ручья нарочно приключенье,
впускают голубя к грудным,
похвалит хлеб, его спугнут
и провожают униженно.

4.

Свет опирался на перилы,
с прорех вспорхнули воробьи
и снова высунулись жерди,
и ждут, и тут же перелила

ведро вверх дном; окрепли вербы,
пугают тучи, суеверней,
воодушевлены голуби.

— весной невестой северней

Перевернет пером себя изменщик.
как потемнело от пропажи свечек!
и собирает бисер серебром.
Вот кошка, нет, напросится поземка,
запропастилось все кругом.

Вот я пройду, как будто незамечен...
нет, кто-вы, что-вы, что-вы, — «стойте прямо!
двоюроден, воюем мы, неправду»
перевернет пером.

Вот снова пробежит сомненье змейкой,
насмешливым и смелым говорком
снует перо; снимается копейка.
Проказник спичкой пропасти огромны
перевернет пером.

сьба сьбя
сьпа сьпя,
бози боись,
собой бос обвык.
раздобрела раздалась задрябла
задари раздобудь до зари
ферзя жираф
гордячка чаяла
париж есфирь
аглая сжалась
утопленник петленник
неглинная гладильная
но наглая лгунья
зарделась разделась
см. примечания
заждалась сжалилась

скворцы с воскресен сорвались
запропастился проказник куда
забрался на закорки
гораздо выше
рождает рыдания
рыдания раздались
залась в салазки
посидим
куда кд вы задрались
но простодушно пристыдись
сомкни в сочельник
дамски посиамски
о ксендз побудь
дупло гнездо
разумна ваза
но поторопись
мне раздуваться
откуда ни возьмись
но разузнай сегодня ль...

примечание. Дуня, примечай!

Как старушка-итальянка
побирается луна,
и тогда же на площадках
пробивается трава.

1.

Мама у кроватки мне: спи спи спи
ньт ньт, пь пь.
Нинь
Мама меня укрывает,
— Мама, посиди со мной!?

2.

ньньм
Мама у варки мне:
в фартучке я!
а не моя бабушка: «ШАНЬГА.»
А я бабусяУ!

3.

Мягче пальчики,
Больны клавиши,
Этюды Гедике,
Сколько мне годиков?

примечание. мама у горшочка мне: пись пись пись

Коле столько надарили! Он даже пожадничал, что ждал подарков поважнее. Подарили ему многое, и он много ел. В другой раз он скорее бы к подаркам побежал, будто вздумал торт прыглотить, или хотя б, вздуть, и побежал скорее на подарки нападать.

В гости ему меньше нравилось ходить, но когда были приглашенные, он всегда узнавал заранее, стараясь угадать, кто, еще перед входом гостя.

Однажды мама с папой были в гостях, но они подолгу не задерживались, оставаться — пугало Костю, просто постороннего не могло быть тогда: или придет — мама, или выйдет — «дядька», «дяхан», мама и папа вернулись, дядька выходил. В другой раз мама быстро вошла и сказала: «мы пойдем с папой и с тобой».

Ну, всего не упомнишь, поэтому здесь мы не скажем фамилии семьи, кого они пошли навестить, а скажем лучше так: попал Костя однажды мальчиком в гости. А там что-то произошло, все были как настеганные, все время были передвигаемы вещи: переставлялась посуда, звучала мебель, голоса то вклю чались в настойчивом разговоре, то как бы выключались.

Обстановки квартиры он не запомнил из-за суматохи. Только он взял штору за край, только взял шторой и качнул, дождь, конечно, как на уровне груди поотражалось в серванте с улицы что-то, или он открыл на окне стоящие вереницей бутылки из-под варенца, это он уверенно может вспомнить, дополнительно же стоит добавить, что сделалось прохладно-проветренно. Он был в кофте, поэтому только повел плечом, но что-нибудь захотелось тогда взять в руки, и он увидел над сервантом, увидал тарелкус конфетами, напоминавшими погремушки-ромбы, и кусок хлеба блеклый, и ему почему-то показалось, что трудно этот кусок укусить; тут ему захотелось понемногу похватать конфет, или взять конфету, понят-

но, он потянулся за ней, и будто развязать упрямый узелок, ему удалось ее достать, отнять, но вдруг он захотел ее снова завернуть, вернее, не захотел проглотить, необходимо было обратить внимание, чтобы увидеть возле тарелки фотографию на высоком шкафу.

Там был какой-то сфотан пожилой человек на койке, причем казалось, что ккой-какой челофек фотокарточку не поставил, а подложил. Но Костя сел на корточки и спрятал фантик под шкаф. И на фотокарточке показалась не челокек, а башенка, Костя притворился, что приотворяет форточку.

Но к пианино подошел второй мальчик, пониже. И на черном твердом блестящем боку пианино попадал и потолок и из-под кровати (так что и пол казался полированным). И второй мальчик, Коля, сказал, что необходимо про конфеты помолчать, или: «давай возьмем вторую конфету,» — «нет, две, тогда родители заметят,» — сказал костя ему (ему-то не очень было охото, чтобы и Коля потребовал конфеты). Обвертки через форточку бросить было некуда, некогда, потому что надо прятать (можно еще перепутать, у кого какая), и кивком головы Костя подтвердил, что не даст конфету коле, тогда какой-то из мальчиков съел и вытащил котлетус тарелки, а зеркало не закрывал шкаф.

К мальчикам вошел какой-то незнакомый человек и сказал, что они стоят, как будто простудились, и вот-вот кашлянут, какой-то из мальчиков не узнал гостя, а Костя и вдруг перепугался, он-то вообще никогда этого незнакомого человека не знал (к посторонним надо обращаться поосторожней), и Коля куда-то девался, кажется, его домой забрали. А гость вдруг сказал рядом (так что костя отскочил и от пианино с тарелкой, и от шкафа), что: «Кто лишил меня последнего пайка, украл у покойника пищу, печенье и конфеты,» — и ощупывал рукой тарелку. И, кажется, неожиданно, Коля про печенье ничего не знал, а Гостя же коля не мог узнать, а гость костю и вообще никогда никогда прежде не знал, и не догадывался, как надеялся, не дыша, Костя, сопоставить фантики,

плохо заметные под шкафом (но на пианино!) гость с Костей не мог, а Костя ему ничего не выдал, только сказал что-то и зашел за штору. Немного оглянулся — гость в зеленом серту ке потемнел, только орден, если присмотреться, гость вон на стуле. Костя скорей за штору, еще раз выглянул, видит, тот хочет привстануть, чтобы подойти, как к прилавку, к подоконнику. Костя стоит, завернулся, и глаза зажмурил, но не опустил (ему, он вспомнил, тогда еще показалось, что к нему с другого бока подходит продавщица), хотел к стене прижаться, хотел еще выглянуть, но не смог. Тут прибежали родители со словами: «пойдем домой, теперь поздно», и включили свет, и они прошли под абажюром. И он пошел с ними домой, и дома спрятался.

Уторкай меня, зимушка, мизинчиком тронь мое ушко.

Вот кто задумался,
«что делать?
— и как узнать,
куда шнурок задевался?
— уж лучше я б не обувался.»

Сядет тогда подумать,
спрячется, нос воротит:
«пойти куда потом» —
с виду все вокруг потере вторит.

Смотрит, стопу не отпустит,
стертый шнурок, как червь донимает,
пройдет нога, взгляд не поднимает,
сам спрячется, словно от дождя под кустик.

А другую ногу у ботинка вырвать из пасти
силится, в этом двойное неудобство:
неразлучны конечности, ни одной из них ни пасть
невозможно, ни обратиться в бегство.

И воззвал он к себе тогда в своем сердце:
«что ты словно хвост поджавши, трусишь?
али стережешь ты большую драгоценность,
или недуг тебя уготованный тебе крутит,
аль недуга гнет тебя стреножил и крутит?»

Но лежит он уже на своей кровати,
а вокруг друзья смущенные сгрудились.

«КУда, УЗдечки сна КОНЕц!» —
воскликнул он настолько —
«не знал я, как обуться, не знал, как разуться,
такова была на мне обуви обуза,

а кто меня сюда снес, все равно не знаю,
КАКРАЗ, было темно в коридоре!»

И задумался словно заснул он крепко
брови у него срослись, чуть переместились.

И лежит он на своей же кровати,
и давно зовут его на ужин.

Зайдет художник Кузнецов
сидит в кутузке Узницов
задет художник Вкусницов
кадит кудесник и кадет
пьет квас газетчик Васнецов
казнит законник Казнецов

посв. Н. Кульбину

онп арьл ерп асансан
иль сембль
ки ль етансе мбль
но нрьян
ьануруариан
ан нри
временле ру-а
ме нтьна нтилье ге-ри
ком анек юрейль
пределаг ер
комбь а нде фу-а
иль ре-г-ре-те-де-се-ре-гард
ме зильсе гард
люй мем
дю серке йль
де ля кве рель
пур-т ан ильве ля вуаде сабр
е севе пре те де ля сабль
тру а о кьатр саса бри-т
ки фир ан иврoнье сон ре
фле данле мирру —
а

Примечание. Будь я втором, тогда потребовалось бы сказать, откуда приемчик, но се только неточный перевод с французского. А-втор — поэт Anne-Henri-Nuque-ta-Ri-chez.

посв. Оч.

слышу бабоч`ки как будто
иногда отнимут нот —
то капризничают, ух-ты
в бутонах.

непроницаемым повернуты крылом
к дождю
        накрапывает дождь
проворный

притворно
на капор пробует капронный
сесть.

о ботанические бантики!

оторопел и мальчик уши оттопырел.
мне некогда, но некогда и мне
пришлось бы так прислушиваться к ним;
не оборачивается, обернут ими бережно —
покорный слушается бабочек-
ами покрыт.

Откупорю пока бутыль, бултых!

посв. Евг. Минеярову

поутру внятно дня мне подаянье

Голуби подпрыгивают на снегу чуть взлетая Жалко, показывая подмышки, переступают озябли лапками.

Вело, вело по всей земле (,)
велосипеды.

Тиха как Хэтти Хаттэр
(немного говорят)
вот перед нею скатерть,
и перед ней опять
она сидит неторопливо,
сидит и перво-наперво
нетронуто стекло.
Но вот совсем светает,
и утро темень в комнате
окошком прерывает,
и дверь видна незапертой...

— Прошу вы мне напомните
вчерашнее, о нем,
попробуйте, напойте,
куда пойти мне днем?
Вы ни-о-чем не скроете,
ведь нет же, вы не скроете?!
(как будто отлучилось,
от голоса неотличимо
молчанье отвечает)
и в а с не узнаем.

Ее лицо отдалено
от взгляд капризных,
условием заслонено

Сосед. Она теперь от нас отдельно.
По-моему, надо ее отвесть в богадельню.

Но ты не заметил,
во что одета она?
— коль небогат наряд..
— или мне показалось..

— она была заплакана..
— она была за облаками..
— и в самом деле солнце закатилось..
— но ты не примерился?

Зачем сюда ты отдана,
ведь кажется твое дыханье,
с кем, со мной обручена,
и на осеннье расставанье
совсем обречена?
Она едва бедна,
и нам печальна
другим ее несносна хромота,..

Сосед. (к дочери) Да вы садитесь. (к дочери)
Что, непослушная, Лера, буквы ты
лепишь и пишешь неправильно?

..но ты вменишь в непослушанье
несметны сетованья наши,
но прямотою и признаньем
могу ль сознанье выдавать,
иль окажу судьбе презренье
и отвернусь умалишен.

На рассвете ветви деревьев виднеются, я прошусь к маме на руки; но ненароком забегаю, пробую зонт раскрыть с опаской, вдруг пропадет, я голю в игре и зачикался по дереву, вздохнув, только считать не подглядывая. Мама, сколько тебе лет? А она возьмет меня к себе на колени, и лицо ее пробегает вкрадчивая улыбка, она (а мне нездоровится), наклонившись ко мне, что над гнездом, повторяет забывчиво, что совсем я у нее разболелся, и руки ее (у нее) так зыбки, она будто мизинцем спокойным клевером губами пробует мой лоб.

В это время утро потолок у нас в комнате белит, это когда раны засыпают, а стекла вздрагивают от холода и вздыхают.

На Селегея

Селигей, сельдерей
Телегей, сельдей иерей,
Сельдей иерей,
Телегей, Селигей.

Теперь тепло унесено,
учтивый мой нос к заморозкам.
У корзин назойливо,
раскинув крыльев стекляшки,
развесив в воздухе свои бумажные булавочные лапки,
кружатся водомерки.
Вот грузный зной прислонился к коре,
дотронешься рукой — знаешь?

Позвольте, будет спрошено,
ужель насовсем все брошено,
и сожаленья грош ему?

Верю,
Там,
В мире гудящем
гнездо человечье вия,
улучив минуту лучшую
мать дитя свое цейлонит,
лицо его целым вкусным поцелуем
целует.
Мыльный пузырь —
Зырь! —
и пустое яйцо.
Мальчик, ребенок, чилиец,
ревнуя, мать уличает
и вдруг
руки отнимет, украден.

посв. Ф.Т.

Я вижу лица, спящие моргают,
свои глаза неясным оттеня,
дотошные, приближась, убегают,
меня, шепчась-топчася, именя.

Обоих малодушных обвиняют,
едва крестом невзрачным осеня,
манят, вину вменя, меня меняют
прощают, жизнь веревкой удлиня.

Прилипший и кровоточащий плащ,
твой, Деянира, не сдерет палач.
он режет волос черный-иссиня.

Я не свернусь куренком в кипятке,
на шее скользкой... звук вокруг «умре»,
возле лица хватает пятерня.

взору зори,
и сердцу сини
невыносимые,
и небосвод босой высок.

иркью
би
пу

А. Крученых

— Зачемпочему вы на меня смотрите? Вы хотите, чтобы я вас ущипнула? Вы лучше уходите, уйдите.

Нет, как можно, я не обеспокою ваш замочек, у самочки, да, у вас не замок, а щеколда, я с предосторожностью восполь зуюсь ее щелкой, такова моя цель.

Почти у всякого своя красота, но вы мне живо напомнили тельцем гусыню, с ее медно-медово-глиняной наглой головкой, возле снуют мошки веснушек, когда вы, наклонив ее, словно волну, подобрав подогнутые плечики, щиплючи ваши перья под мышкой повыше и ниже, но так быстро благоразумно глубокомысленно, что вмиг не прошмыгнет и мышка.

Да, вы напомнили мне гусыню (негусыню), с ее взади и книзу хлопчатым пухом, который она смачивает клювом, и двумя клубками, желтками, коробками, наполненными железами мне напомнили вы. Знаете, Гаргантюа считал, что лучше подтирать гузно гусенком.

Строптивая Гусыня, держите во рту кинзу, с хлопотливыми хлопчущими крылами, шалью, заботливость не забываете ни в коем случае никогда. Вы, лапчатая, перепончатая, наверно, нередко плачите.

Тут спохватившись, опомнившись, он произнес: «Прститеменя за беспокойство, и, пожалуйста, прощайте.»

А она поскрипывала к прямо клюву прикрепленными звуками. Например так: «чиверикам».

Жалюзей жалобы,
занавески расстались.
На улице тряпочные
тени деревьев,
нытье уличное.

Но вот воздух становится пряничным и
лает колокольчик,
вот клоун в колпаке
вот цукольник смешной.
Невестин он, неласков,
и каплет, плачет кляксами.

Оглядывается, испугался,
но тотчас увидал что
юлу поймала лапой
служивого собака.

Чуть пропуская, солнце
затаил зонтом на палке,
задел, до света не достал все-тки.

Но вот воздух смутили, налетев
мошки и сумерки, цвела их канитель но

— Порхает колокольчик
и шапочки помпон.
(оживленный воробушек)
воробышек оживленный
((поет, поправившись, далее тож))

Открыла легкую калитку,
трунила с кошкой, а потом ее турнула,
проснувшись,
да нет же, просунувшись,

была удивлена.
Негромким голосом проникла,
в укромном месте будто солгала,
не отвлеклась,
а отголоска опять не донеслось.

Но скорых, огромных
и тонкий ресниц принесла укроп,
и села на колени,
и пятки были вкрапинку
(рассыпала крупу).
И вкрадчиво,
гадательно,
как галка,
долго
она хотела звать меня
быть старцем пожилом.
И в платьице веселом
она подкралась тихая
(тихикая),
дразнилась, поглядев,
(она воробышком хныкала,
плечами поведя)
как жалко!
И на балконе прыгала,
и черточки на жердочке оставила, ходя.
она танцевала худенькая,
и плащ ночуя, чуден ея
поникнул, побледнев.
(Я худенька на цыпочках поникла, побледнев).

«Побудь, побудь лишь прежнею,
дитя мое, что прижили мы с мамою!» —
напрасно повторял.

На скорбь мою обидчивую
и сбивчивым сначала,
она мне утешения лепетала,
рассказом утомлясь

послушну утешения лепетала.
Смотрела сквозь былинки
спугнутые сейчас,
и нету взгляд у глаз!

Они наверное она в отца была,
Они она мне нежною помолвлена была.
(Она такою похорошевшею)
она такая похорошевшая
была погребена.
Ах! Я все неумно перепутал,
она не умерла!
Она мне дочку крошечную
(бояка)
баюкав, родила!

Появляется женщина с девочкой,
и втроем они улыбаются (под зонтиком).

— Нравоучительный рассказ перемени,
не нравится уже почти, —
Не почтальон иной, но кукольник почтен.
И загляделись, заворожены
на светлых водах жаворонка тень.

23 июлю 1996

Тебя настигнула гроза,
и от твоих норвежских глаз
куда в пучину отвлеклась?

И отречение срезал
разочарованный упрек,
и хрупкий сон и обморок
туда в просвет за громом пал.

На тропе уж проступившей
Змейка замертво лежит.
Только холод простудившись
в девках уж не усидит.

Нянькам некогда промедлить
и хотя продленный день:
гости счас придут проведать,
надо чад переодеть.

Но заметьте няньки врут как,
что детям наподдают,
смех, ужимки и увертки,
несомненно выдают.

Посмотрите, няньки врут как —
будто снег нападает, —
дочь их, что же? змейкой юркой —
зима замуж выдает.

А. Сурнину (спящему слону)

То пляшем на пляже,
а то ляжем на живот и...
и у неволяшек
нету зевоты.

У меня нет аппетиту
у меня апатия
я хочу попить компоту
говорит пиита

— Что ты надулся как сосед,
чем разобижен?

Я был разбужен, я не подготовлен,
приподнялся едва, гляжу,
когда земля лежала бездыханной,
и лишь угадывалось утро,
и утро лишь угадывалось.

— Как ты его приметил?

Свой сон я пересилил,
особенно взглянув на небеси:
мяукнула луна и опустилась.

— Что ты к тому привесил,
. . . . . .
впридачу, я был разут,
и холод лобызал
мои ступни
и приближался свет к ним

И оглянулся я как, годовалый,
и я тогда к деревьям устремлялся,
они смиренные, они не докучали
они погодою качали
немногоцветны и внимательны.

. . . . . .
и словно я попал на пепелище...
. . . . . .

— Что ж ты искал, когда из дома вышел,
как утро очутилось,
как очутилось утро?

Встрепенулись тени,
и сделалось интересно,
и воцарилося вниманье,
и был минутою комар коварной,
и минус он считал,
и нос свой очень очинял.

— А что писатель сочинял?

Послание получше он готовил.
Заметил он, что лучик по углам
усаживался и гостит,
(во всех углах одновременно уживаясь).
Получше и получше непременно,
послание, но тут, его тревожа,
оса взвилася, «перестань»
и уж ловил осу он,
ловил и морщился,
лишения перетерпел,
(и свой язык высовывал).
и он осваивался с ней, оторопел,
еще побаивался, и.. за шиворот!..
избитый полусонный,
вскормленный, долу устремленный,
он жадный задрожал,
как дирижабь и уронил бисквитом
перо в свою чернильницу...

— Ты проницательно его пред нами оценял,

и паутинкой уносились тучи,

начитанной учительницы
оптической почтительностью,
и попечительством аптек,
она-то, приподнявшись,
урок и приподнесла...

— Но все же ты не утерпел...
и унылую улыбку,
и улыбку унылую,
либо юлой заброшенной,
несдержан, ее движением в избытке заворожен
(встревожен, взволнован)
ее незрительной завивкой,
визгливыми нравоученьями...

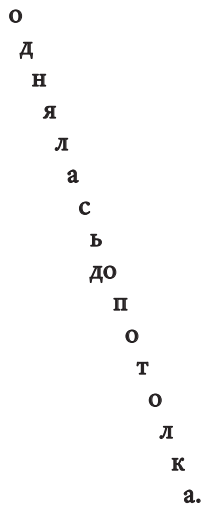
— Иначе, опять коснемся утра и ночи различенья

нетерпеливо утро,
оно и не удержалось,
понемногу, быв поникнув,
все кинулось, и понукаемо,
ловить каемку ветреную — ну его!
. . . . . .

А день не выгоден...
Полдня он пасмурный, хоть солнце поднялось,
валандая боками туч, тюленем,
непреходя, наперекор, термометр,
и дождь таращит тюрьм решетки,
и путаницу напускает, что кузина,
и нападает на окно,
послеобеденной охоты не спускает.
Но чем его докуку заменили?

Подвинешь кружку,
вот и вечер наступил,
его как будто хлеб, куда макают,
. . . . . .
он поздний гость, его воспоминают
старухи и показывают на него.
А все без толку, он матросом
или теленком,
кургузый, со сквозной улыбкой,
в бескозырке,

лентяй, две ленточки,
платок-то перекинь!
. . . . . .

настала ночь,
ее ты уподобь бутылке,
и к уху поднесь(и),
а все без толку:
в ней нету ни глотка.
Улягся, на затылке
пробудет полночь п

3 января 1996

Как сладок воздух пред грозою
и скоро сумерки предстанут
слегка лишь облако качнут
росою бросят перед ними
переодетыми больными

тускнеет снег на холоду
но быстрой тени не таиться
с пипеткой вышла медсестра
но уж так хочет воротиться
на цыпочках а цапле снится:

Снисходит сон не сводит глаз
свободных засветла незрячих
лягушек глуше разговор
ку-ку кувшина шум вчерашний
свистит от зависти незряшной

Пусть лошадь ландыши сошьет
и лампочка вкруг лампы вьется
как будто сердце пропадет
к постели кто-то подойдет
и смерть смирнее прикоснется

31 июню / 1 июлю 1996

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ-СПУТНИКИ ОПУСОВ В ПОДБОРКАХ 1995–1996 ГГ.

***

Борисову

Огромный грозен Борисфен,
ты вепрь, непривысен другу.
Ты финн, ты сфинкс, ты скунс, ты
Ксанф.
Ни с кем не знаешь ся в своем роду гунн.
Ни с кем не знаешься в своем радугну.

***

я безумен,
я безмен бессменный,
я бегущий бумажный змей.

в небе я жмусь со страху,
за-иму-щиство,
высоко я возьми и взмей

и что-то все стряхиваю

***

Я — йога
Я — Яго
Я — йорик
Я — Юрик

я пишу стишки стрелой,
только пользу знаю
и тогда стишки струю,
а куда, не знаю.
посмотри, играю.
посмотри, теряю
пострим тягаюсь

***

<...>
Живые, карего папоротника,
Я отдернул свои глаза,
Потому что думал,
Тростниковые губы одернет она.

***

Как мальчики, смеясь, надписывали железку.
Как девочки, смеясь, рассыпчатое печенье.
Они, смеясь, выжимали его сквозь зубы,
Как будто у них носовой платок во рту был.
Есть у меня увлеченье.
Люблю мой язык незавернутым сочнем в зеркале.
Люблю щеки, как непроходящие в дверь кули.
Девочки лезки.
Мальчики грубы.
Мальчики давились, сгибаясь, смеясь.
Мальчик надписал, царапая, слово «мрась».
А день в это время убыл,
Хмурясь и хорохорясь.
И нам спорится в морось не ссорясь.

<...>
И мне снится
Волнышко-крылья Эа
И в волнении вскрикиваю
И вскакиваю,
И взмолился:
О, Дий!
Вои
Украла из Персефона.
Не требуй оды!
Зев твой и Лидии звоны.
. . . . . .
И на веках моих мирмидоны
И окликнул:
Сиротка Марыся.
Ах, я плачу на плечи, Патрокл.

О ТОМ, ЧТО НАПИСАЛА МАРЫСЯ СВОЕМУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

На тонкой прялке сон
Выпадывает веретенце.
Оветрены волосы
Подглядываю из-под полотенца.

Дунешь — долько,
Тронет нос
Мальчик Колька,
Только ветерок донес.

Звякнуло колечко,
Прялая — щемящий.
Щеку, Колечка,
Лизни по-щенячьи.

Ветрянка,
Веки оправлю,
Прильне
Мне

Я нравлюсь?

ВАМ, ЛЮБЯЩЕЙ КУЗМИНА, ЛАНИТЫ ВЫЧЕКАНЯ

Елена, вы как лань, дыша!
Веснушек пятнашки, а слезы — ландыши
По щекам листьев.
На горе Елеонской.
Копытцем поцелуй пят мальчика.
Да минет лай.
Милая, Минелая!
Спасение Илиона!
Вы чекавая.

***

Я хочу целовать твой сосок
Изюм и изюбра
Другую зверушку
Как ребенка у грудки макушку.

Я губами схвачу
Твоих дужку очков.
Если хочешь,
Наловим рачков.

И мы будем,
Как кошки-пичужки
Избегать и мяукать.

Мы поскачем с тобой как лягушки,
Твои веки — на солнце ракушки,
Твои волосы будто песок.

Мы поставим случайник на стол.
Наш алоэ — и будем ватрушки
Бабушки моей трогать и пробовать носом.

Мы посадим под окна несушку
И нахохлится очень несушка.
Ты укусишь меня будто сушку.

***

Ты меня поцелуешь на ушко.
Твои веки и веки Ревекки.
И ты будешь мякушка-мякушка.
И я буду бякушка-бякушка.
Мы на солнце с тобой потягушки.
Медуница моя, медуница,
Твои руки теплы будто ресницы,
Твои губы горящи,
Твой глазик — слеза.

БУДТО ЛИШЬ БУТОН

Листья
И, будто кинопленка на свету
Листает, будто я,
Они опять зелены, рады.
И, будто бы ребенок буквы лепит, путая,
И легкий лепет:
лебеди.
И лампа слепит.
(лебедка, бьет-то!)
И розовый лепесток

Утренний, восток
Но не зарюсь (Дай позыреть)
В окне лишь росинки на солнце,
Листок — солнце
И письма ласковые — майские
Гуашевое небо
Их глаза чернильные
Плачут.

***

Ты березка, глаза у тебя
как волнушка.
Вяжут губы твои мне
немой поясок.
От халатика твой поясок.
и пойдем мы с тобой на матрас.
как пижаму, а хочешь, как пижму.
как мимозу.
Птиц-туч вереница
Я ка будто, ка будто вскочу
И как будто, ка будто вискоч

ДЕРЕВЬЯ ПЛАЧУТ В МОКРЫХ ПЛАЩАХ

Ветер рвет ивы листы
Стыдливый

Ветер
Ведер звенит, редев,
Серебряной нитью звенит,
И тявк.
Квяты
На колени
В моленье
Опустились.

***

Хлопают ладошки
Ловят солнце
Листочки
Старятся, сохнут.
Вети зеленые
Желтым листком
Пятнаются.
Ветры
Песком обсыпаются.

***

когда пощуся я то тщусь
чего-то утащить.
но что, утешусь:
я раньше в прачечной арапом был
к поступку подпущу ль я страх?
Я крепок, разве прах мой плох.
Пустуют сутки как с тех похорон,
иду я скорбен и согбенен.
Я хитр, но мой не бросок скарб.
и птиц нескромных покормлю
поутру, внятно дня мне подаянье.
и внутренний рассудок мне не чужд.
я внуков жду, маненечко
кивну прохожему, поправлюсь,
вновь кивну в окне приятелю,
меня он приютит.
штаны мои протерлись,
но позднею порой не возропщу,
когда обвыкну я, но зря простились мы,
возможно прах понравить.
поправить
по пра в ить.

***

Ночью Марик и я с ножами
Дядьку моего режем.
Расхаживаем, разгуливаем,
Наживу наживуливаем.
Брызнула кровь его громко,
Склал он лицо свое в бумажный стаканчик.
Вдруг пуп его как выпрыгнет
Из пуза пробкою..
И он на бок другой перевернулся.

***

Зима мизинцем тронет ухо
«какая вздорная», — мы врозь, —
и потакает говоруха,
глядит немного наискось.

однобокие тени крадутся,
покуда их не украдут
шагают по улице рабочие,
ипохондрики скоро пройдут.

беспокойные многие скучатся
постоят немного погодя,
посчастливится мне ль, я соскучился!
подскочил ко мне негодяй

***

Ты, падчерица, куда пропала?
поморщится ведерко, это.
— Зачем меня она прогнала?
и кто тебя уторкает?
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
ошеломлен и несмыслен,
мне поцелуй любезен, смел.

22 ноября 95

***

в трюмо, как в трюме; на веранду!
по ней, надменен, прохожу
я натощак, гонимый жду
шатающуюся команду

намедни постояльцев выдворяли,
недоумен, пока соображу,
по сторонам, несношен, абажур.
в трюмо как в трюме.

прижался к рюмке я, к оконной раме.
зевая, помещенье запирали
хозяева; огня не разведу.
зачем? — когда сюда зайдут?
но прикорну покуда с позаранку
в трюмо как в трюме

22 ноября 95

Сквозь волнистые туманы
о, беспутная, одна
на печальные поляны
невидимкойю луна.

Колокольчик однозвучный,
колокольчик вдруг умолк,
колокольчик однозвучен,
удаляющийся крик.

Скучно, грустно, руку, Нина,
некому подать.
Я спою тебе кармину,
но боюся передать (переврать)

Тускло смотрит месяц ясный,
баюшки баю.
Вьются тучи тучи вьятся,
батюшка в бою.

Ясный месяц стал над лугом,
с правой стороны.
Месяц (лгун он!) ненадолго
должной входит старины.

Веют вихри, мчаться тучи,
тройка борзая бежит,
Хивря конницы летучей
сквозь туман лишь серебрит-т.

март 1996

не угадаю где радуга, око высовывая

ОР. 31

ося
заум
осязаум

***

О, подушки резвый катится клубок,
Это сумерьк поясок, сита теней шопоток.
Фейки веки шопоточи,
Плачет голосок.

Тень на щеку, щепу точит.
Это сумерок песок,
Тень от взгляда на лицо,
Удивленье, те и четче.

Звуки голоска зову,
Чин синицы и чижа,
Жаль,
Зеницы Ивлин Во
Разлучаясь, различишь
Взор черемухинь кидать,

Танец знаками, кудель,
Я на ВАС хотел глядеть,
Мой висок высокий дать.

***

Синица надсмехается, смекнув,
я с осенью протяжною свыкаюсь,
зажмурясь возле дерева, возьмусь
закладками страницы помечать,
седьмая и восьмая, оглянусь на календарь,
так долго надо мною дни смыкаются,
там, высоко, на небе; сутки и кусты столь тусклы,
вот-вот расплещется листва, и пропадая, втропах, припадет к стволам,
невольно, как спускается по воздуху волан,
пригожий день надену ко вчерашнему заплаткой,
и мне, прохожему, погожим, и похоже,
что будет горьше в ковшике хорошее питье,
притупит губы у краев, (напутано),
поникнет запятая, склоняясь в забытье, попятится растерянно,
стремительно синица в просинь бросясь,
покуда,
я вас покину окаянных, но несом.

***

Вот рыба чашкою ныряет,
И пятку отрока купает,
И горькой каплею играет
Ее цветная чешуя.
Как привередлива швея
Холстину ниткой пропускает
Молчанье просто оживя
Своей послушною иголкой.
то отдалит, то приближает
к себе дыша; ей губы смолкой
и острой стрелкою беголкой
и не проверив скоро каплет
на вышивку иголкой тонкой,
чуть оголяет руку, тронув
свое чело, в испуге... сонуфь...
смахнуть пылинки... кустик полит,
Руки опав листком, моргнет,

Наташа свой мизинец колет
К губам синицей поднесет.
(размолвка).

***

Уму моему
непонятны
уймы вещей
милость
и смелость
и грустно еще
почему засмеялось приятно
у милой прелестной намисто
и вот
мимо минует меня
мнимого.
пробую догонять взором подобежать...

и очей шаг гаснет (о чей?)
и вот убаюкала меня на коленях
и тихо поюкала
и маюкала
и губы разказчицы колеблются,
и бегает по буквам букашка
вот макает буквы горбушку,
и шуба широким шумным жаром
хорошо помогает

почему же так трудно
смотреть
на смерть,
с ней у меня недомолвки.
вот я втихомолку умолкну
в уголку или на лугу...

Темя ест пятку человека

Ваши взоры — рой шмелей,
и затылок — клевер,
вы — губами вежливый.
Как клюет крикливый,
И похлебку пьет,
Так привыкли мы смотреть,
что беседа говорлива.
Марабу морской болтливый,
Марабу башкой бормочет,
и, подвижной, лапу мочит.
И на корточках ворона
Изо рта пускает мрак,
А покатая корова
На рояле лает скорбно,
и она вся в одеяле.
Вот на кровлю вознелся
Царедворец молодой,
И в возне возник, неся
Я, жених ее простой.
У сестры дневник, грустя,
Говорю гуськом прося.
Злая, крепкая золой
Бьет мя, острою вонзясь стрелой,
О податлива корова,
Что же сделают со мной?
Жребий вынутый тобой!

***

Низарь и Назореянин (Назореяин) разные.
незримое, неземное, незамечаемое, замирное
зерно, ненароком, кормом, разини,
размахиваясь, кидают.
Когда Низарь,

время, верно, Разин,
Когда Назореянин –
Ниняерозан (Нияерозан).
И дикий взор их мокр.
Наземь послушны упадаем нази ниц,
Горе просится зениц.
я сиженец и саженец.

***

Любезная моя свекровушка церквушка,
Бедный боженька скворушка
лезет ко мне подокошко.
Турнут-ка я его в чертополох
Извини, что холопья та речь,
А то как встанет на подоконник, а потом станет с подоконника крошки клевать, а я с век рёвушка, церквушка, втуне что ль лучшие на подоконника того крошек накидала, кадила, а он то все — ни кровинки на лице, будто и не ел вовсе, а вокруг то и крова то больше то нету, ой, что-й-то крыша швыркает, крывши вширь, так вот я и заманила его сюда отцу, цикадой, акридой прятался, прядал, подойдешь чуть и удрапает, только крыло танцующих его немного упрятает.
Ну вот <*нрзб*> ты мальчик зырь, ведь четкие у кумушки. Ну вот он цуцик.
А тут заходит мужик и половицы тоже, точно половцы, и глазом не моргнет закаленным взглядом нож — уже — пол овцы, как заломит шапку до потолка, то у крыльца трепещат крыльица, а из рылец кувшинок роса выльеца, да как поклоница до колен, что только на запятки вскочишь и ату. Ну и цуцик на цыпочках, царьком, все ли целенько?
А этот, с нахальством всех растолкал, ну, растолковывай мне; и тот пальцами тонкую пряжу к лицу этого прижимает, мать та рукодельница, ткачица, а он как <*нрзб*>, здесь, пострел у меня на посылках на поруках только чиркнешь спичкой, с вечера, он здесь сверчок, свечка, вертится тонкое веретено <*нрзб*> просятся погреться, тетя кошка, тот мальчик Димка Таборгин, около дома один.

***

Бубен чокается, чекано.
Заря, меня зачинай!

***

Луна в букете. Облако закапало на небе.

НА ПЛОЩАДИ

Запах черемухи низко
сто вздорных мух
наотмашь от обшлага замшевого
разительно ее глашатай
хвоей хрустальной входит глух.
на столько крылышек отвлекся
поджатый подвое
заискивающий намек
луна посахарила лапу
и пес улегся понемногу
и он стал бронзовый и пиринейский
его проворный и придворный притворный нюх
как будто шрам, подъемлет запах
зарянки пропадает крик
подернута ботаника неглупо
и оживление коры
луна видна лишь за спиною запросто
неяркий якорь в час назначенный
просторно веет
и полночь как простолюдин коня седлает
и тяжелеет
и часового подводит однозвучный
и неудачно удаляющийся крик
и подпирает недобрая будка
воздух

и кажется что неудобно лаять
и старую дуэнью домочадцы
жалеют
и тут же
давно бежали голодранцы
впустую тучи
несчастны небо попирают
и бедолаги и иностранцы
и двоеженцы и домочадцы
давно зевают
и свет разбрасывают ножницы
и освещен недоброжелатель
но вскоре в сторону повернутый
и ночь прошла теперь
то есть она ужасно незавидно вздернутый
тут все попятилось.

ОР. 52

(читать, закрывая один глаз,
А второй жмуря, будто он подбитый)

Ну к мытому стеклу за шалавьем увлекся
проскочит краской облако расквась
как голубь горлышко полощет блеклый
пятном в воде вокруг двоясь

Законченное гладкое легко
бы подобрать стекло что припеклось
в саду на доннышке где раболепный колкий
прикрытый папоротником пар и тонкий хвощ

Сребрится кожура в разводах виснет жарко
подмоченные с пенкой липы зыблет в головах
до слез игрушку до болезни перепрятав
а приживутся ль васильки губя на кружевах

А птицы разве кровью кормят и щебечут
ни обещания ни ябеды и вниз
по бахроме поверх затменья в поднебесьи
и просится как бабочка проснись

Пиниги на прибитых покрывалах
сидят не пикнут все издалека
ни с измальства измаявшимся прямым
глядеть с мостков москвы хорька старушку петушка

Вот луковка и занавесь из ситца
все смерклось стала смирной осень
ослепши или лап лишившись —
сморгни сморгни — все ошибешься

Как вечер сморщился сейчас ему примочки
а рюмка сухонькая сохранит
и внутрь (бинт иль бант) а не схитрит
и сахар новый даст причмокнув

торгуют здесь торжественно и проще
калека служит плошкой обнесет
оборванный цветок переведет
и вдруг задышит в щелку плоше плоше

и скатерть скарлатиною набьет
свечу и ставит эту дочку на колени
ай неудачный взгляд не перейдет

на стебелек безо всего а лекарь примет
далеко нет такую вещь как овощ
зашитый в ровную ощипанную нощь!

ОР. 56 ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Когда деньки соломенные минут
широкий шар держа на голове
она слезы быстрее выйдет
как сон всего на несколько минут
как дым тогда на высоту подымет
маяк с востока — чуть правей

За полог ветхий: видно: куст и поле
и сквозь царапающих улиц поезд
и выравнены будто по веревке
все вещи будто овощи-морковки
и вырисовывает лампа поздно
ее на виадуке у самой кромки

Из опусов 1997–1998 гг.

Цветошница клониться над левкоем
вода разлита стол под ним стал пудель
все уже круг от тусклых слез ее
она от них как деревянная легко ее
хватает на полу дитя когда напудил
меж ними между тем кто с длинным лезвием?

Ах танцовщица брови насурьмила
глядит недалеко в окно и прорастут щели
на берегу огни и на водах
утром детей детей она перекрестила
трамвай рыбачья сеть бегущим переливом
трапеция тропа в его стеклах

Гремит все по верхам трубою водосточной
на время дождь там циркуль проведет
и скрып телег чумных за-ве-денной
в корнях деревьев будет спать зимой
а будет свет в саду на стороне восточной?

ОР.57 РОВНО И РОЗНО (МЦЫРИ III)

Душным телом рай от меня закрыл,
дхнул на дно души и воды двинул,
приниженною жизнию пронзил, и
тогда сказали мне, когда и где кто был,
и что за деньги медные купили,
и по земле туда и там водили.

. . . . . .

Я торговал на двор и в перекрестках,
торжественно и чудно торговал.
Как клевер был оплеван, как слепой.
Что торговал? — то шляпу, то картошку,
угль и гальку, скатерти менял,
щеглов, простыни, мой ночной покой.

. . . . . .

Я жался к берегу, я руку перебил,
и на себе болезни залечил,
был прежде сыт, чем воровал, как ворон,
детей курносых, женщин, лошадей,
вот горло перебито, пузо вспорото, за шей
их подымал, как бы сынов за ворот.

. . . . . .

От всадников я прятался в воде.
Чтоб кости проросли и кожу разорвали, —
хотел бы я не то: чтоб катафалк
вся улица несла б мой к изгороди,
мальчишки б катофотою сверкали!

. . . . . .

Чтоб дроги прочные под окна подвели,
по сторонам косились бы гнедые,
дома зажгли, затмение чтоб, пли!
без стука бы упал, но, гниды, вы,
вы в тридни Его тела не нашли.

Из опусов 1997–1998 гг.

С.Е. БИРЮКОВУ

* * *

Сергей Евгеньевич, здороваюсь.
Ваше письмо я получил 9 мая.
Отвечаю только сейчас, боялся утомить (раньше), бумагу я попросил у соседки, для курсовой работы и письма, но письмо я написал, а на другой стороне черновик. Вот потому лист такой нашелся только. Курсовая работа у меня по Пушкину, слаба мне кажется. Там первая страница (?)
Очень рад публикации, но мое стихотворение мне нравится не очень, а другие совсем не нравятся. Зато Игорь Евгеньевич напечатал Ваш «Портрет Рене с дождем» в новосибирской «Молодости Сибири»
Прошу Вас, подарите мне пожалуйста, или пришлите почитать Вашу книгу «Знак бесконечности». (?)
Я в Астрахань послал тезисы, но они плохи по стиховедческой части (стихотворение «Небо душно и пахнет сизью и выменем»)
Макет журнала, где И. Е. Лощилова стихи напечатают и мои, составлен. К моим у меня есть две картинки А. Кузнецова.
Сам я написал два или 3 стиха, но они мне не нравятся, а одно нравится, хочу показать.
Я учусь в НГУ, и беда с ним: на экзамене по французскому получил «тройку».
Спасибо Вам за письмо.

P.S. Напишите (мне), пожалуйста, о Геннадии Айги
Пожалуйста, разберите мои стихи строго
Как вы думаете, может быть, я пошлю их в Черновик?
(Адрес мне дали)

Сергей Евгеньевич, здравствуйте. Поздравляю с Новым Годом.

Спасибо за посылку и особенно за Елену Гуро.

В Новосибирске живу неплохо. Сейчас сессия. Пока у меня пять зачетов. Учусь читать скорее. И. Лощилов может прочесть любую книгу 300–500 страниц за час. Здесь у нас выступал театр Някрошюса. Они поставили «Три сестры» Чехова и по «Маленьким трагедиям». На первый спектакль мне удалось попасть.

Я познакомился с Токедо Акифуми. Он меня пригласил с ним поговорить, но я, наверное, лучше буду слушать. Стихотворения мои не очень удачные. Очеретянский их сурово разбирал, но написал, что ему интересно. К сожалению, на дискете, посланной вам, не все тексты выправлены. Вы не знаете, принимают ли в Чехии русских студентов учиться? Прошедшие выборы меня не удивили, но депу по моему никакие. Я нарисовал несколько рисунков, например, Жерара Депардье. И лань. Посылаю вам копий и стихотворения.

Тучери-кучери-вечери-Очеретянскому я пока не готов отвечать на письмо. Может быть я женюсь в будущем году.

Вас приветствую, В. Іванов. 22 декабря 95

* * *

Здравствуйте, Александр Иосифович.
Я получил письмо от вас 28 октября. Спасибо за письмо.
Отвечаю Вам от 4 ноября, но письмо отправлю, наверное, 9–10 числу. Потому что тексты получу на бумаге тогда.
Посланные Вам прежде тексты, к сожалению, недостаточно написаны, в чем мне упрек. Ваши комментарии убедительны, прозорливы. Дописывать вторую часть Ор. 8 не считаю нужным, так как она, в отличии от первой части, была вызвана обстоятельствами малозначительными, <попытка отвечать на оскорбления, портившая рассказ — *зачеркн.*>, над началом привожу добавления
Получены Вами в прошлый раз вещи написаны с августа 94 по сент 95
1 — авг, 2 ноябрь, 3 ноябрь, апрель, 4 апрель, 5 апрель, 6 <сент 94 — *зачеркн.*>, авг 94, июль 95, 7 окт в целом, 8 март, 9 март, 10 май, июль. 11–13 июль, Вот рыба — сентябрь 95. Это не все что есть, но <пошти што — *зачеркн.*> наиболее крепкая часть.
Теперь посылаю Вам вещи позднее написаны.
<Вещи д — *зачеркн.*> тексты друзей посылаю
Благодарю за большое письмо,
В. Іванов

* * *

Здравствуйте, Александр Иосифович.
Я получил письмо от вас 28 октября. Спасибо за письмо.
Отвечаю Вам от 4 ноября, но письмо отправлю, наверное, 9–10 числу. Потому что тексты получу на бумаге тогда.
Посланные Вам прежде тексты, к сожалению недостаточно написаны, в чем мне упрек. Ваши комментарии хорошие, проницательные. Дописывать вторую часть №8 не считаю нужным, поводом ей — обстоятельствами малозначительные. Над началом №8 работаю, добавляю.

Полученные Вами в прошлый раз вещи написаны с августа 94 по сент 95. Это самая хорошая часть из всего сочиненного в прошлом году, почти. Тексты более позднего времени посылаю, тексты друзей — тоже.

Книгу В. Маркова купил в январе. Читывал (хорошо ли?). Не можно ли у Вас книгу Крученыха попросить почитать?

Письмо такое длинное не получал до вашего. Спасибо.

До свидания,

Виктор Іванов.

P.S. Может быть, в конце месяца можно будет выйти на факс, как бы тогда им воспользоваться?

* * *

Александр Иосифович здравствуйте.

Уже третье это письмо, два первых я погреб в столе. А все потому, что я покрыт нестерпимым позором, моя наука под под/зорным стоит подозрением, как девственность поруганная грубо, и полный гордого доверия покой. Еще я уязвлен, и сверх того, уязвлен еще. Я повздорил с казалось бы миловидной дамой, которая оказалась жена непосредственного начальника, и меня выпрут теперь из работы. Пока шла суть да дело, любимого из моих друзей Антона Сурнина повязали в армию — посылаю вам его стихи. Дай-то Бог. Приношу извинения пред Татьяной Георгиевной, склоняю голову.

Беспокоит один меня вопрос — принять ли мне ислам, и другой вопрос — по суннитскому или шиитскому обряду. Это меня угнетает, потому что я не смогу стать евреем.

Пишу стихи от имени чешских детей, что-то не очень получается. Посылаю вам эссуху мою о Малларме. Кругом меня все тонет в фарисействе. Сотни и тысячи стремятся схватить мое сердце из груди. Которое во тьме, которое блуждает.

Да будет Алла милосерд, милостив к Вам и всем Вашим.

Арабский Іванів.

муэцзин 5 разряда писал сии грешные строки.

Александр Иосифович, здравствуйте.
Это пишет Вам Іваніб,
да, Іваніб,
ибо я вчера принял ислам в новосибирской деревянной и многократно вымокшей под дождем мечети. Она стоит не на открытом ветру, а подобно голубятням, как это у нас делается во дворе каких-то домов. Мулла — старик, морщин у него больше, чем складок на чалме. По суннитскому образцу. Это все, что я могу сделать, чтобы приблизится к типу семитическому. Увы, хотелось бы большего.

Случились со мной и другие казусы (неприятные). Ища в INTERNET'е адрес М. Ямпольского (от этой затеи я скоро отказался), но попал в Службу знакомств, да, Службу Знакомств, но перепутал случайно кабинки Ж и М. Не знаю, как теперь мне извиниться перед одним типом из Лос-Анджелеса. К чести своей хочу сказать, что таким способом проверял <почту — *зачеркн.*> почву для новой жизни — как Вы думаете, может ли кто-нибудь вытащить меня <взяв замуж — зачеркн.> из американских дам: ведь я мистик мастак на такие штуки как итальянский французский, грек, ненавязчивый домосед и прекрасный семьянин.

Я заинтересовался написать что-нибудь о Геннадии Айги. Не знаете ли Вы, где можно о нем почитать что-нибудь о Геннадии Айги. Состою в переписке с Дм. Кузьминым. Еще не решился заговорить с ним о Черн. 11. Собираюсь проштудировать НЛО 23. Написал статейку за Малларме. Посылаю. Со стишками непонятно. Пописал одну глупую оду, но где-то потерял. Пал жертвой клеветы <в у — *зачеркн.*> по месту учебы.

Вы, наверное, поеди́те в Канаду (мне сказал о конференции визуальн. поэзии С.Б.). Сообщите если будет возможно о материалах сей конференции. Жду писем — из них узнаю о том, что что-то со мной где-то происходит. А пока начитался оных стихов Ал. Чех — их автор, на днях подвергну его искусу, хуле и деконструкции. А скандал все-таки вышел, все время попадаю в разные скандалы. Один возник после декламации следующих стихов:

Я видел деву на скале, там
со скелетом.
Она была сорока лет, ах!
Она была полуодета.
Она была дезабилье...
Прощаюсь, а то сболтнул лишнее, как бы не сболтнуть еще и исподнее. Простите и сожгите этот бред.

Да будет Алла милостив, милосерд,
ибо Он Милостив, милосерд.

До wid-zenia!

Іваніб

P.S. Я недавно смотрел фильм «Маленькая Одесса»,
если Вы его видели, скажите, Ваше мнение.

P.P.S.
Посланных к Вам поэтов Борисова и Прилучного, — теперь шлю Вам еще Сурнина — хотят забрить в армию, что это значит, вам я думаю, понятно очень хорошо. Нельзя ли устроить какой-нибудь бой в сковородки, склянки, вигилию, в общем бузу «интеллектуальной общественности», чтобы как-то их высвободить, если можно, то как, причем есть опасность повредить им, в армии убьют.
Рассказывают, что один солдат залез в магазин и там был пойман с «поличным» — ел колбасу, печенье и т. д. Это еще очень хорошая история, очень хороший солдатик.

P.P.P.S. Возможно, и кажется что в Новосибе подзорвалась одна пизда — но об этом никто не говорит.
Письма лежат в следующем порядке: Чех, Малларме, письмо, стихи Сурнина. Проверьте, пожалуйста это расположение и посмотрите, не помяты ли где листочки, — и мы узнаем, вскрывают ли почту.

<...>

Нужно бы назначить метрической единицей номер один расстояние от кадыка до солнечного сплетения. Наша с Вами переписка всегда застает меня на новом месте, из-за длительности на передачах, как долги порой эти ходы, — приобретаешь походку иппохондрика. Так получается, что некогда проговорить то, что я пишу (проговариваю только слова: допусти, так получается, в-общем, и т. д. — то есть вводные слова). Сегодня видел Вашу фотографию в сб. Эксперементальная поэзия — и это меняет Ваше лицо моему мозгу — Вы совсем такой, как я не представлял. Как бы голосу быть в горле, а не на языке! Отъезд Лощилова был прочувствован мною очень жестко — но кажется теперь я сам осваиваюсь с собой, и веду военные действия, в этом городе по крайней мере, в одиночку. Как далеко даже до Челябинска, где есть даже ксероксы! Оказаться на дороге, возможно и будет оказаться выблядком — повытреплет, перестреляет все косточки, но здесь я сижу на самом копчике на полу, твердом, и боюсь пошевелиться.

Сегодня умер Окуджава, а я все-таки любил Окуджаву. Вы были на похоронах А. Гинзберга? Брассанс любил, говорят, ходить по похоронам, тьфу. тьфу. тьфу.

Отыскался одностроk (по-видимому из Соковнина)

не пароход я, а похороны встретил.

«О листьях» — Ваши слова задели меня за живое; хотя сами листья еще не были заживлены, лучше уж я бы молчал. Приемом большого специального писания (статейка) постараюсь что-то высказать — не по науке, конечно.

Получали ли Вы письмо мое, где было «Пасмурный день», «Мцыри» и «Рассказ о мальчике Коле»?

Пока высылаю вам о Маляре и вышеупомянутого Чеха.

Корейцы продают здесь орешки для пива, где такие надписи: дорите детям за подарку пусть ваша семья будет более весёла.

Вот вам дорю чеха за подарку, и пусть Ваша семья будет более весёла.

* * *

Письма Сергею Тиханову знаменитые тем, что их нахватал несчастливый поэт Іванів.

29 сентября.

Тиханов,

смотри вот стишки, я намараковал их почему-то сегодня:

сиротки в ситцевых платьях
скорей в середку к ним,
некогда вхож и к вам
буду
им некогда
сердиться
и даже остаться.

Дорогой Тиханов, у меня осталось четыре цехина: Я купил себе блюдцо́. Я чуть бренчу. На окошке моем с одной короткой, обдерганой шторкой, на окошке лежат длинные мельхиоровые ложки. В углах комнаты не видно. Еще на окне у меня лежат желтые помидоры. Вкус у них приемлимый. Иногда я перебрасываю их из-рук-в-руки

из-рук-в-руки. У меня стоит в комнате стол, шкаф, стулья и тюфяк. Он теплый, покрыт пледом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Антон Метельков

Виктор Іванів и литературный Новосибирск 1990-х гг.

К началу 1990-х гг. литературная жизнь в Новосибирске заметно оживилась. Значительным явлением, предваряющим это оживление уже во второй половине 1980-х, становятся «Дни поэзии НГУ», устраиваемые стараниями Равии Дериглазовой, запомнившиеся приездом Евгения Бунимовича, Владимира Друка и Дмитрия Александровича Пригова, а также выпуском представительного сборника «Поэзия новой волны» (1991). В Академгородке Юлией Лихачевой организуются вечера «возвращенной литературы». Знаковые издания того времени — дебютная книга Юлии Пивоваровой «Теневая сторона», вышедшая по итогам турнира поэтов в НЭТИ, и сборник «Гнездо поэтов», где впервые были опубликованы стихи авторов, получивших известность в русле неофициальной культуры еще в 1960–1970-е гг.

В 1990 г. в Новосибирской картинной галерее состоялась выставка «Москва — Лианозово», на которой были представлены работы из коллекции Всеволода Некрасова, а сам он в течение нескольких вечеров рассказывал о художниках и поэтах Лианозовской группы и включал записи их выступлений. Картинная галерея становится литературным центром города: здесь в течение следующих пятнадцати лет Владимиром Назанским устраивались поэтические вечера. Постоянными их участниками стали Станислав Михайлов, Владимир Светлосанов, Игорь Лощилов, Юлия Пивоварова, Владимир Берязев и др. Часто появлялись Анатолий Соколов и Евгений Миняров из легендарного ЛИТО Фонякова.

Литераторы старшего поколения, как правило, собирались в «Доме скорняка», где расположилось созданное в 1990 г. издательство «Мангазея». Издательство возглавлял Владимир Берязев, а сторожем и истопником работал Анатолий Маковский. Коммерческие проекты «Мангазеи» обеспечивали выпуск одноименного альманаха и поэтической серии, ориентированных на печать неподцензурных новосибирских авторов. На фоне затяжного кризиса, в котором оказался

журнал «Сибирские огни», альманах «Мангазея» стал в первой половине 1990-х наиболее актуальной публикационной площадкой города.

В 1992 г. при газете «Молодость Сибири» было образовано литературное объединение ПАН-клуб (Александр Ахавьев, Георгий Селегей, Дмитрий Рябов, Юрий Чепурнов и др.), снискавшее популярность не только веселыми, в меру сумасшедшими газетными полосами, но и остроумными перформансами в городской среде. ПАН-клуб представлял собой дурашливую и разгильдяйскую альтернативу обществу «серьезных» писателей. В 1993 г. авторы ПАН-клуба и другие журналисты «Молодости Сибири» сформировали отдельное издание, за которым чуть позже закрепилось название «Новая Сибирь».

По инициативе таких авторитетов, как Юрий Шатин, Геннадий Абольянин, Юлия Лихачева и др., на базе Новосибирской государственной областной научной библиотеки в 1994 г. открылся Дом Цветаевой, представивший еще одну альтернативу поэтическим вечерам в картинной галерее, заняв противоположный ПАН-клубу фланг — более академичный.

Параллельно перечисленным существовали несколько взаимодействующих между собой андеграундных объединений. «Сокурская школа», оформившаяся вокруг Евгения Иорданского и Анатолия Маковского, который наездами бывал в Сокуре (в 30 км к востоку от Новосибирска) до своего исчезновения в Киеве в 1995 г., объединяла Германа Иорданского, Константина Андреева, Александра Холмогорова, Виктора Веркутиса. С «Сокурской школой» отчасти пересекался круг Олега Волова и его «блуждающей» галереи «17 невидимок», в который входили поэты и художники Юлия Пивоварова, Гарольд Каплан, Федор Лютов, Алексей Поляков, Андрей Жданов и др. Евгений Иорданский и Олег Волов с 1980-х гг. активно занимались литературным самиздатом (альманахи «ЛЕС» Иорданского, «Бестиарий» и «Зелень» Волова). Неформальное объединение «Белая галерея», организованное Николаем Мясниковым и Зинаидой Рубан, состояло преимущественно из художников, но при нем была запущена книжная серия, в которой публиковались тексты близких к

этому сообществу авторов.

Виктор Іванів (в то время — Иванов, далее в тексте — В.) еще школьником получил сразу несколько входов в новосибирскую литературную среду. В старших классах он перешел в престижную школу-гимназию № 42, находящуюся в самом центре города и известную, в числе прочего, своими литературными традициями. В гимназии работал редакционно-издательский центр «Рассвет», при котором выходила многотиражная литературная газета «Ярило» и собралась группа талантливых ребят. Здесь В. познакомился с Филиппом Третьяковым и Павлом Розановым, ставшими его близкими друзьями и единомышленниками. Виктор Распопин, возглавлявший издательский центр, и Владимир Светлосанов, также преподававший в 42-й гимназии, в 1970-е гг. входили вместе с Владимиром Назанским в небольшую поэтическую группу, близкую к НЭТИ. Несмотря на то, что ориентированные на авангард тексты В. не были близки ему, Распопин после нескольких публикаций в школьной газете организовал в 1994 г. издание книги В. «День космонавтики». Она стала дебютной не только для автора, но и для издательского центра.

В начале 1990-х факультатив по поэзии XX в. в гимназии № 42 вел Игорь Лощилов — поэт, прозаик, литературовед, а в то время еще и ведущий литературной программы на первой частной городской радиостанции «Ерматель». Он привил молодым людям любовь к футуристам (в первую очередь к Хлебникову) и обэриутам и, судя по всему, оказал решающее влияние на формирование В. Позже в повести «Город Виноград» В. напишет о Лощилове:

«Думается, никогда я бы не перестал комплексовать, если бы не <IGOR>. А ведь он намекнул только, что английское I обращается в Я, что сказал осел, начертил четыре кола на доске, рассказал о телесном, летучем солнце и раскланялся. С тех пор, как я увидал его во второй раз, я следую за ним, как верблюд. Этот человек научил меня размыкать звуки, обнаруживать ритм и сделать свою гримасу подвижной. Он подарил мне бутылочное стеклышко, через которое впору на солнце глазеть. Теперь я вспоминаю обо всем как о вечном огне, где плавают шляпы и корабли из газет»[1].

1 *Іванів В.* Город Виноград // Іванів В. Чумной Покемарь: Собрание прозы. — New York, Ailuros Publishing, 2012. С. 86.

Ближний круг Лощилова, к которому присоединились В., Третьяков и Розанов, был неоднородным: в него входили такие разные авторы, как Сергей Тиханов, Андрей Кузнецов и др. Тем не менее на поэтических вечерах в картинной галерее у Назанского, где В. дебютировал еще школьником, он и его товарищи выступали «единым фронтом», хотя серьезно воспринимался в ту пору лишь сам Лощилов, уже известный в городе поэт. Ему и его соратникам была свойственна склонность к театрализации, жесту, связи текста с музыкой, танцем и пластикой, видимо сформировавшаяся еще в 1980-е — в сложившейся вокруг Михаила Сергеева среде, которая состояла, по словам Лощилова, из «джазовиков», филфаковцев Пединститута и выпускников 42-й гимназии.

После окончания школы В. поступил на филфак НГУ и его сфера общения расширилась за счет друзей Андрея Кузнецова по НГПУ, где преподавал Лощилов — Антона Сурнина, Александра Борисова, Станислава Сойнова. Их объединял самый широкий спектр интересов — от литературы и музыки до футбола. Все они писали художественные тексты, среди которых выделялись минималистичные, легкие стихи Сурнина. Лощилов, не прилагая для этого особых усилий, продолжал играть важную роль в их общении. Вышедшие в 1995 и 1996 гг. в издательском центре «Рассвет» книги его стихов «Шалаш» и «Царь в голове» прибрели среди некоторых его учеников статус культовых.

Вращение в педуниверситетской среде (вплоть до участия в семинарах Юрия Шатина и Юрия Чумакова) привело к забавному казусу: в публикации В., которую весной 1995 г. организовал в тамбовской университетской газете «Пигмалион» Сергей Бирюков, поэт представлен студентом новосибирского Педуниверситета[2]. Тогда же между В. и Бирюковым началась активная переписка, В. был приглашен в число заочных участников бирюковской Студии «АЗ» и вскоре стал членом Международной Академии Зауми. Бирюков с одобрением писал В.: «Ваши стихи я читаю с удовольствием, хотя это и не то слово. В них добрая интонация, какое-то удивление перед словом или явлением, что, возможно, одно и то же. О Бурлюке и Маяковском — удивительно по настроению и,

2 *Иванов В.* «В черном (темном) глазу...» // Пигмалион: Литературное приложение к газете «Университетские вести». — 1995, № 5 (8–9).

кажется, точно такое, какое должно быть (подчеркнуто Бирюковым), т. е. независимо от того, что Вы реально хотели здесь написать»[3].

Во второй половине 1995 г. по рекомендации Бирюкова В. отправляет стихи Александру Очеретянскому, издававшему в Нью-Джерси альманах «Черновик», и, найдя в нем отзывчивого и благодарного читателя, получает подробные разборы своих текстов. Бирюков и Очеретянский единодушны в том, что В. очень повезло с наставником (имея в виду Лощилова), дают ему рекомендации по расширению круга чтения (и без того достаточно обширного) и советуют изучать дополнительные иностранные языки (в частности, польский). В. отправляет им стихи своих товарищей, которые обоими воспринимаются с интересом, но такого воодушевления, как стихи самого В., не встречают.

Первая публикация В. в «Черновике» состоялась в конце 1996 г. (№ 11) — уже в качестве Виктора Іваніва. Псевдоним «Іванів» (с ударением на первый слог) закрепился постепенно. Традиционная версия его происхождения, которой придерживается, в частности, Бирюков, состоит в том, что это вариация как распространенного «Иванóв», так и более изысканного «Ива́нов». Лощилов расценивает этот жест как попытку В. повысить уровень собственной «загадочности». По словам Филиппа Третьякова, идея смещения ударения в фамилии на первый слог принадлежала ему, а изменение «о» на «и» и затем «и» на «і» осуществлена уже В. Возможно, замену «и» на «і» повлекла за собой переписка с Очеретянским, время от времени употреблявшим украинизмы («Полоса черная преследует вашего покорного слугу, но ще не вечір»[4]). В пользу этой версии говорит также то, что именно в «Черновике» В. стабильно публикуется как Іванів — во многих других публикациях, вплоть до последнего времени, встречаются и «Иванов», и «Іванов» и даже «Иванів». Но именно на написании «Іванів» настаивает В. в одном из писем Бирюкову осенью 1996 г. Чуть позже в письме к В. Очеретянскому появляется также шуточный «мусульманский» вариант «Іваніб».

В 1996 г. Очеретянский пересылает стихи В. редактору париж-

3 Письмо Сергея Бирюкова Виктору Иванову от 21 сентября 1995 г.

4 Письмо Александра Очеретянского В. Д. Іванову от 10 мая 1996 г.

ского журнала «Стетоскоп» Михаилу Богатыреву: «Послал Вашу Заумь в только что оформившийся журнал «Стетоскоп», Париж. 3 года он и она Ольга Платонова и Михаил Богатырев из Питера делали журнал ксероскопическим способом (образом). Нынче решились на 150–200 экз. типогр. маневром»[5]. Как и в «Черновике», в «Стетоскопе» вышло несколько важнейших для В. публикаций того времени.

Весной 1997 г. на вечере в клубе «Авторник» приехавший в Москву Очеретянский представил новый номер «Черновика» и стихи его авторов, выделив среди них «новосибирского неофутуриста Виктора Іваніва»[6]. В это время В. получает доступ к интернету и электронной почте — вероятнее всего, на базе Новосибирской картинной галереи — и расширяет список своих контактов. Он вступает в переписку с Дмитрием Кузьминым, который участвует в подготовке очередного номера «Черновика».

Еще одним важным для В. корреспондентом стал японский русист, специалист по творчеству Велимира Хлебникова Акифуми Такеда, с которым поэт познакомился в Новосибирске в конце 1995 г. В соавторстве они подготовили статью «К интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова “Мне видны — Рак, Овен...”».

На фоне прохладного приема в Новосибирске переписка со значимыми, да еще и живущими за рубежом литераторами оказывается чрезвычайно важной для В. В письмах Бирюкову и Очеретянскому время от времени возникает тема возможного переезда В. за границу и интереса к тамошним условиям жизни. В 1996 г. в Финляндию уезжает Лощилов, где почти два года будет работать над диссертацией, посвященной Николаю Заболоцкому. Это не могло не влиять на настроения В., хотя связь между поэтами не прерывается. Они обмениваются свежими стихами и новостями литературной жизни, Лощилов отправляет ксерокопии текстов, которые могут заинтересовать В., в том числе полную копию впечатлившей его книги Юрия Одарченко «Денёк».

Время отъезда Лощилова примерно совпало с приобретением В. новых знакомств, в частности в Академгородке. Через Андрея Кузнецова он знакомится с Зосей (Ириной) Леутиной,

5 Письмо Александра Очеретянского В. Д. Іванову от 10 мая 1996 г.

6 Литературная жизнь Москвы. — 1997. Вып. 5.

Евгенией Шадриной, Николаем Зайковым, Денисом Рецем и другими художниками, обучающимися в НГАХА, в то время весьма приспособленной для разнообразных творческих процессов. В. становится частым гостем мастерских и курилок Академии, лестничные марши которой, по словам Зайкова, порой превращались в настоящие театры. Другим центром притяжения становится редакция газеты «Университетская жизнь» при НГУ, где работают Святослав Одаренко, Елизвета Садыкова и др. Леутина и Кузнецов вводят В. в тусовку своих академгородковских друзей, т. н. «амигос». При этом В. предпочитает оставаться несколько в стороне: «Витя и амигос». Пребывание в герметичной среде Академгородка, по словам Кузнецова, не было для В. вполне комфортным и сопровождалось чувством эмоциональной отчужденности. Тем не менее В. проводит там много времени, появляются тексты, связанные с Академгородком и новыми друзьями, прежде всего — девушками. Серьезным импульсом для творчества В. стала его влюбленность в Яну Соснину (Януса).

Необходимо отметить, что для В. важной частью художественного акта было исполнение собственных текстов вслух. Вероятно, это связано и с усвоенным опытом чтения стихов Игорем Лощиловым, и с попытками провести параллели между поэтическими вечерами и рок-концертами. У В. формируется отношение к каждому своему выступлению как к отдельному самостоятельному произведению. Он пытается следовать вокальной манере Тома Уэйтса, сопровождая выступления тем или иным причудливым аккомпанементом. Евгений Миниярoв вспоминает вечер в НГАХА (тогда НАрхИ) осенью 1995 г., в котором кроме него и В. принимали участие Лощилов, Пивоварова и другие поэты: В., как боевой слон, трубил в керамический чайник, становившийся для него то охотничьим рожком, то окариной. Литераторы старших поколений относились и к подобным выходкам, и к самим стихам молодых поэтов более чем сдержанно, а те отвечали им взаимностью. Едва ли не единственное исключение составлял именно Миниярoв. Вместе с В. они даже готовили диверсию в Доме Цветаевой, возмущавшем их самим фактом своего существования. Вероятно, именно эту подготовку имеет в

виду В., сообщая в письме Очеретянскому, что планирует подвергнуть Александра Чеха — активного участника этого сообщества — «искусу, хуле и деконструкции». Однако акция, по словам Миниярова, так и не состоялась. Пятницы у Назанского, по более позднему замечанию В., со временем также «выродились в междусобойчики “я сегодня вам прочту”»[7].

Николай Зайков описывает впечатляющее выступление В. в НГУ, где тот читал стихи перед зрителями, основную часть которых составляли «амигос», в шляпе, с лицом, наполовину окрашенным в черный цвет. По словам Зоси Леутиной, перформанс В. должен был завершаться «выстрелами» из пистолета-зажигалки, но до этого не дошло. При помощи Леутиной В. вырабатывает свою особую ритмичную «рэп»-манеру исполнения текстов. Тогда же, имея за плечами музыкальное образование по классу фортепиано, он осваивает гитару и пишет песни для собранной в 1998 г. группы «Патисоны». В состав группы вошли также Филипп Третьяков, Павел Розанов и Дмитрий Умбрашко[8]. Однако дальше двух-трех репетиций, нескольких записанных треков и оформления рукописного сборника текстов «Patisongbook» дело не сдвинулось.

В появлявшихся с середины 1990-х первых частных клубах (проекты Алексея Казаринова — клуб «888» на левом берегу Оби и арт-галерея «Черная вдова» на правом) выступления нестандартного формата оказались гораздо уместнее, хотя по инерции В. продолжал выступать и на «официальных» площадках. Самым «клубным» поэтом того времени был, видимо, Иван Просеков — автор, близкий к группе художников «Пандоктрина». Неизменным успехом пользовались выступления поэтов ПАН-клуба. Новая среда была более приспособленной для экспериментов, и клубные чтения В. могли сопровождаться звуками швейной машинки Зоси Леутиной или целого ансамбля, в котором Зайков громко стучал на пишущей машинке, Денис Рец кричал, а прочие участники активно двигались и шумели — как это было во время выступления в «Черной вдове» в ноябре 1999 г. в рамках фестиваля «Культурные герои XXI в.». В качестве почетного гостя там присутствовал Дмитрий Александрович Пригов, с которым В. познакомился в дни фестиваля. Через пару недель в

7 *Логинов К.* Цех поэтому // Студенческий город. — 23.04.2009.

8 В этом же составе в 2000–2001 гг. друзья выпустят несколько номеров инспирированного Лощиловым и Кузнецовым электронного журнала «Драгоманъ Петровъ».

общежитии НГАХА состоялась еще более громкая (в прямом смысле слова) акция, названная Рецем «Вещь. Первый опыт взаимодействия». В ней были использованы мегафон, милицейская сирена и другие приспособления — в этот день (7 декабря) исполнилось 50 лет Тому Уэйтсу.

Примерно тогда же, осенью 1999 г., в Академгородке вышел первый номер альманаха «К востоку от солнца», приуроченный к 40-летию НГУ. По воспоминаниям Андрея Щетникова, на его презентации в малом зале Дома ученых авторы выходили на сцену по алфавиту, и В. выпало читать стихи вслед за Владимиром Захаровым. Захаров рассердил В. своим выступлением — и он достаточно резко прочел свои стихи, а закончил строчками Яна Сатуновского: «Их печатают, печатают, печа... / Так покладу я вам копыта на плеча». Следует добавить, что Сатуновский в 1990-е гг. стал одним из важнейших для В. авторов — наряду с Велимиром Хлебниковым, Александром Введенским, Генрихом Сапгиром, Владимиром Казаковым, Артюром Рембо, Витольдом Гомбровичем и — во главе этого списка — Егором Летовым.

Щетников, активно включившийся в новосибирский литературный процесс в конце 1990-х и создавший издательство «Артель “Напрасный труд”», в котором успел выпустить книжки Всеволода Некрасова и Сергея Гандлевского, услышал на одном из вечеров в картинной галерее поэму «Собутыльник сомнамбулы», написанную В. летом 1999 г. Он тут же предложил В. издать ее, и вскоре в «Артели “Напрасный труд”» тиражом 100 экз. вышла небольшая книжка, оформленная самим Щетниковым. Оформление не понравилось ни В., ни Лощилову, и под маркой «Библиотека Драгомана Петрова» было выпущено новое издание, оформленное Зосей Леутиной. Это была вторая — после «Дня космонавтики» — книга В. На обложке обоих изданий «Собутыльника сомнамбулы» значилось: «Виктор Іванов». На дворе стоял 2000-й год.

Однажды Игорь Лощилов прислал мне книжку юного поэта Виктора Иванова «День космонавтики». Девятиклассника, кажется. У меня ее сейчас нет под рукой. Но тогда там прочитывалось что-то явно неординарное. Я Игорю написал об этом. И он сам видел, потому и прислал...

Игорь дал пииту мой адрес. И вскоре завязалась переписка. И я начал получать стихи, которые менялись. Что-то и я посылал в ответ. В то время мы вместе с Александром Очеретянским делали альманах «Черновик», и естественно, что Виктор там в какое-то время проявился. «Черновик» был единственным в ту пору регулярным межконтинентальным изданием с ориентацией на авангардное. И он попадал к тем, кто мог читать.

Я сейчас смотрю стихи Виктора, входящие в эту книгу, и — раз — что-то открывается — многие вспоминаю. Они — из тех, что тогда присылались. Мне было интересно следить, как Витя проходит школу авангарда, да так, что сразу добавляет в эту школу свое.

Была у меня тогда в Тамбове студия «АЗ» — ответвление Академии Зауми, можно сказать, экспериментальная платформа. В Тамбовском университете, где я преподавал, мы делали и литературную газету, называлась «Пигмалион». Помимо очных студийцев у нас были и заочные. Разными путями находили нас молодые поэты из Смоленска, Ижевска, Владимира, Красноярска, Хабаровска и других городов. Это было еще в доинтернетную эпоху. Приходили пакеты стихов на мой адрес по обычной почте. И Виктор тож стал заочным студийцем, познакомился с другими, в том числе в общих тамбовских публикациях. Особенно подружился с Алексеем Шепелёвым. Нашел родственную душу. Они перекликались до последнего.

В студии у нас была определенная программа авангардного направления, в 90-е годы в значительной степени основанная на моей книге «Зевгма». Там были представлены в том числе футуристические и обэриутские примеры. Если Хлебников к тому времени уже прогремел, в особенности юбилейным однотомником «Творения», то Бурлюк и Крученых только

начали проявляться. В частности, они были представлены в «Зевгме». И мне довелось увидеть, как поэтика раннего русского авангарда проникает в творчество становящихся поэтов.

В стихах Виктора ощущался интерес к Бурлюку и Крученых. И Бурлюк даже упоминался вместе с Маяковским. Но в то время тезка Виктор, ставший Велимиром, был ближе. И, вероятно, еще ближе шифры обэриутства. Ген неопределимой тонкости, на грани разрыва и исчезновения, и потом снова возникновения вроде того же слова, но уже в иной ипостаси.

Когда я сейчас перечитываю стихи Виктора того времени, то вижу своего рода антологию прежде всего русской поэзии в различных ее изводах. В те годы, когда он присылал мне эти стихи порциями, отрывочно, я мог реагировать только вот на эти фрагменты, отмечать стилистические приближения к Хлебникову, Хармсу, Введенскому. Причем поэтика предшественников нарочито травестировалась. Порой в козьмапрутковском духе, порой уходом в квазидетскость. Он реагировал в том числе и на мои тексты. Например, Op. 45 «Разговор» может быть соотнесен с моей композицией «Белый ворон» (из книги «Знак бесконечности»), построенной на невязках, характерных для Хлебникова.

Между тем Виктор рос, учился в университете у блестящих новосибирских филологов, написал и защитил диссертацию с мудреным названием «Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда», иногда писал критические статьи, занимался и журналистикой для заработка. И становился Іванівым. Словно пропуская в фамилию Иванов нить истончения. И такова все больше будет становиться его поэзия, переходящая в некое подобие прозы. Но даже не прозы, а какой-то проуозы или проиуозы. В общем, вещей на грани касаний, создающих точность звуковыми подобиями. Он это испытывал в поэтических фрагментах. И письмах.

В заочном общении были перерывы. Особенно на рубеже 90-х–2000-х, когда я переезжал в Германию. Но студия моя продолжалась — и все, кто хотел, оставались на связи. Виктор, конечно, тоже. В Германии вскоре у меня установились контакты с молодыми немецкими поэтами. Один из них — Хендрик Джексон, изучавший русский, занимался и переводом.

Наши интересы совпадали. Я интересовался современной немецкой поэзией, он — русской. Мы взаимно переводили, были совместные выступления, разговоры, обмены текстами. В том числе познакомил Хендрика со стихами Виктора, которые его заинтересовали. Переводы Хендрика опубликовал журнал «Akzente» в 2003 году. В этом же году Виктор стал лауреатом Отметины имени Давида Бурлюка и полновесным академиком Академии Зауми. И уже в ранге академика он участвовал в единственном Альманахе Академии Зауми (2007 г.)

Позже Хендрик Джексон получил грант на поездку в Новосибирск, и таким образом с Виктором они познакомились и подружились. И благодаря этому мы наконец с Виктором увиделись впервые именно в Германии. Он приехал в Берлин в рамках их с Хендриком проекта в 2010-м году. Приезду предшествовала активная переписка, Витя уточнял разные детали существования в Германии, например, можно ли курить на улице. Я ему писал, что можно, но окурки надо непременно гасить в урнах! В общем, мы максимально прорабатывали поведенческую линию, чтобы избежать каких-то неприятных неожиданностей в чужой стране. Я знал о некоторых историях, которые с Виктором происходили в России, и понимал его тревогу перед первой зарубежной поездкой. Позднее, когда мы увиделись, он мне сам поведал об этих историях. Очевидно, что он хотел в том числе как-то приоткрыть лабораторию — как происходящее в реале преломляется в стихах...

Я летел из Франции через Берлин. Виктор встретил меня в аэропорту, и мы пару дней беспрерывно, иногда с участием Хендрика, вели разговоры о том о сем, но больше, конечно, о стихах и прозе и литературных делах. Виктор удивил меня собранностью и деловитостью. Он сотрудничал тогда с медийным сибирским агентством (РИА «Сибирь») и взял для него у меня интервью. Я попросил у него стихи для журнала «Другое полушарие», который мы делали с Евгением Харитоновым. Предложил ему стихи французского поэта Жан-Батиста Пара для перевода. Стихи были напечатаны, переводами он занялся, все получилось, он сам их напечатал в журнале «Трамвай».

Впоследствии проходы Виктора по Берлину как-то сфокусировались в моем стихотворении:

Вот Витя Іванів
трагической фигурой
идет сквозь обывательский
Берлин
и говорит:
— Вот блин...
напоминая мне
пробег Андрея Белого
сквозь тот же город
и думаю —
а вдруг!
а вдруг они
столкнутся
лоб в лоб —
вот искры полетят —
такиееееe —
может выгореть
Берлин

После берлинской встречи появились новые темы, активизировалась переписка. Мы обсуждали возможность хлебниковских фестивалей в разных городах и странах, новые публикации Алексея Шепелёва, стихи новосибирских поэтов, которые присылал мне Виктор. Он присылал мне многое из того, что тогда писал. Особенно эссе и прозу.

Помню эссе о Хлебникове и Гуро, в котором он затрагивал волновавшие его темы: жизненного vs творческого поведения, смерти vs бессмертия. Этот текст он потом напечатал в интернет-журнале «Лампа и дымоход», и я заметил, что он скорректировал некоторые моменты после нашего обсуждения.

В прозе Виктор, на мой взгляд, исходил из стилистического опыта Добычина и Вагинова, но, конечно, в сильно трансформированном виде. Я читал уже «Город Виноград», «Дневник наблюдений». А в этот раз он прислал мне «Летовс-wake». Уход Егора Летова был для Вити потрясением и этой повестью он (под)сознательно хотел, видимо, воскресить Егора.

Очень возможно, что ситуативные переживания, связанные с гибелью друзей, а смерть Виктор действительно восприни-

мал как гибель, вели к той жесткости, которая стала проявляться в его текстах. Письмо само по себе должно было предотвращать, либо, если уже поздно, воскрешать. Но если это реально не происходило, в самих текстах нарастала своего рода обида...

Как мы знаем, жемчуг — это своего рода защита моллюска от повреждения собственного тела. Возможно, что человеческое творчество есть тоже такое обволакивающее вещество, которое предотвращает повреждение. Но иногда вещества не хватает...

В переписке мне виделось, что Виктор расширяет свои литературные интересы и умения в разные стороны. На следующий год он должен был снова приехать в Берлин в рамках проекта с Хендриком. Они занимались взаимным переводом. И должны были читать. Как раз совпадало по времени с Ломоносовскими чтениями, которые мы делали с коллегами по университету и с немецкими и русскими писателями в Берлине. Конечно, мы пригласили Виктора в качестве гостя-участника. Так что у него получилась своего рода берлинская гастроль. Потом он писал мне о своих выступлениях в США и Словении. Казалось, что ничто не предвещает...

В феврале 2015 я был в Тамбове. 25-го ночью получил известие от Игоря Лощилова... Время свернулось в кольцо...

На интернет-портале «Книжница» вывешена миниатюрная поэма В. Иванова «Собутыльник сомнамбулы»[1]. Это экземпляр с автографом поэта — всего три слова, звучание которых сегодня, сквозь пелену событий и обстоятельств, отделяющих нас от его безвременного ухода[2], исполняется особым смыслом. Дарственная надпись гласит: «Александру Очеретянскому безвозвратно». В 1990-е годы я был, наряду с издателем альманаха «Черновик» А.И. Очеретянским (1946–2019), одним из публикаторов поэзии Виктора Іванова (впоследствии он заменил в своей фамилии одну букву и сделался Іванів). Его стихотворение «Разговор» (03-12.01.1996), присланное письмом на адрес редакции «Стетоскопа»[3], произвело на меня сильное впечатление: помню, как долго я вглядывался в почерк — интимный, вкрадчивый. Сразу же отметив инвариантность авторского стиля, органично и свободно возносящегося над антитезой «Хлебников — Введенский», я тогда еще не имел представления о круге научных интересов Виктора. Много позже, в своем интервью в газете «Частный корреспондент» от 27.06.2014, он скажет:

«Когда я впервые познакомился с текстами Хлебникова — это было еще в школе, — я принял решение посвятить жизнь изучению его мировоззрения. <...> Посвятить жизнь Хлебникову не получилось, это следует признать. Работа же с текстами прежде всего Введенского — по двум томам, подготовленным М. Мейлахом — при первом прочтении мне представлялась своеобразной игрой, шарадой. А мнение о том, что Хлебников прочитан и понятен на том лишь основании, что вскрыты его реальные источники, круг чтения, восстановлена цепочка событий его жизни, порождающие принципы его метафорики или понятна структура его метаморфозы, еще не отнимает того факта, что став понятнее, текст Хлебникова продолжает перерождаться при всяком новом прочтении. Единственная живая сила Хлебникова —

1 [Ivaniv 2000].

2 Сюда добавляется и уход адресата, которому предназначался экземпляр.

3 «Стетоскоп» («Stéthoscope») — журнал экспериментальной словесности (маленький журнал уничтожения / созидания русской речи за рубежом, URL: http://stetoskop.narod.ru/stetoskop/19/03.htm); Париж (1993–2008), редакторы: М. Богатырев (до № 20, 1993–1998), О. Платонова (№№ 20–42, 1998–2008), российское отделение: А. Елеуков (с 1997). Реорганизация: «Эстетоскоп», СПб; URL: http://www.aesthetoscope.info, редактор: А. Елеуков (2008–2014), сетевая и бумажная версии. Реорганизация: альманах «Э», Москва (2013), издательский дом Р. Павлова (вышел один выпуск).

это возможность сбрасывать с себя бесконечные напластования трактовок и возрождаться живыми картинами в памяти неизвестных ему людей. <...> Единственное, что, на мой взгляд, можно делать с Хлебниковым — это всякий раз заново оглядываться на мир, как будто он будет вечен. Из всех «законов», открытых им, можно повторить лишь один — его страшную судьбу, только на собственной шкуре»[4].

Не имея в настоящее время доступа к редакционным архивам, смутно припоминаю нашу с Виктором переписку. Вероятно, его немногословные письма содержали добавочные сведения о прилагаемых к ним стихах, с моей же стороны там было что-то второстепенное... какие-то формальные редакторские придирки: просьба объяснить нерегулярную расстановку запятых и написание предложений со строчной буквы после точки[5]... Но были там и слова одобрения (а я, надо признать, в этом отношении всегда был очень сдержанным). Виктор, с которым нам так никогда и не довелось встретиться лично, очень ярко представлялся мне в образе полубабушки-полумладенца, выпускающего изо рта на ниточке узорчатые пузыри.

Стихотворение «Разговор» мы поместили в 16 выпуске журнала[6], причем публикация начиналась на странице 28, так сказать, в соответствии с хлебниковской нумерологией. Этот материал я верстал вручную, в вагоне электрички, по дороге в Фонтеней-о-Роз, где жила М.В. Розанова, предоставлявшая нам в порядке шефской помощи бесплатный ксерокс. Стихотворение было «расчленено» на вопросы и ответы; вопросы, распечатанные на отдельном листе, я вырезал ножницами и вклеивал в макет. На страницах-прототипах, с которых потом фотокопировальным образом размножался тираж, хорошо видны следы склеек — под «шапкой» стихотворения и на квадратных узорах, разделяющих фрагменты.

Сегодня, по прошествии почти четверти века, этот оригинал-макет смотрится совершенно иначе! Попрание всех полиграфических канонов (в чем мы, похоже, не вполне отдавали себе отчет) воспринимается как брутальный слепок с постструктуралистских идей, их последний реверанс, восторженно воспринятый неофитами накануне окончательной смены

4 [Ivaniv, Чанцев 2014].

5 Мои менторские вопросы Виктор проигнорировал (и правильно сделал!), а я, по-видимому, задетый этим, описал ситуацию в своеобразном «медиумическом» экспромте, который в итоге так ему и не отправил (привожу здесь этот стих в более поздней редакции):

конец рабочия недели
заходит виктор іванів
как будто птицы пролетели
беззвучный клекот обронив
<...>
вошел он тихо, на ногах —
оленья юфть, переступал
через бадью, в которой чах
на можжевельнике казах
чьих пяток розга дидоскала
подчеркнуто не задевала,
что в викторе создало ах
что только что
его создало

6 Он вышел в свет в конце зимы 1997 г. (февраль или март) тиражом 130 экз.

интеллектуальных эпох. По-видимому, наши коллажированные макеты, изготовленные при помощи ксерокса и маникюрных ножниц, претендовали на то, чтобы отражать самодвижную мозаику цитат, поглощающих и трансформирующих друг друга (отметим, что ни интернета, ни соцсетей еще не было!). Рассматривая дизайн «Разговора», я не могу отделаться от чувства, что мы, в общем-то, оказали Виктору Іванову медвежью услугу, частично растворив его рукопись в интертекстуальной нарезке, доскональной и аляповатой (один только шрифт arial чего стоит!). Кстати, за этой постмодернистской публикацией стоит, помимо всего прочего, весьма банальный мотив: ввиду хронического дефицита времени, сил и средств редактор (он же изготовитель, издатель и тех. работник) перепечатывал только те строчки, которые невозможно было прочитать однозначно из-за авторских помарок или вычеркиваний.

Подборка стихотворений В. Іваніва, размещенная в 20 номере «Стетоскопа»[7], выглядит гораздо более нормализованной. Если в 16 выпуске стихи Виктора помещались в рубрике «Голоса ниоткуда» (принцип плавающей рубрикации «Стетоскоп» безоглядно перенял у альманаха «Черновик»), то здесь они находятся в тематическом разделе «Использованные слова». Двадцатый номер журнала редактировал не я, а художник Валентин Воробьев, однако я лично проследил, чтобы, как и в 16 номере, публикация пришлась на страницу 28 (таким образом, повторюсь, подчеркивалась связь с нумерологией Хлебникова).

Несколько слов об оформлении подборки. На 25 странице журнала, как бы отграничивая стихи Виктора от предыдущего материала, размещен мой рисунок «Явилась смерть ужасная с косой». Выбор рисунка был случайным, и никаких мистических прорицаний за ним не стоит. Далее, на 26 странице, публикация украшена виньеткой, нарисованной Ольгой Платоновой (в тот период мы с ней все наши художества рассматривали как плод совместного творчества и подписывали «Митрич и Богатырь»: Mitr+B). Там, на виньетке, птичья головка с клювом, поскольку подборка составлена с «орнитологическим» уклоном, она называется «Три голубя сели на ветку»:

7 № 20 вышел в 1998 г. (весна или лето), тираж около 100 экз.

скрип прекратился, но свертки скворцы!
прокралась к тишине, и шьется цифирь,
чувствительною никтью рвется...[8]

В чем состоит ценность поэтического дара Виктора Іваніва? Многие поэты практиковали разного рода внутрисловные инверсии, морфемные перевертыши etc., но в таких изысканиях, как правило, остро чувствовалась искусственность, натужность. У Виктора же инверсия воспринимается совсем иначе — как результат вполне естественного семиотического «встряхивания» слов, когда буквам предоставлена возможность легко и ненавязчиво перескакивать с места на место. И вот уже ткани конвенциональной и неконвенциональной изъяснительности сшиваются «никтью»; слово «нить» объединяется с переведенным в вопросительную интонацию словом «никто», причем это объединение вовсе не ранит слух. Напротив, «никтойность» обогащается народными архаическими интонациями: вместе с императивом «нишкни!» (молчи) в ней начинает звучать коми-пермяцкий Север с топонимикой его поселков (Щелья-Юр, Косью). Кроме того, при сравнении творительного падежа слова «нить» с неологизмом «никтью» последний демонстрирует гораздо более масштабный артикуляционный потенциал, затрагивая изобразительное осуществление a) шитья стежком (в дискретности прокалывания ткани иглой), b) перекусывания швейной нити, c) юркости и т.д.

Некоторые опусы В. Іваніва не поддаются переводу в категории внятной изъяснительности, они совлекают читателя в рудиментарный психический эмпирей:

Op. 9

Папе хочется чеснок есть,
точь-в-точь, чуток..
У папы тут пропала..
Папа чихнул.

8 Op. 5. Прекрасный скрип
(«Стетоскоп» №20 (1998), с. 30).

Если слоговые близнецы[9] «ням-ням, пипи, аа, бобо» у Шарля Кро (в переводе И. Анненского)[10] участвуют в построении поэтической инвективы, в рамках которой эмансипированное сознание обличает тошнотворную цикличность обыденной жизни, то психосоматическая регрессия В. Іваніва вовсе не привязана ни к сарказму, ни к каким бы то ни было социальным амбициям:

> Мама у кроватки мне: спи спи спи
> ньт ньт, пь пь... (Ор.22)

Эта — внутренний, имманентный «портрет» той самой бездны расчеловечивания, которую Анненский столь пронзительно описал извне:

> И в сердце сознанье глубоко,
> Что с ним родился только страх,
> Что в мире оно одиноко,
> Как старая кукла в волнах...[11]

Дистанция между «точкой невозврата», которую поставил поэт в феврале 2015 г. и «сегодняшним днем» стремительно увеличивается, и с каждым годом становится все очевиднее, что Виктор Іванів — это целая эпоха в русской поэзии (тут впору схватиться за голову и спросить: так почему же мы этого как будто бы не замечали?) — причем, эпоха весьма деспотическая, потому что после радикальной переоценки ценностей в духе и в смысле «іваніва» для рифмованной бытовщины наступили бы черные дни, да и от поэзии осталась бы ледяная пустыня, практически никем не заселенная.

---

9 Термин В.Ф. Маркова. См.: [Марков 2000].

10 В оригинале:
«Joujou, pipi, caca, dodo.»
«Do, ré, mi, fa, sol, la, si, do.»
Le moutard gueule, et sa sœur tape
Sur un vieux clavecin de Pape.
etc...
(см.: [Cros 1879, p. 223-224], [Анненский 1988, с. 234-235]).

11 *И.Ф. Анненский.* То было на Валлен-Коски. — Из цикла «Трилистник осенний», сб. «Кипарисовый ларец». Опубл.: «Остров». 1909, № 2. См. [Анненский 1988 с. 67].

[Анненский 1988] — *И.Ф. Анненский.* Избранные произведения. — Л.: Художественная литература, 1988. — С. 234–235.
[Іванов / Субстанция у Спинозы и Хлебникова] — *В.Г. Іванов.* Естественный свет и «оптический обман". Интерпретация положения Б. Спинозы о бесконечном числе атрибутов единой субстанции применительно к тексту В. Хлебникова. — http://www.dragoman.narod.ru/vh/ivaniv.html.
[Ivaniv, Чанцев 2014] — *А. Чанцев.* Виктор Іванів: «Единственное спасение в данной ситуации — проснуться под виселицей» // Интервью с В. Іванівым в газете «Частный корреспондент» от 27. 06. 2014. — http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_dannoj_situatsii__prosnutsya_pod_viselitsej_36429.
[Ivaniv 2000] — *В. Іванов.* Собутыльник сомнамбулы: Поэма. — Новосибирск: Библиотека Драгомана Петрова, 2000, 24 с. (100 экз.) — http://knizhnica.com/books/sobutylnik.pdf.
[Марков 2000] — *В.Ф. Марков.* Слоговые близнецы в русских стихах. — Russian Linguistics. Vol. 1, No. 2 (Nov., 1974), pp. 107–121 (15 pages).
[Cros 1879] — *Charles Cros.* Intérieur /dans Le Coffret de santal. — Ed. Tresse.: 1879. — P. 223–224.

Михаил Богатырев

Мифологическая вычитка и нарративная реконструкция стихотворения Виктора Іваніва «Ты, падчерица, куда пропала...»

«Пустота — это Ничто в чаше <...>; пустота чаши вмещает двояким образом: приемля и содержа. <...> Выливание из чаши есть поднесение. В поднесении чаши — существо ее вмещающей емкости. Существо вмещающей пустоты собрано вокруг поднесения»

М. Хайдеггер. Вещь

Ты, падчерица, куда пропала?
поморщится ведерко, это.
— Зачем меня она прогнала?
и кто тебя уторкает?
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
ошеломлен и несмыслен,
мне поцелуй любезен, смел.

22 ноября 95

В цитируемой здесь короткой пьесе В. Іваніва пустотная чаша из эссе Хайдеггера предстает низведенной на уровень сказочного (мультипликационного!) персонажа: «ведерко» наделено и речью, и мимикой, а кроме того, еще и способностью выражать недовольство, обращаясь одновременно и к объекту своего вожделения (ты, падчерица), и к невидимым соглядатаям (зачем меня она прогнала?). Лейтмотив поцелуя,

эвентуально восходящий к хлебниковскому «Кормлению голубя»[1], открывается лишь в самом конце стихотворения, да и то не сразу, а лишь по мере латентной объективации в читательском восприятии живописного образа (картинка складывается словно бы «сама по себе» из разобщенных фрагментов эйдетического пазла): девушка, отбросив ведро, целуется с парнем у колодца[2]. Подобные изображения встречаются на старых почтовых открытках (см. илл.).

Аукционный лот «Приставание у колодца» (почтовая карточка 1900–1917 гг.)[3]

Поскольку стихотворение Іваніва не содержит никаких конкретных указаний на специфику изобразительного ряда, оно может быть принято за прецедент немиметического нулевого экфрасиса[4], уникальный уже хотя бы только потому, что для обрамления визуального артефакта «словесной рамкой»[5] использован *minimum minimorum* вербальных средств. В связи с этим возникает закономерный вопрос: что здесь первично — изображение или текст, и вообще, имел ли сам автор в виду какой бы то ни было изографический архетип, или же экфрасисная фокусировка проистекает из акта рецепции (т. е. мы «вчитываем» ее в произведение)? Принимая во внимание три ряда отточий, прорежающих опус В. Іваніва, вполне адекватным ответом на такой вопрос прозвучит реплика Л. Геллера об осуществлении миметизма типографскими средствами:

> «Это продолжение футуристской традиции, для которой слово было, кроме всего прочего, и графическим знаком, имеющим свою эстетическую ценность и способным входить в визуальные комбинации, независимо не только от своего означаемого, но и от привычной — канонической или институционализованной — формы своего означающего. В то же время это и обращение к гораздо более старой традиции «фигурных стихов» и других манипуляций (типо)графическим материалом, которые порождают визуальные формы, но совсем не обязательно воспроизводят изображения форм»[6].

С учетом того, что смысл опуса В. Іваніва не проясняется «сам по себе» ни в первом, ни в десятом поверхностном про-

1 «Вы пили теплое дыхание голубки, // И, вся смеясь, вы наглецом его назвали // А он, вложив горбатый клюв в накрашенные губки // И трепеща крылом, считал вас голубем? Едва ли!» etc.

2 Концовка в фонетическом отношении преподносит артикуляцию «смачного» лобзания: «несмыслен ... смел».

3 См.: https://auction.ru/offer/pristavanie_u_kolodca-i49386768077287.html. Выпущенная в Польше открытка «Tam na halach niema grzechu» (название дублировано на обороте на немецком и словацком языках) иллюстрирует буколический мотив из германской народной песни «Там, на альпийских пастбищах нет греха, / Пей до дна...». Позднее этот популярный рефрен проявится в титрах двух одноименных немецких кинокартин «Auf der Alm da gibt's koa Sünd», 1950 и 1974 гг. (последний фильм, в жанре эротической комедии, в русском прокате назывался «На альпийских лугах тишь да благодать» — https://ok.ru/video/97184516724).

4 В самых общих чертах экфрасис — это «словесное изображение визуального изображения» (У.Дж.Т. Митчелл, цит. по: [Геллер 2013, с. 46]). [Яценко 2011] пишет: «Нулевой экфрасис лишь указывает на отнесенность реалий словесного текста к тем или иным художественно-изобразительным явлениям. Нулевой экфрасис может быть миметическим, т. е. подразумевается, что читателю известен референт, на которого указывает автор. <...>

чтении, можно попытаться выстроить скрытые смысловые цепочки с позиций мифореконструкции («мифологической вычитки»).

Имеются три ключевых элемента: ведерко, падчерица, поцелуй. Четвертый элемент — колодец — извлекается из подтекста, т. к. напрямую о нем ничего не сказано. Вот список вопросов, возникающих при прочтении стихотворения:

— почему ведерко говорит?
— почему оно обращается к падчерице?
— в чем состоит коллизия?
— чем недовольно ведерко и почему оно морщится?
— почему в тексте появляются отточия и что они обозначают?
— в чем связь между недовольством ведерка, описанным в начале миниатюры и поцелуем, заявленным в конце?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется осуществить нарративную реконструкцию фабулы стихотворения, подключив к ней несколько ракурсов описания: философский, мифологический, лингвофонетический etc.

Ракурс I :

Реальность во временном протяжении. Подбежав к колодцу, девица начинает энергично вращать рычаг ворота. По мере того, как цепь накручивается на бревно, ведерко медленно поднимается из глубокой скважины. Иногда в жаркие дни девушка ставит ведро на сруб и, слегка наклонив его, аккуратными глотками пьет ледяную воду.

Ракурс II :

Субстанциальный деятель. Персонифицированная пустотная емкость извлечена на свет божий из подземной (= потусторонней) локации.

Ракурс III :

Философия страсти и поэтическая метафора (Как ждет любовник молодой // Минуты верного свиданья...). Волшебное одушевление предмета есть только состояние, приписываемое вещи, проецируемое на нее. О том, как запечатлевается эта проекция (и запечатлевается ли она вообще), можно лишь догадываться. Поскольку мы имеем дело с одушевленной

Немиметический нулевой экфрасис содержит указание на смысловой, историко-культурный модус визуального артефакта. Такой тип нулевого экфрасиса встречается <там>, где произведения не показываются, важны не их формальные качества — цвет, линия, свет, а именно присутствие».

5 «Именно “рамки” — подчеркивает [Успенский 1995, с. 177] — будь то непосредственно обозначенные границы картины (в частности, ее рама) или специальные композиционные формы — организуют изображение и, собственно говоря, делают его изображением, т. е. придают ему семиотический характер».

6 См.: [Геллер 2013, с. 49-50]. Эти слова, сказанные по поводу «Испорченного фильма» И. Эренбурга, с полным (если не с еще большим) основанием можно отнести и к исследуемому опусу В. Іваніва.

Емкостью, втиснутой в контуры колодезного ведра, то очевидно, что большую часть времени ей суждено пребывать в заточении — там, внизу, в теснине колодца, где сырость и мрак. Изредка ей предоставляется возможность вынырнуть из «ничто», осуществить подношение чаши и отразить в водном зеркале прекрасный девичий лик. Весь ее кругозор сосредоточен только на этих моментах, и, поскольку Емкость не имеет собственного содержания, поэтическое воображение наделяет ее даром страсти.

Ракурс IV:

Мифологический оксюморон. Совокупление Леды и Лебедя (двух живых, хотя и разновидных, существ) является воплощением инициативы, исходящей от Лебедя-Зевса. В этом отношении ведерко словно бы «повязано по рукам и ногам»: его субстанциальная принадлежность и исходная неодушевленность не допускают каких бы то ни было манифестаций страсти. На физическом уровне «слияние» с молодой женщиной происходит по принципу сообщающихся сосудов, но это становится возможным лишь тогда, когда у женщины возникает — вполне невинное, кстати — желание утолить жажду.

Ракурс V:

Солипсическая дистанция. Не располагая ни волей, ни инициативой, Пустотная Емкость заброшена во власть эротических представлений, однако повлиять на их реализацию она не в состоянии (ниже будет показано, как эти представления прокручиваются во «внутренних монологах»). Что же касается девушки, пригубившей из ведра водицы и впавшей чрез это «в грех без греха», то она, пожалуй, вовсе не подозревает о том пантеистическом уклонении, к которому подталкивает ее воображение поэта.

Ракурс I:

Реальность во временном протяжении. Девица с усилием вытаскивает ведро и, стараясь не расплескать его, ставит на край сруба. Не успевает она перевести дух, как чьи-то ладони бережно закрывают ей глаза. Человек, незаметно подкравшийся сзади, целует ее затылок, волосы. «Это ты, любимый?» — спрашивает она...

Ракурс VI:

Мифологемы: живая и мертвая вода, мать и мачеха. Участвуя в таинстве утоления жажды, Пустотная Емкость успела сродниться с объектом своей страсти, ведь переливание влаги «из уст в уста» чем-то схоже с кормлением младенца. Обнаружив девушку в объятиях соперника, ведерко темнеет от ревности, оно кричит «не своим голосом». В результате чудовищной метаморфозы, никак (это следует подчеркнуть) не отразившейся на внешнем ходе событий и качественном составе обстоятельств, происходит субстанциальное изменение содержимого Емкости. То, что раньше было живительной влагой, становится «просто водой», грубым суррогатом материнского молока, признаком сугубой неродственности. Так ведерко превращается в мачеху, и в этой точке, вместе с началом «внутреннего монолога», собственно, и начинается стихотворение:

Ты, падчерица, куда пропала?
поморщится ведерко, это.

Ракурс VII:

Фонетика, рифмографика. Итак, в первой части стиха (до отточий) звучит прямая речь, ведущаяся от лица мачехи. Дискурс завершает форма будущего времени от глагола «торкать», извлеченного из диалектного или арготического обихода: «то́ркать: 1 (просторечное) — толкать, стучать, ударять чем-либо, втыкать; 2 (жаргонизм, безличное) — вызывать состояние эйфории, алкогольного или наркотического опьянения». Поскольку слово «уторкает» выставлено в качестве перекрестной рифмы к указательному местоимению «это», следует обратить пристальное внимание на окороченный рудимент гласного звука «о»[7], проявляющийся артикуляционно, при «расслабленном» произнесении глагола вслух: «уторкает’о». В перспективе трехрядной развертки отточий растягивание сверхкраткого призвука «о» принимает поистине гомерические размеры. Это — кульминационный момент «внутреннего монолога».

7 Или, скорее, это будет переходная форма между «о» и «ы».

Ты, падчерица, куда пропала?
поморщится ведерко, это.
— Зачем меня она прогнала?
и кто тебя уторкает'о
ооооооооооооооо
ооооооооооооооо
ооооооооооооооо
ошеломлен и несмыслен,
мне поцелуй любезен, смел.

Применение отточий позволяют поэту совместить, слить воедино следующие аспекты: дистанцию (в т. ч. дистанцию между началом опуса и концовкой), неожиданный катаклизм (возможно, девица неосторожно задевает ведерко, и оно на пике озлобленной ревности срывается вниз, в колодец), падение (процесс), гулкий отголосок прерванного на полуслове монолога.

Ракурс VIII:

Лейтмотив поцелуя, возникающий на выходе из обозначенного отточиями провала содержания.

Принимая во внимание гипотетичность и неустойчивость нарративных описаний, для того, чтобы классифицировать данный текст в соответствии с типом его «пустотности», необходимо определить, являются ли отточия своеобразной деталью декора, или же содержательная лакуна, обозначаемая ими, выступает в качестве опорного элемента смыслопостроения? Мы склоняемся ко второй версии и определяем «Падчерицу» как «лакунный парциальный» текст.

Библиография

[Геллер 2013] — *Леонид Геллер* (Лозанский ун-т). Экфрасис, или Обнажение приема. — В сб. «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / Сост. и ред. *Д.В. Токарева*. — М.: Новое литературное обозрение, 2013, с. 44-60.

[Успенский 1995] — *Б.А. Успенский*. Семиотика искусства. — М., Языки русской культуры, 1995.

[Хайдеггер 1993] — *М. Хайдеггер*. Вещь; пер. В.В. Бибихина. — В кн.: Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993.

[Яценко 2011] — *Е.В. Яценко*. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель (на сайте «Вопросы Философии», 23.12.2011).

1

2

3

30 СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МОЛОДАЯ СИБИРЬ
№ 45 (52) 10 ноября 1994

АБЗАЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Русские словари» выпустило новое издание — «Словарь московского арго», который пользуется популярностью у покупателей. Записывать слова и выражения для своего детища автор, двадцативосьмилетний Владимир Елистратов, начал тринадцать лет назад и записывал сходу-вдохновенно.

ЖУРНАЛИСТ 9. Могутин выступила с инициативой издания сборника гомоэротической прозы, а книговед А. Севастьянов призвал эту инициативу бойкотировать. В своем обращении он заявил: «Гомосексуализм не задевнуть в резервацию, но пропагандировать его — преступление».

ЛАУРЕАТОМ английской Букеровской премии стал шотландец Джеймс Келман, создатель книги «Как же поздно это случилось», рассказывающей о запое старика-рецидивиста.

ЛАУРЕАТАМИ Шолоховской премии, кроме Кардашова, стали Анатолий Иванов (председатель комитета по присуждению Шолоховской премии) и Арсений Ларионов (член того же комитета).

СУПЕРМОДЕЛЬ Клаудиа Шиффер выпускает сразу две книги: автобиографическую и антологический альбом с фотографиями своих лучших моделей одежды.

В НОЯБРЕ в Новосибирской картинной галерее пройдет несколько литературных встреч. 11 ноября в 17 часов — с новосибирскими поэтами 60-х годов. 16 ноября в 17 часов и 21 ноября в 12 часов — с Дмитрием Приговым. 18 ноября в 19 часов — с Александром Гленэзором, а в этот же день в 17 часов — с Валерией

«Не то чтоб жизни я боюсь — приветствую жизнь, узнаю»

ТАК, ПИСАТЬ о поэтических вечерах у Назаренского становится все труднее. Потому что приобретают они все более непредсказуемые формы жизни. Чего все и хотели. Слушателей становится несколько меньше, но они уже не случайные. Поэтов становится больше. И они тоже не случайны! Они могут случайно забрести или даже заехать из другого города. В последнюю пятницу месяца. Они могут выйти читать из зала без специального приглашения — и это уже не графоманы, а случайно зашедшие на огонек неслучайные поэты.

Как сказал один из участников вечера Михаил Дроздович, поэзия — это прежде энергетика, а уже потом версификация. И вот формируется общее энергетическое поле вечеров.

«Замороженный», но «оттаявший в годы перестройки» (как о нем выразился, по его словам, какой-то критик) Анатолий Соколов с длинным стихотворением энергетически провис на теме краха семьи и всеобщей праздности, хоть и прорвался, что «содрогнутся отцов молодые надгробья». Жаль, что кое-кто не вынес чтения члена СП и удалился. Слушатели не содрогнулись и во время патриотических заклинаний «зрительного мученика» Владимира Березева.

А вот Станислав Михайлов, впервые пришедший на вечер, дал мощный импульс, блестяще прочтя несколько стихотворений, написанных им летом на Таманском полуострове.

И вновь Евгений Меняйров читал стоя (!), что для него крайне необычно, с новыми интонациями, жестикулируя (!) и почти весело.

Обросший (уже НЕ бритый) Игорь Лощилов прочел восемь сонетов, в которых обрывались постепенно волосы, усы, брови и даже голос: «Вот бритый голос мой». Неожиданная форма «бритого» сонета пришлась ему очень кстати: «На восемь бед — четырнадцать ответ».

Наконец-то прочел свои стихи после многолетнего перерыва Михаил Дроздович. Красиво, можно сказать изящно, построил свое чтение, выбрав стихи с реминисценциями из Блока — «не для того, чтобы привлечь незнакомых слушателей на свою сторону, как это делают поэты эпические, а для того, чтобы найти точки соприкосновения».

Решилась «открыться» всем известная журналистка, а оказывается, еще и поэт Екатерина Селезнева. Конечно, если «мир тесен... как плетень, как ватник бомжа», выход один — писать и читать стихи.

Гордо проследовала Виолетта Метелица из Барнаула, в длинном черном платье, которая «бродила тенью, завернутая в плащ» и добрела до нас. По второму кругу подшел гость Лощилов «За органику процесса / и за органов распад». Вырвался юный Виктор Иванов: «Старые поэты читали, дайте и нам почитать!» И прочитал на ура. Филипп Третьяков поразил взрослое наше воображение очень врачебным «Экспериментом смерти». Прочел стихотворение Борис Гринберг, которого многие и не узнали сразу, потому что очень давно не видели и не слышали. Словом, было всего много. Много было и хорошего. Это надобно видеть и слышать.

Анна ЛАПИНА,
«Молодая Сибирь»

Фотографии Дмитрия ТКАЧЕНКО

Игорь ЛОЩИЛОВ

Глаз — лишь призма,
Мир — лишь плазма...

Виктор ИВАНОВ

Не минимое пою
мои скалы
и любовод высок...

Михаил ДРОЗДОВИЧ

Так
альпеншток
похож алтынчач
а алтынчач
на чачу за алтын
алтын ахын
ахын конечно на кан-кан
кан-кан похож на паровоз
а паровоз похож на розу
на розу черную в ам
она как черная угроза
восевая как дух грозы
и может быть ей близко

Порт-Саид

и небо над водами Нила
а может бабушка Нефила
на свете ой всего родней
и непогода этих дней
конечно это не погода
а может просто стал я стар
и навсегда уже устали
и пить и петь мои уста
а может просто не остер
как например Григорий Остер
а может просто устарел
как например

Антоний Погорельский

а может просто угорел
как например сверчок за печкой
короче я ни богу свечка
ни черту кочерга
пока
прощай до четверга
хотя в помощь
ты уедешь в среду
и не забудь перо
когда заре

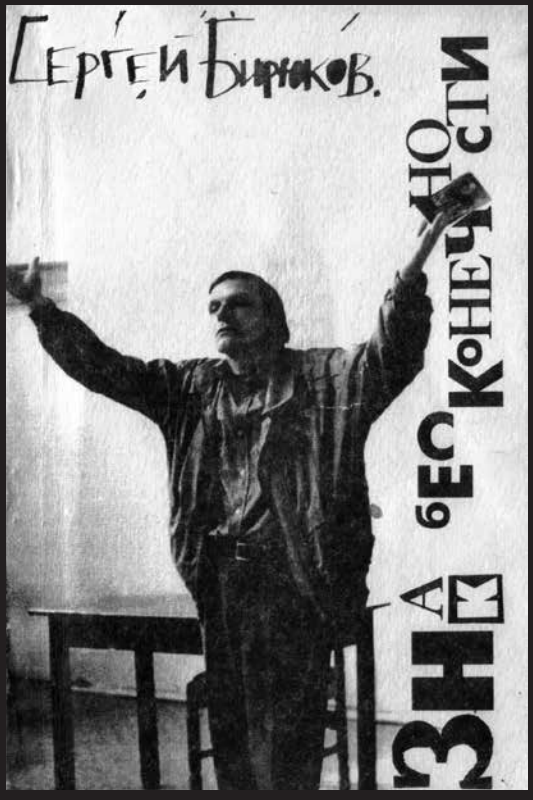
Станислав МИХАЙЛОВ

Как хорошо забыть
в «Прокопьевскуголе»
На Черном море
черный шахтный труд,
Здесь немец Юрген,
бывший «гитлерюгенд»,
Попал во глубину сибирских руд.
Здесь Третий Рим забыл
о третьем рейхе,
С четвертым бы
не сводиться в Чечне,
Здесь Айвазовский мог милей,
чем Рерих,
А истина, действительно, в анекс.
Здесь турки греков
переиронили,
А скифов смыло в море
с двух сторон,
Здесь Митридатов корень
корчевали
И возводили отроков на трон.
Здесь грим с лица
отмыла наша раса,
С геноном породнился угрофинн,
Здесь выжженная солнцем
Гермонасся,
Как золото,
закаленное в сапфир,
Здесь «Кардинал»,
забыв о христианстве,
Отжелил языческую гроздь,
Здесь завершилась сказка
дальних странствий,
Коса на камень,
колесо на гвоздь.
Рука моя на каменные скулы
В мучительном предчувствии
заеду,
Мерцает месяц плаником акулы,
Царит тьмутараканская тоска.

4

Виктор ИВАНОВ
ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКИ

5

Сергей Бирюков.
ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ

6

Игорь
Лощилов
Царь в голове

7

ВИКТОР

СО СОМ
БУ НАМ
ТЫЛЬ БУ
НИК ЛЫ

ІВАНОВ

8

Виктор Іванов

СОБУТЫЛЬНИК
СОМНАМБУЛЫ

9

Александр Очеретянский
Джеральд Янечек

Игорю Лощилову
дружески-творчески
А. Очеретянский
лето 1966.
FAIR Lawn, N.

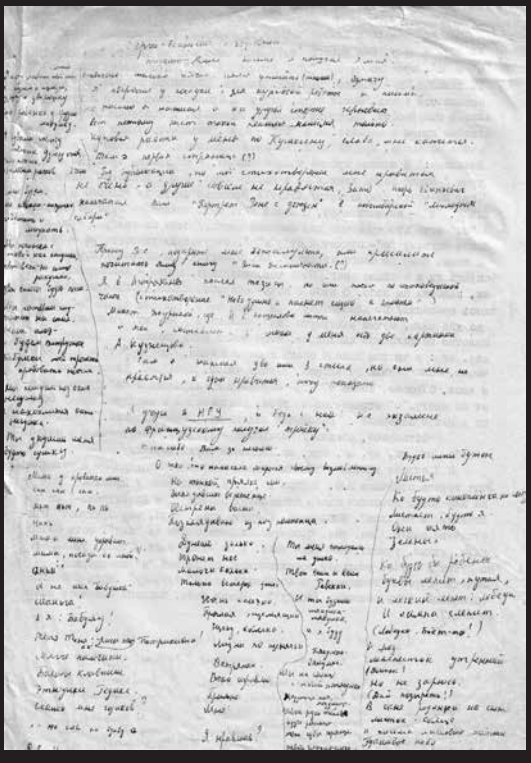
АНТОЛОГИЯ
АВАНГАРДНОЙ ЭПОХИ

Россия
ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX СТОЛЕТИЯ

(поэзия)

Нью-Йорк—С.-Петербург
1995

10

11

Здравствуйте, Александр Иосифович,

я получил письмо от Вас 28 октября. Спасибо за письмо.
Отвечаю Вам от 4 ноября, но письмо отправлю, наверное,
9 или 10. Потому что тексты получу на бумаге тогда.

Посланные Вам прежде тексты, к сожалению недостаточно
написаны, в чем мне упрек. Ваши комментарии хорошие,
ирригательные. Дописывать вторую часть №6 не считаю нужным,
поводом ей- обстоятельства малозначительные. Над началом №8
работаю, добавляю.
Полученные Вами в прошлый раз вещи написаны с августа ?" по
сентябрь 95. Это самая хорошая часть из всего сочиненного
в прошлом году, почти. Тексты более позднего времени посылаю
, тексты друзей- тоже.
Книгу Маркова купил в январе. Читывал)(хорошо ли?).
Не можно ли у Вас книгу Крученыха попрочить почитать?

Письмо такое длинное не получал до Вашего. Спасибо .
До свидания,.

Виктор Іванов.

P.S. Может быть, в конце июня
будет время не такое плохое, как во время
моей командировки в Р.

12

ЧЕРНОВИК II 96

Знаете, Гаргантюа
считал, что лучше подтирать гузно гусенком.

Строптивая Гусыня, держите во рту книгу, с ее хлопотливыми
хлопочущими крылами, шалью, заботливость не забывайся
ни в коем случае,никогда. Вы, лапчатая, перепончатая, наверно нередко плачете.

Тут спохватившись, опомнившись, он произнес:
"Простите меня за беспокойство и, пожалуйста, проходите

И она поскрипывала к прямо клюву прикрепленными звуками. Например
тас "инверикам".

примечание: *стихотворение исполнено гусиной иронии*

.....

Близко птица, во всяком креститься
отстав от ста, отсчитай со счету
свеча коптит и скорбно с-скрипицей
бессонный сам, сомкнется смычок.

то качнет свечой близорукой,
совестно сокрыться мне в скорой кибитке,
стекол свист, и сколько, сколько звать другого
за облако забежав побитым.

Свыклись с небом свысока снидшем
бедным, большущим белым позади.
взятым завсегда верхнею ниткой,
иголкой куда сиганув, погибло.

Свечку поднес, всплакнула всклинчь.
Неужто сгинул я, ронявшь тень?
Отвернись птица недалеко, к ней привыкнув
вторишь мне, вторичен... причем тут перед тем.

.....

К тому омуту, где темно,
на отмель, что потерять можно из виду —
вода уводит взгляд.
то не очень
метнется свет,
то отменно
волной омыта,
в полдень там будто слышно молитву
среди водяной молви.
а ночью осенью,
туда, реже
оглядываясь,

109

13

Виктор Иванов (Новосибирск)

Разговор (это заумь)

– Что ты надулся, как сосед,
Чем разбитен?

я был разбужен, я неподготовлен.
приподнялся едва, глазку
когда земля лежала бездыханной
(и лишь угадывалось утро)
и утро лишь угадывалось

Как ты его приметил?

свой сек я пересилил,
особенно вглядясь на небеси:
мяукала луна и спустилась

Что ты к тому привесил
(Чтоб подозренья превзойти)?

в придачу я был рад.
и холод лобзал
мои ступни,
и приближался свет к ним.
. . . .
и я к деревьям устремлялся.
они смиренные.

ор.1
Паланкин

Пиликают ласточки скрытные
и непривычке пеликан
Появится поле в воде
и скрипки взвились в паланкин

В лоскутья его понемногу
оденут в них перемешав
со вздохом мгновение мигнет
и где он найдется теперь?

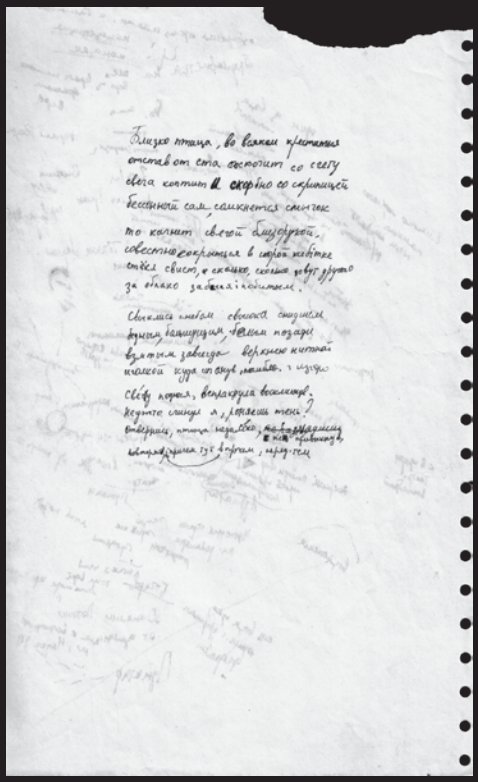
Нерадостны разуверены
пустых покинутых окон
Ручей и доверху деревьев
доверчив, встречен, добежит
но суеверные деревья
не забегают далеко
внимательно и виновато
не напоили ни о ком
мне не напомнят ни о ком.

Коль птицы складывают крылья, –
неосязаемы стрижи,
доколе ввечеру не скрылось –
в ветру вертятся, режутся,
и стужа жутка им небес,
и мне тогда уж не по себе.

Они не держатся вверху,
у них доверчивая дружба,
деревья прыгают в скакалку,
но совлеклись почти все листья,
откуда ж снова, вот взялись,
и все высоко вознеслись,
и свистом вся снята осинка
о вас, ужаснувшаяся осенью.

Ужасно страшно, не засну –
куда подушку я засуну?
беспомощен я без нее,
и беспокоен,
я даж не вижу, высоко они!

Не скажут ножницы в окне,
и ласточки скучное чувство,
(что ученицы приглашают в салочки)
внушают мне и хнычут.

Близко птица, во всякой крестинке
отстав от стад, скользит со снегу
света хватит и скорбно со скрипицей
бесшумной сам, сомкнется сметок
то колпит светой блудорой,
совестно сокрушая в скрой житейс
стайся свист, и скажет, сколько дождруго
за облако забыл житейством.

Снежится снегом свежего сидящем
бумаг, машущим, белым позади
вдалеком завидя верхнюю житой
иглой куда отвлёк, мелькн. и изуро
свёр горел, возвратна вскликнув.
ведутно слышу я, дотянешь тень?
отвернись, птица нарядно, не возвращаясь
в ней правящих,
вдаль дрожа тут дорогам, нарочно

Вот рыба тишью порвет,
И пятку строка кулает,
И горькой капью играет
Ее цветная чешуя,
как привередлива швея
Холстину тонкой пропускает
Молчанье просто отдаёт
Своей послушною иголкой
то отдалит, то приближает
к себе, дрожа; ей губы сжатой
и острой стрелкою бегучей
и не проверив скоро капет.
на вышивку иглой тонкой,
губ отдаёт руку, тронув
свое чело, в испуге ... сонуть ...
смахнуть пылинка .. кусток падет,
Руки снав литки, мерцает,
Каташа свой мизинец колет
к губам синицей подносит.
(разлилва)

Вот рыба тишью порвет,
И пятку строка кулает,
И горькой капью играет,
Ее цветная чешуя,
как привередлива швея
Холстину тонкой пропускает,
Молчанье просто отдаёт
Своей послушною иголкой,
то отдалит, то приближает
и острой стрелкою бегучей,
не проверя скоро капет
на вышивку иглой тонкой,
губ отдаёт руку, тронув
(Ее) свое чело, в испуге ... сонуть ...
смахнуть пылинка .. кусток падет,
Руки снав литки, мерцает,
Каташа свой мизинец колет,
к губам синицей подносит.
(разлилва).

18

Сонет посвященный моей кабачке

Когда на ветках клочев не осталось
их ах ась, марш! снег сильной каталась
фанерных сапфиров вновь хлеб нас.
и дворец ва ошеломь

Обманчивое утро плачет аквариум
под рощей, аккордной февральский
светел тайн наб в ивовга свивала
и возьми сон осенней гнездо над изъявлен

закон расплакалась дортеляю ?
логом ань пять ой! злобна слаб!
с Катюшевством нашего чего
сетях почуй верхуш орлай сарказма
фонарь и обувских полкого
девает небо звук их сабель слаб.

1 макаюю
г. побесбу, вот почта.

20

Синица насмехается сырюсь зажмурясь,смекнув,
и с осенью протянном смыкаясь,
зажмурившись возле дерева седьмого и восьмого,
возьмусь закладками страницы отмечать,
седьмая ль восьмая для сладкою на календарь,
что случилось, так долго, надо мною дни смыкаются,
там, высоко, на небе , сутки и кусты, столь тускны,
вот - вот расплещется лис тва, и пропадая припадет к стволам,
невольно, как спускается по воздуху волна,
прогожий день надену к вчерашнему заплаткой,
прохожему мне погожему похоже,
что будет горьше в ковшике хорошее питье,
притупит губы у краев, напутано,
поникнет и покинет забытье запятая,
склонясь забытью в забытье, попятится,
растерянно, стремительно синица в просинь бросясь,
, взор взгляд пок да, я вас покину оказанных но несом.

Синица надсмехается, смекнув,
и с осенью протянном смыкаясь,
зажмурясь возле дерева, возьмусь
закладками страницы помечать,
седьмая и восьмая, сгрянусь на календарь,
так долго надо мною дни смыкаются,
там, высоко, на небе; сутки и кусты столь тускны,
вот - вот расплещется листва, и пропадая, припадет к стволам,
невольно, как спускается по воздуху волна,
прогожий день надень ко вчерашнему заплаткой,
и мне, прохожему, погожим , и похоже
что будет горьше в ковшике хорошее питье,
притупит губы у краев, напутано).
поникнет запятая, склонясь ко забытье, попятится растерянно
стремительно синица в просинь бросясь,
покуда ,
я вас покину оказанных, но несом.
2.
Рябина к ним пригрелась,
Ты прикоснешься, оттопырь поступит)
вот воздух потянул,
и галка глухо гулко поднялась,
иголка неприветливо прокралась, прорвалась,
и вот весна как ребенок пришла, явилась
и вострь тропкой пробегла,
и поступь пустяков неумолима(неутомима)

19

Прекрасной скрипе

Убранное

скрип прекратился по вертки скворцов!
прокрались к книжке, и шелест шорох
чуть внимательно нижней ресницы,
побарит кулек наб ноль (в сердце)
нарвано сквозь) зуд свет (чуден кабарь

Бытовая болтовня

слышу бабочки как будто
иногда отпустит нот-
то капризничает в будничных
непременном повернут время
к доброю накликивает доброй
проворной
кринкарь
на капор дробот как ночка
сеять.
открыла и малыш ушу отворила,
мне некогда, не некогда и мне
привлекло бы так прислушивать к ним,
не образовалось бы грунь или бережно
говорней слушается бабочек-
ами покрет.

Откупорю пока бутыль бултых

21

Кошь под вечер вокруг огонька
И конь под ними сложивши
они, не в силах вы ум скрасить
Замечтались как муравей
С ранней скрашивая свой, поломать,
Притаившийся винная
настроение огромная в ряду
Тишина что расцветший, до выгода вести
и прикупить бы Царь прекрасно
полюбив на ни, прекрасный
Не расстанет они никуда не уляжемся
Кровная совсем на нет сошла,
Вот время вновь,
И показала в бур туть-туть новые
Вот вот вот вдали свет увлекает
Поутру неровно синяя сабля вверх
и этой суть с увеличащей удалью
в ответ кто вспрянет в ушанка
тем я под деревом
рядом на повечерок

На этом
я вам рассказываю
хотя расскажешь.

22

РОВНО и РОЗНО
(Мидри III)

Дубным телом рай от меня закрыл,
дохнул на дно души и воды двинул,
приниженное жизнию пронзил, и
тогда сказали мне, когда и где кто был,
и что на деньги медные купили,
и по земле туда и там водили.

. . . . . .

Я торговал на двор и в перекрестках,
торжественно и чудно торговал.
Как клевер был оплеван, как слепой.
Что торговал? – то шляпу, то картошку,
уголь и гальку, скатерти менял,
щеглов, простыни, мой ночной покой.

. . . . . .

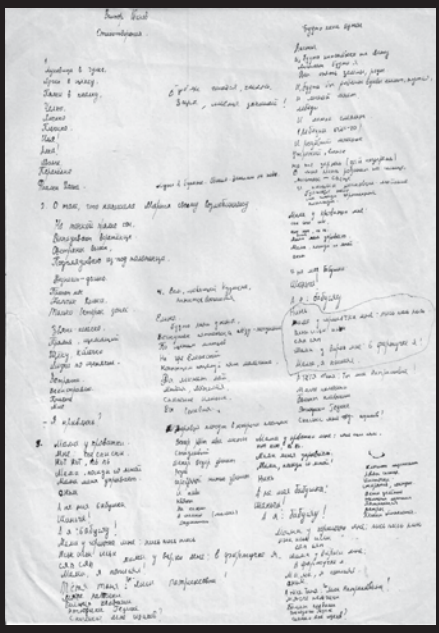
Я жался к берегу, я руку перебил,
и на себе болезни залечил,
был прежде сыт, чем воровал, как ворон,
детей курносых, женщин, лошадей,
вот горло перебито, пузо вспорото, за шей
их подымал, как бы сынов за ворот.

. . . . . .

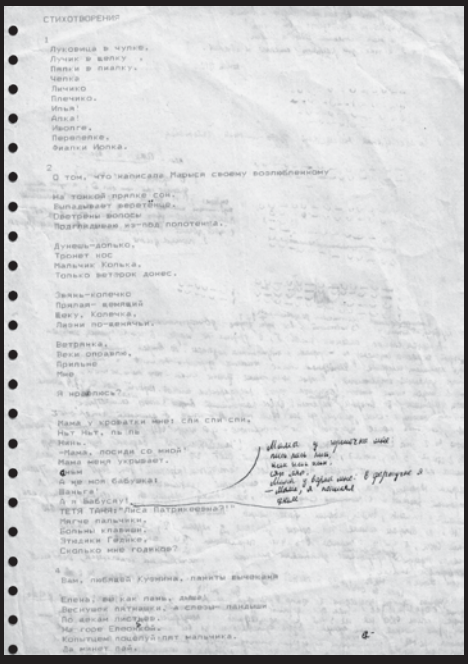
От всадников я прятался в воде,
Чтоб кости проросли и кожу разорвали,–
хотел бы я не то: чтоб катафалк
вся улица несла б мой к изгороди,
мальчишки б катафотов сверкали!
.....

Чтоб дроги прочные под окна подвели,
по сторонам косились бы гнедые,
дома зажгли б, затмение чтоб, пли!
без стука бы упал, но, гниды, вы,
вы в тридни Его тела не нашли.

23

24

СТИХОТВОРЕНИЯ

1
Луковица в чулке,
Лучик в щелку .
Пеки в лиалку,
Чепка
Личико
Плечико.
Мька!
Алка!
Июлге,
Первалке,
Фиалки Йолка.

2
О том, что написала Мария своему возлюбленному

Из тонкой дрилки сон,
Выглядывает реротный.
Светлены волосы
Подглядывая из-под полотенца.

Дунешь-дотько,
Тронет нос
Мальчик Колька,
Только ветерок донес.

Зялюшколечко
Прялая венецай
Веку, Колечка,
Люони по-женечьи.

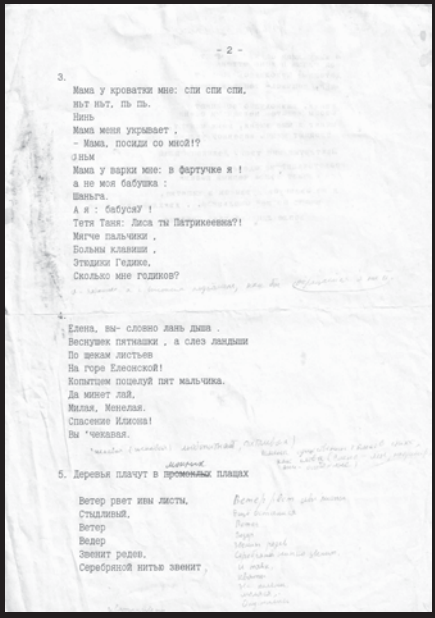
Ветрянка,
Веки оповали,
Брильно
Пью
Я
Я морелись!

3
Мама у кроватки мне! спи спи спи,
Нът нът, пь пь
Нинь.
Мама меня укрывает.
-Мама, посиди со мной!
Сным
А ня моя бабушка!
Шнырга!
А я бабусю!
ТЕТЯ ТАНЯ! Лиса Патрикеевна?!
Мягче пальчики,
Больным клавиш,
Этодики Гедике,
Сколько мне годиков?

4
Вам, любимая Кузмина, пакеты выемания

Елена, вы как лань, дыша
Веснушек пятнышки, а слезы лаодики
По щекам листьев
На горе Елеонской
Копытцем поцелуй пят мальчика.
Да минет лай.

25

- 2 -

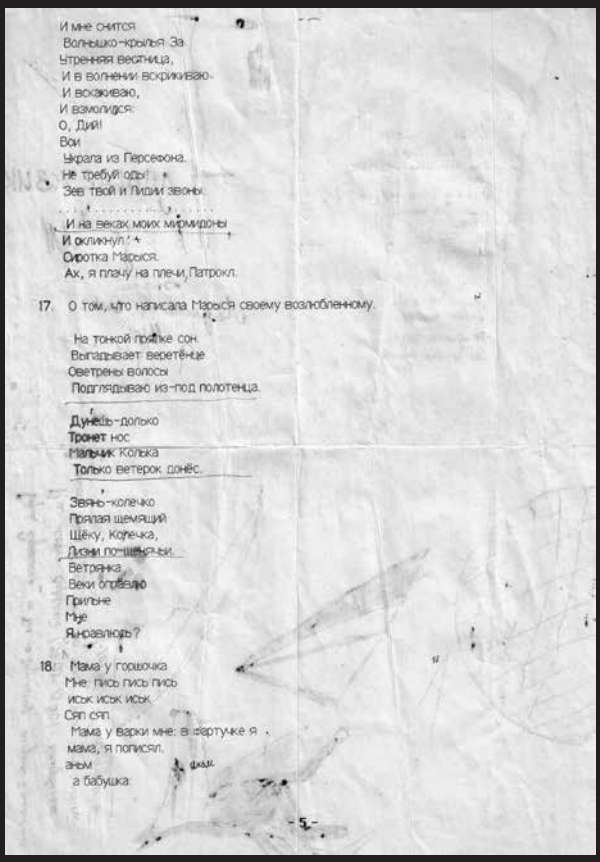
3.
Мама у кроватки мне: спи спи спи.
нът нът. пь пь.
Нинь
Мама меня укрывает .
- Мама, посиди со мной!?
Сным
Мама у варки мне: в фартучке я !
а не моя бабушка :
Шнырга.
А я : бабусю !
Тетя Таня: Лиса ты Патрикеевна?!
Мягче пальчики ,
Больным клавиш ,
Этодики Гедике,
Сколько мне годиков?

4.
Елена, вы- словно лань дыша .
Веснушек пятнышки , а слез ландыши
По щекам листьев
На горе Елеонской!
Копытцем поцелуй пят мальчика.
Да минет лай.
Милля, Менелая.
Спасение Илиона!
Вы чекавая.

5. Деревья плачут в промокших плащах

Ветер рвет имя листа,
Стыдливый,
Ветер
Ведер
Звенит редев,
Серебряной нитью звенит

26

И мне снится
Вольницо-крылья. За
Утренняя вестница,
И в волнении вскрикиваю-
И вскакиваю,
И взмолился:
О, Дий!
Вои
Украла из Персефона.
Не требуй оды!
Зев твой и Лидии звоны.
. . . . . .
И на веках моих мирмидоны
И окликнул!
Сиротка Марыся.
Ах, я плачу на плеч Патрокл.

17. О том, что написала Марыся своему возлюбленному.

На тонкой привязи сон
Выпадывает веретёнце
Овертрены волосы
Подглядываю из-под полотенца.

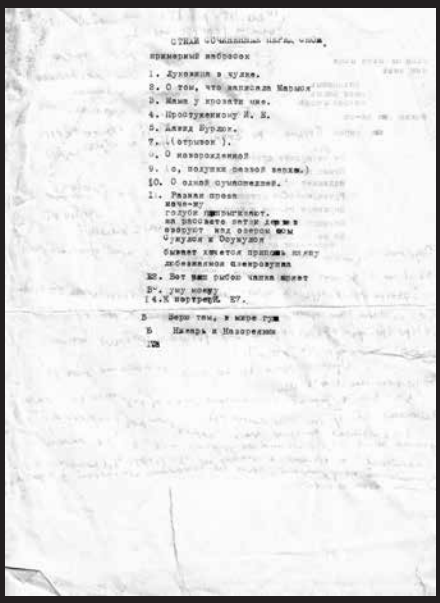
Дунешь-долько
Тронет нос
Мальчик Колька
Только ветерок донёс.

Звонь-колечко
Прялая шемяший
Щёку, Колечка,
Дизни поцшёлечки.
Ветрянка
Веки отрывало
Прильне
Мне
Нравлюсь?

18. Мама у горшочка
Мне пись пись пись
иськ иськ иськ
Сяп сяп
Мама у Варки мне в квартучке я
мама, я попясял.
анем
а бабушка

- 5 -

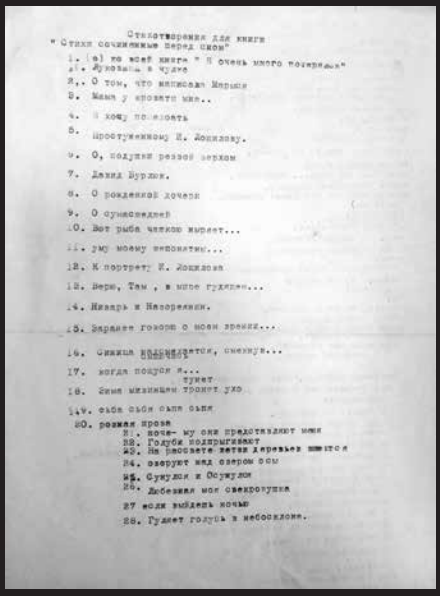
28

СТИХИ сочиненные перед сном.
примерный наброссок

1. Духовник в кулаке.
2. О том, что написала Марыся
3. Мама у кровати мне.
4. Простуженному И. Л.
5. Давид Бурлюк.
7. (отрывок).
8. О новорожденной
9. (о, подушки резвой зеркам.)
10. О самой сумасшедшей.
11. Разная проза
ночью-му
голуби прилетают.
на рассвете ветки деревьев
оборвут над озером осы
Сумудки и Осумудок
бывает хочется приносить ему
любезнейшая спекторушка
12. Вот как рыбка чайка живет
13. уму моему
14. К портрету Н. Л.
15 Вери там, в мире гум
16 Январь и Назаренин
17

29

Стихотворения для книги
" Стихи сочиненные перед сном"

1. а) на моей книге " Я очень много помираю"
2. Духовник в кулаке
3. О том, что написала Марыся
4. Мама у кровати мне..
5. Я хочу по-нюхать
6. Простуженному Н. Лохматому.
7. О, подушки резвой зеркам
8. Давид Бурлюк.
9. О рожденной дочери
10. О сумасшедшей
11. Вот рыба чайка живет...
12. уму моему непонятны...
13. К портрету Н. Лохматова
14. Вери, Там , в мире гудящем...
15. Январь и Назаренин.
16. Зараное говори о моей зрении...
17. Синяя колокольчик, смеешься...
18. когда поцел я...
туннет
19. Зима мизинцем тронет ухо
20. сяп сяп сяп сяп
21. розная проза
22. ночью- му они предстовляют мне
23. Голубя подпрыгивают
24. На рассвете ветки деревьев шепчут
25. оборвут над озером осы
26. Сумудки и Осумудок
27. Любезная моя спекторушка
28 если выдешь ночью
29. Гудит голубь в небосклоне.

27

Давид Бурлюк, Чикаго!

Управляя шапкой

Сто! Чтоб - Конечно,
не это я говорил, -
а моей умелой мысли
на в ней порядок.
Не так говорю, Давид?
- Не говорю я иначе,
Не говорю не более,
не менее и короче.

Вам в Америке готовят,
с тех пор, брат, так тяжелеешь?
Они до грудей и, до мозгов,
Не дошел тот не мальчишка.

Не прав уж председатель
земных земных земств,
такие кони председателей
в Небесах уж не увидят.

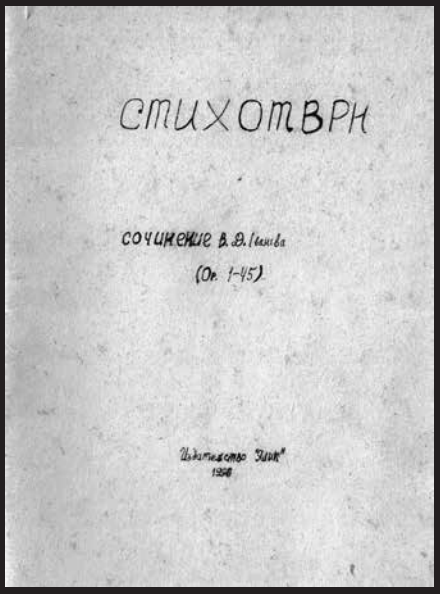
Конечно говорю прозорливо
и жизнь проведенных дня,
если так прямо проведешь,
надо так проводить.

Но прямо, конечно брат, не
это делать конечно,

Но говорю, конечно брат как
будто сам говорю.

Как сторожа ночные
побродят одни,
и вернутся на площадях
прибегают трава.

30

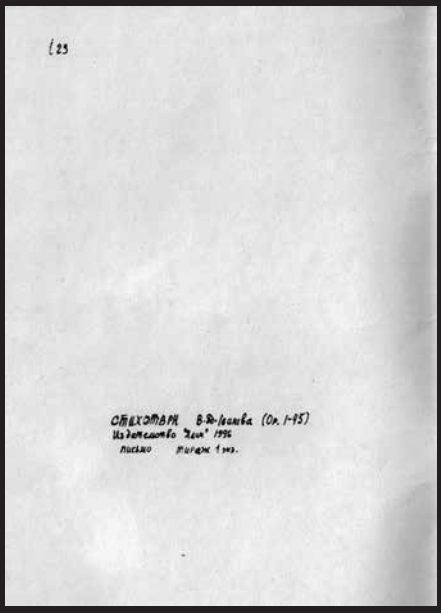

СТИХОТВРН

сочинение В.Д.Иванова

(Оп. 1-45)

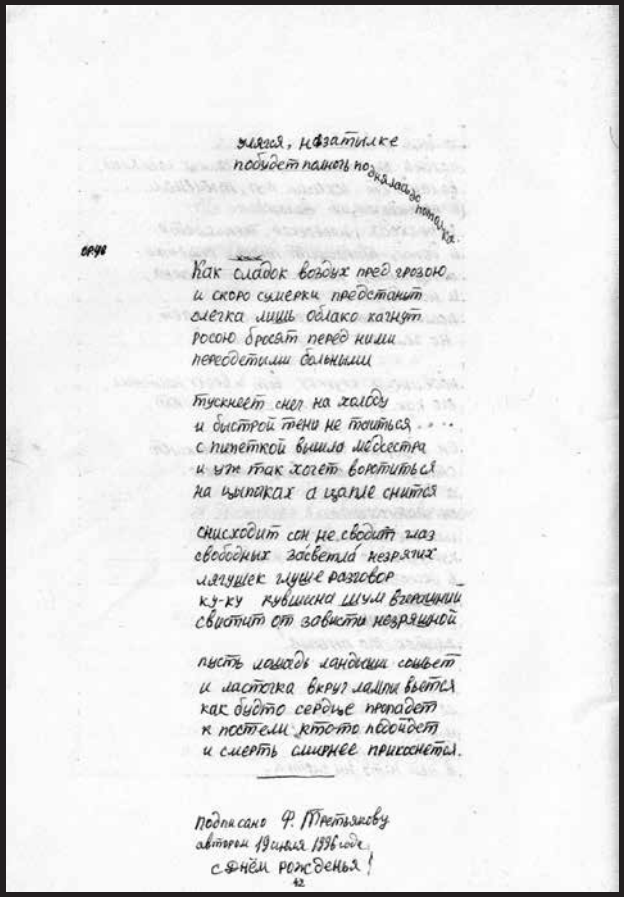
Издательство "Зник"
1996

31

123

СТИХОТВРН В.Д.Иванова (Оп. 1-45)
Издательство "Зник" 1996
писано тиражт 1 экз.

32

уляся, нбзатилке
побудет память по ока заза пятнышка.

Оп 44

Как сладок воздух пред грозою
и скоро сумерки предстанут
слегка лишь облако катнут
росою бросят перед ними
переодетыми больными

тускнеет снег на холоду
и быстрой тени не таиться . . .
с пипеткой вышла медсестра
и что так хочет вонзиться
на цыпочках а цапле снится

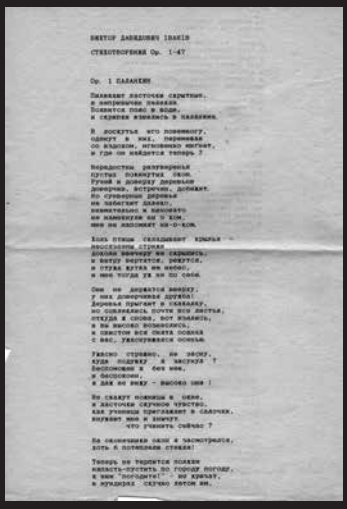
снисходит сон не сводит глаз
свободных засветла незрячих
лягушек глуше разговор
ку-ку кувшинка шум вгоняющий
свистит от зависти незрящей

пусть лошадь ландыша сошьет
и ласточка вкруг лампы вьется
как будто сердце пропадет
к постели кто-то подойдет
и смерть смирнее прикоснется.

Подписано Ф. Третьякову
автором 19 июня 1996 года
с Днём рождения!

42

33

ВИКТОР ДАВИДОВИЧ ИВАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ Оп. 1-47

Оп. 1 ПАЛАНКИН

Паланкин листочки скрытные,
и неприличен пьяница
Всажется повсе в воде,
и скрипки взвились в паланкин.

В лоскутье что появилось?
одинут в них, переменяя
со взглядом, мгновенно контакт,
и где он найдется теперь ?

Порядочны разговорные
пустые пожарутых окон.
Ручей и доверху деревья
дождутся, встречен, дойдет.
Но суровенно деревья
на забегают далеко,
внимательно и высокого
не наживут их с ком.
мною он наклонит их о-ком.

Хлоп птицы складывают крылья
лоссезоны стрижа
доколь вернуту не скрываясь,
и ватру вертятся, ревутся,
и стука ватка им высок,
и мне тогда ув ни со сока.

Они не держатся вокруг:
у них доверчивые друзья!
Деревья прыгают в скалаку,
но сплелись почти все листья,
откуда и слово, вот взялись,
и на высоко возвелись,
и свистом всех скота осенка
с вас, увеличивался осенью.

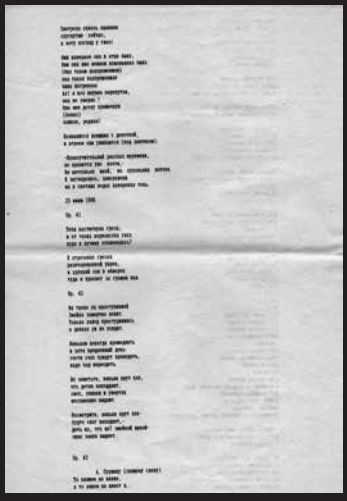
Увясно стремясь, не зевну,
куда подевку я наступа ?
Высоковаю в без нов,
и бесконечен,
и дам не вижу - высоко они !

Но сквозят осинцы в окно,
и ласточки скучное чувство.
как ученицы приглашают в сказочки,
внужают мно и кинуту.
что учинить сейчас ?

На окошечках окон и насмотрелся,
дать б потеплели стекла!

Теперь не торопятся полезки
кавсать-крутить по городу погоду,
к ним "погодите!" - не кричат,
и кружатся скучно летом ни.

34

35
→

КОММЕНТАРИИ

Подборка разножанровых произведений (стихотворения, стихотворения в прозе, «рассказ»), озаглавленная «Виктор Давидович Іванів. Стихотворения Op. 1–47», составлена летом 1996 года. Тогда же Виктор Іванів специально для своего друга Филиппа Третьякова выпустил единственный экземпляр ее версии — рукописную книгу «СТИХОТВРН. Сочинение В. Д. Іваніва (Op. 1–45)». В обоих сводах, вопреки объявленному в заглавии составу, по сорок шесть опусов, чаще с небольшими, но иногда значительными разночтениями, а в двух случаях целые стихотворения полностью сняты и заменены другими.

Опусы составили основу первых профессиональных поэтических публикаций Виктора Іваніва в альманахах «Черновик» (1996, 1997) и «Стетоскоп» (1997, 1998). Op. 5 «Прекрасный скрип» был опубликован в составе подборки поэта в антологии «Нестоличная литература» (2001), а Op. 2 («Рябина здесь пригрелась...») взят в книгу избранного «Стеклянный человек и зеленая пластинка» (2006). Ни одно из произведений, написанных до оформления подборки опусов и не включенных в нее, позже автором уже не публиковалось.

К 1996 году Виктор Іванів — автор по меньшей мере двух сотен стихотворений. Нормальная статистика для уже несколько лет пишущего стихи юноши, аномализированная все же фактом публикации значительной части написанного раньше, чем автор смог подвергнуть его ретроспективной рефлексии. Дело в том, что в новосибирской школе-гимназии №42, где учился поэт, работал «первый в России школьный редакционно-издательский центр»[1] «Рассвет», которым руководил Виктор Распопин. Стихи Виктора Иванова (псевдонима Іванів еще не существовало) печатались (по крайней мере, три публикации в 1993–1994 годах) в школьной газете «Ярило». В «Рассвете» же вышла и первая книга поэта «День космонавтики».

Вот как об этом рассказывает Распопин: «Как-то Витя написал стих для нашей газеты, я его напечатал, с тех пор он стал

1 *Иванов В.Г.* День Космонавтики. Стихотворения. Новосибирск: РИЦ «Рассвет», 1994. С. 108.

приходить в свой день рожденья 11 апреля в школу босиком и писать больше и больше. <...> Витя для меня был один из многих пишущих, и, поверьте, не самый лучший. <...> Стишок, написанный им на уроке по заданию учительницы, был, если память не изменяет, сонетом, в книжку скорее всего не попал, точно, не попал, потому что классический сонет и Витя — явления мало совместные. Но уже по этому ученическому и, как помнится, в целом неинтересному тексту, было понятно, что задатки у мальчика есть. <...> К концу его школьной поры набралась книжка. Я пробил ее печатание. <...> Помню, был очень удивлен, просмотрев рукопись книжки — ни на свой сонет, ни на кого из писавших в газете, Витя и эта рукопись были не похожи. Но потенциал, конечно, был значительный. <...> По-человечески я его и любил, и ценил, литература его мне близка не была»[2].

В этом воспоминании любопытна простодушная амбивалентность в оценке сочинений и потенциала начинающего поэта — решение о публикации ею не подкреплено, при другом стечении обстоятельств оно могло быть отрицательным. Но вышло так, что этот «вполне ювенильный»[3] сборник увидел свет — у Іваніва просто не было шанса потерять свои школьные тетрадки. Поэтому вместо кокетливого скепсиса относительно содержания утраченных ранних рукописей, так часто встречающегося в воспоминаниях поэтов, в позднейшем интервью Іванів вынужден предлагать «не брать в расчет сборник школьной лирики, вышедший в 1994 г.»[4].

Но это двадцать лет спустя поэт сможет видимо спокойно отмахнуться от преждевременного дебюта, а в 1996 году, после двух лет интенсивной литературной учебы и практики, ему требовалось новое материальное воплощение достигнутого. Нечто, пригодное для предъявления в подтверждение своего текущего статуса, оформляющее рубеж и переход от ученических работ Виктора Иванова к стихам вновь дебютирующего Виктора Іваніва.

Эту функцию и должно было выполнить собрание опусов, следы комплектования которого находятся в бумагах поэта. Кроме списков отдельных стихотворений сохранились многочисленные подборки и/или их фрагменты этого периода —

2 Чат *В.Н. Распопин — А.В. Дьячков* (15.05.2020).

3 *Лощилов И.Е.* Из заметок о литературном Новосибирске, URL: http://www.litkarta.ru/dossier/iz-zametok-o-literaturnom-novosibirske/dossier_628/

4 *Чанцев А.* Виктор Іванів: «Единственное спасение в данной ситуации — проснуться под виселицей» (Интервью) // Частный корреспондент, 27.06.2014. , URL: http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_dannoj_situatsii_-_prosnutsya_pod_viselitsej_36429

рукописные, машинописные, набранные на компьютере. В значительной части сохранившихся подборок произведения пронумерованы. Иногда подборки отличаются друг от друга лишь одним-двумя текстами или измененным порядком их следования и, похоже, не венчают тот или иной период, а являясь точками сохранения дрейфа к идеальному списку, имеют отчетливо рабочий характер/назначение — опробовать текущие межтекстовые взаимодействия и оформить актуальное предложение поэта на сегодня.

В письме Сергею Бирюкову поэт просит «разобрать строго» приложенные стихи и добавляет: «Как вы думаете, может быть, я пошлю их в Черновик?» Первая отправленная редактору «Черновика» Александру Очеретянскому подборка уже ко времени получения ответа оценивалась самим поэтом как неудовлетворительная («посланные Вам тексты не достаточно написаны») и отправлялась новая — в ожидании ответа работа не останавливалась.

Все подборки (из тех, где сохранился лист с заглавием) кроме одной озаглавлены «Стихотворения». Исключение, а, скорее, вариант с распространением — заглавие подборки «Стихи сочиненные перед сном», состав которой доступен для ознакомления в двух версиях: 1) «примерный набросок» плана включает в себя 17 последовательно пронумерованных позиций (с выпущенной 6-й), при этом 11-я составная: под рубрикой «Разная проза» обозначены семь текстов, после нее 12–16-я позиции, и незаполненная 17-я, машинопись обрывается; 2) одноименный список «стихотворений для книги», с нумерацией от 1 до 28, где первая позиция удвоена: 1(0) «ко всей книге» и собственно 1-я, а рубрикующая («разная проза») 20-я, включает (это выделено графикой) восемь текстов, но без ожидаемого сбоя в счете: 21–28. Здесь замечателен жанровый состав, уже предвосхищающий таковой в подборке опусов. Опусами станут тринадцать текстов из «Стихов сочиненных перед сном».

Склонность к суммирующей работе с готовыми текстами проявилась у Іваніва на самом раннем этапе творческого пути: уже «День космонавтики» не был непосредственным откликом на представившуюся возможность издания — сохранил-

ся ранний проект с тем же заглавием, не более чем на треть совпадающий с осуществленным[5]. «Паруса» и «плоскости» сверхповестей Велимира Хлебникова и максима Николая Заболоцкого о том, что «надо писать не отдельные стихотворение, а целую книгу», очевидно, были в бэкграунде поэта. Каждое произведение должно было получить свое место в связи с остальным корпусом его текстов. Характерно в этом смысле название монтажного прозиметра (не опубликованного как таковой) Іваніва 2003 года — «Corpora corporationis».

Стихотворения сводятся друг с другом, проверяется их функционирование в комплексе. В процессе монтирования подборок поэт отказывается от одних, добавляет другие, новые стихотворения. Переносимые стихотворения иногда остаются без правки, но чаще подвергаются редакции, иногда значительной на всех уровнях: заменяются слова (иногда добавляется вариант — в скобках тут же в строке или подтекстовом примечании) или слова в строке меняются местами, или меняются местами строки и строфы, или строки и строфы снимаются, проставляются или снимаются заглавия и посвящения. Некоторые стихи образуют устойчивые группы от списка к списку.

Определение «опусы» появляется впервые в единственном «изданном» экземпляре рукописного сборника «СТИХОТВРН. Сочинение В. Д. Іваніва (Op. 1–45)» для оглавления вошедших в него произведений и повторяется в распечатке подборки «Виктор Давидович Іванів. Стихотворения Op. 1–47». Относительно последовательности их создания уверенности нет. «Стихотворения» оформлены не раньше 23 июля 1996 года — по датированному Op. 40 в его составе и недатированному в «СТИХОТВРН». Сам сборник «СТИХОТВРН» датирован автором 19 июля — днем рождения Филиппа Третьякова. Однако рукописный сборник мог быть подготовлен и заранее, и позже этого дня (у Третьякова ясного воспоминания об этом не сохранилось, а предварительные текстологические штудии скорее подтверждают позднейшее относительно «Стихотворений» оформление «СТИХОТВРН»), дата в этом случае могла лишь знаменовать повод.

Введение специального термина для дефинирования соб-

5 А первая же после «Дня космонавтики» публикация поэта по-деловому озаглавлена «Из новой книги». См.: Ярило, 1994, № 26-27, май-июнь, стр. 12.

ственных текстов может объясняться как неофитским поиском новых эстетических форм подачи материала и оригинального способа самопрезентации, так и следованием образцам авангардистской классики, которые, разумеется, тоже не были лишены подобных мотивировок. Апроприация поэтами-авангардистами чужеродных элементов, от лексики до инструментария, способствовала помещению произведения в неочевидный контекст, выстраивая дополнительные корреляты его восприятия. Использование внешнего (и по происхождению и по отношению к структуре определяемого им текста) термина позволяло достичь подобного эффекта простейшим образом и без вмешательства в органику уже законченного произведения.

Подобное не случалось сплошь и рядом, но и не было вовсе уникальным явлением. Общеизвестный пример — столбцы Николая Заболоцкого. Но и конструэмы Алексея Чичерина и *opus*'ы Ивана Игнатьева, вероятно, были известны Іваніву. Во всяком случае, в среде новосибирских литераторов информацию о них получить было можно. Например, из культуртрегерских изданий «Зевгма» (она была в библиотеке поэта), «Забытый авангард», «Антология авангардной эпохи»[6]. Эти «книжки ходили по рукам», в библиотеке учителя и старшего товарища Іваніва, поэта и исследователя авангарда Игоря Лощилова «есть экземпляр Антологии, как раз залитый вином и разорванный в те времена кем-то из тогдашней компании. Опусы там есть и конструэмы тоже»[7].

Индексирование текста как опус (а здесь — Op., в редуцированном, подчеркнуто профессиональном виде) в составе предъявляемого перечня готовых произведений — знак рассчитанного переноса музыковедческой практики в особым образом отрефлексированный литературный контекст. А в дальнейшем у Іваніва будут и канцона, и рэп, и романеска, и *song*, и полечка. Но то частные случаи уточнения жанра конкретного произведения при помощи музыкальной терминологии (ср. с симфониями Андрея Белого). Опус же — общее определение, покрывающее все жанровое разнообразие, внеиерархично каталогизирующее сочинительский поток (и акцентирующее исполнительский аспект[8] публикуемого тек-

6 Забытый авангард. Книга I. Россия, первая треть XX столетия. Сборник справочных и теоретических материалов. Сост. *К. Кузьминский, Дж. Янечек, А. Очеретянский.* — Вена, 1988/1989. — 335 с.; *Очеретянский А., Янечек Дж, Крейд В.* Забытый авангард. Россия. Первая треть XX ст. Сборник справочных и теоретических материалов. Кн. 2. — NY-СПб, 1993. — 277 с.; *Бирюков С.Е.* Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994. — 288 с.; Антология авангардной эпохи. Россия. Первая треть XX столетия (поэзия) / *А. Очеретянский, Д. Янечек.* — Нью-Йорк — С.-Петербург, 1995. - 377 с., ил., нот., портр., факс.

7 Чат *И.Е. Лощилов — А.В. Дьячков* (18.11.2020).

8 См. «полностью текст мог реализоваться только в голосе...» и ряд других замечаний В. Іваніва относительно чтения вслух собственных стихов: *Іванів В.* Повторение // *Іванів В.* Стеклянный Человек и Зеленая Пластинка: Стихи. М.: Ракета, 2006. С. 7. В том же издании — «стиховая деятельность Іваніва нацелена на произнесение»: *Давыдов Д.* Последовательная противоречивость и продуктивное непонимание. С. 125

ста?) до востребования (публикатором, читателем-чтецом?).

В ряду придуманных или усвоенных, в том числе из музыковедения, писателями специальных маркировок для своих произведений опусы Іваніва — особый, типологически не похожий на другие прецедент. В рамках каталога (неопределяемого так, существующего в режиме фигуры умолчания) — опус дедуктивно утверждается в качестве его элементарной единицы. Возникновение опуса в номенклатуре поэта, таким образом, обусловлено не принятым вдруг решением маркировать свои произведения позатейливей, а от неизбежности присвоения этого термина элементам, слагаемой ими совокупности.

Опусы не заканчиваются списками 1996 года. Известны Op. 52, 53, 56 (опубликован в №20 «Стетоскопа» за 1998 год вместе с Op. 1, 5, 19, из состава «Стихотворений Op. 1–47») и 57. Вероятно, в 1997–1998 годах Іванів, не разрушая основной структуры подборки, оформленной в 1996 году, вносил в нее актуальные дополнения, и пятидесятые опусы — номера расширенного каталога готовых (одобренных автором для потенциальной публикации) пронумерованных произведений.

Таким образом «Стихотворения Op. 1–47» — зафиксированное на момент набора состояние открытого для пополнения каталога, а рукописный сборник «СТИХОТВРН. Сочинение В. Д. Іваніва (Op. 1–45)» — его частный извод, инвариант: вышел повод — к дню рождения друга «издана» книга, наметилась публикация в «Стетоскопе» — вот вам список, выбирайте, пока я сам не выбрал. В ситуации неизбежно пришедшего понимания того, что казус издания «Дня космонавтики» — статистическая погрешность, и вероятность скорого выхода очередного сборника минимальна, каталог функционирует и как суррогат книги, и как промежуточный сборный релиз, готовый к финализации при удобном случае.

По первому рассмотрению название проекта кажется устроенным предельно функционально и не в меру тавтологично — в нем конкретно обозначено то, из чего сборник состоит: стихотворения, опусы (а в «СТИХОТВРН» добавлено еще и «сочинение» (в ед. ч.) — термин, кстати, являющийся сино-

нимом opus'а в российском музыковедении — подчеркивающее цельность рукописной книги). Двойное название, по форме — заглавие с подзаголовком, но по своему содержанию скорее двойной подзаголовок, заглавие же элиминировано. Но если помнить о разножанровости подборки, функциональность первой части заглавия — «Стихотворения» — уже не кажется очевидной, ведь читателя ожидают не только стихотворения в строгом смысле, но и стихотворения в прозе, и как минимум один «рассказ». То есть эта часть заглавия работает по-другому — возможно, это метонимический перенос общеизвестных, но не относящихся к идентифицирующим его как таковое, свойств стихотворения на любой тип текстов, вошедших в подборку. К «Стихотворениям» в данном случае должно быть не больше вопросов, чем если бы сборник был назван «Басни» или хоть «Рулады» — в лирическом, а не терминологическом смысле. Выборочно элиминируя гласные в названии версии подборки-каталога «СТИХОТВРН», адресованной другу, автор очевидно хотел созорничать — лирический характер основного названия вполне позволяет это сделать без ущерба для его смысла, тогда как у термина в подзаголовке, в случае его изменения, техническая функция бы разрушилась. Подборка называется «Стихотворения», а «Ор. (опусы) 1–47» — подзаголовок, метажанровое определение, объединяющее и каталогизирующее под уникальным номером то общее, что есть во всех номерах «Стихотворений».

Обе версии подборки опусов подписаны фиктивным полным именем: в «СТИХОТВРН» — это инициалы и недавно принятый псевдоним — В.Д. Іванів, в «Стихотворениях» — псевдоним с расшифровкой имени и отчества — Виктор Давидович Іванів. Убедительного объяснения относительно происхождения отчества в составе постепенно формирующегося литературного псевдонима поэта, чье полное имя по рождению — Виктор Германович Иванов, пока получить не удалось. Филипп Третьяков, имеющий прямое отношение к созданию псевдонима Іванів[9], подтвердил лежащую на поверхности догадку, что отчество Давидович — «аллюзия на Бурлюка»[10], впрочем, добавив в поддержку анахронический аргумент, дескать, «он же его отметину получил»[11]. Давид Бурлюк и Владимир Мая-

9 *Ключарева Н.* Интервью с Виктором Іванівом // Топос. 19.12.2006. URL: https://www.topos.ru/article/5204

10 Чат *Ф.А. Третьяков — А.В. Дьячков* (11.09.2020), здесь и далее в подобных случаях.

ковский — персонажи Op. 15 и ролевые модели для перформансов «банды лощиловцев»[12], где Маяковским был, конечно, высокий красивый парень Третьяков, а Іванів мог претендовать на роль Бурлюка, Крученых или Хлебникова. Что касается причины смены отчества в принципе, то Третьяков видит ее в том, что «у Вити была обида на отца, ненависть к этому имени и своему отчеству». Возможно, необходимость выразить это чувство объясняет и само решение подписать проект сборника вымышленным полным именем, а не закреплявшимся как раз в то время и теперь уже привычным псевдонимом — Виктор Іванів.

Но как следует понимать повторяющийся блеф в количественной части заглавий обеих версий подборки? Вместо заявленных сорока семи в «Стихотворениях» и сорока пяти в «СТИХОТВРН», и там и там — по сорок шесть опусов. Сорок четыре из них условно (если не учитывать редакции и варианты) идентичны, а по два в каждом списке — абсолютно не совпадают: под заглавием «Op. 30» и «Op. 31» в разных версиях помещены разные стихотворения. То есть, всего в двух подборках (44+2+2) сорок восемь уникальных опусов. По Хлебникову, «происхождение числа 48 остается темным»[13], то же можно сказать и о замаскированных итоговых сорока восьми опусах в комплексе «Стихотворения»/«СТИХОТВРН».

Предположение о намеренном сопряжении, отягощении совместной задачей двух не вполне совпадающих версий подборки с блефующими заглавиями кажется сомнительным уже ввиду их заведомо неравного статуса, разнящихся моделей предназначенного им бытования. Еще раз: «Стихотворения» — потенциально тиражируемая и условно доступная неограниченному числу читателей распечатка компьютерного файла с функцией каталога и/или демоверсии книги, «СТИХОТВРН» — рукописная брошюра, оформленная эксклюзивно для друга на базе если не собственно каталога «Стихотворений», то его идеи. Каковы в таком случае основания для совместного учета тех или иных признаков этих подборок?

Предложенная интерпретация авторского замысла в количественной части заглавия не выглядит невозможной уже

11 «Международная отметина имени отца русского футуризма Давида Бурлюка» присуждена Виктору Іваніву в 2003 году.

12 Самоназвание, зафиксированное в заглавии: Іванів В. Летовс-wake (четвертая повесть о «банде лощиловцев») // Русская проза: Литературный журнал: Выпуск Б. — СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. С. 192.

13 *Хлебников В.* Время мера мира // *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. Книга первая. Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904-1922 / Под общ. ред. *Р.В. Дуганова.* Сост., подгот. текста и примеч. *Е.Р. Арензона и Р.В. Дуганова.* М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2005. С. 103.

в силу мерцающего присутствия в ней именно хлебниковского числа 48. Штудирование текстов Хлебникова и исследователей его творчества вместе с написанием первых самостоятельных хлебниковедческих работ (в бумагах поэта вперемежку с опытами в стихах и прозе содержатся многочисленные наброски, черновики и фрагменты беловых списков нескольких из них, в том числе с анализом счетно-числовых произведений) — это то, что занимало Іваніва безусловно. Тогдашняя одержимость поэта Хлебниковым отмечается буквально всеми респондентами — по словам Третьякова, «он был поглощен Хлебниковым». В одном из писем Александру Очеретянскому Іванів сообщает, что получил его письмо 28 октября, ответное же письмо собирается отправить 9–10 ноября, тем самым отмечая день рождения Хлебникова по старому и новому стилям. Для Михаила Богатырева было совершенно очевидным решением поставить все публикации Іваніва в разных номерах «Стетоскопа» так, чтобы они непременно захватывали полосу, пронумерованную другим числом хлебниковской нумерологии — 28.

Если верно предположение о каталоге-матрице и его почти синхронном производном — рукописном сборнике, выпущенном будто (кроме формального повода) для демонстрации алгоритма использования каталога — уместно допустить возможность того, что этот эфемерный комплекс действительно был задуман двойным — одновременно и манифестирующим число 48, и затемняющим эту манифестацию.

Скрытый памятник числу 48, воздвигнутый для частного поклонения, сообщается с окружающим миром в режиме загадки, которая толком не загадана или загадана по абсурдному сценарию типа «летели два крокодила: один зеленый, другой на север...»[14]. Такую загадку отгадать невозможно — сценарий игры предполагает, что отгадывающий «сдастся» и получит объяснение. Но здесь не происходит и этого — тот, кто должен отгадывать, не знает о загадке. Эфемерная двойная *opera*, задуманная или нет, но существующая в силу своего обнаружения, точно не была рассчитана на предъявление публике в полном виде — вероятность того, что обе подборки окажутся в одних руках, стремится к нулю. Именно

14 Ср. отгадку-озарение, оставшуюся без обусловливающей ее загадки в трипе рассказчика «Путешествия в город Антон»: «Истина лежала передо мной в самом неприкрытом виде, но звенья цепочки, сложившиеся в столь причудливый иероглиф, были утрачены. Известен был ответ в задаче с потерянным ключом, но сам порядок действий был прочно забыт». — *Іванів В.* Чумной Покемарь: Собрание прозы. — New York, Ailuros Publishing, 2012. С. 105

разность статусов подборок в соответствии с «принципом несоразмерности»[15], в духе *contradictio in contrarium* подтверждает их взаимосвязанное существование и, в данном случае, работает на сокрытие загаданного числа.

В какой-то мере энигматичность — родовая характеристика поэтики Іваніва, который называл свои стихотворения загадками[16]. Что это за загадки? Реализуемые на разных уровнях — от введения в текст видимо неясного окказионализма, произвольной аграмматики, запутанного тропа, синтаксического подвоха, до неочевидных, но намеренных межтекстовых взаимодействий в цикле, книге, всем корпусе[17] — загадки с необусловленным их прямой функцией, переразвитым лирическим аппаратом, находятся на периферии основных задач, решаемых поэтом в произведении. Они — дополнительное измерение художественного мира произведения и факультативный вызов читателю, способному увлечься разоблачением самой конструкции обиняка, ведущего к разгадке прихотливо спрятанных шарад и логогрифов поэта.

Предлагаемая реконструкция устройства загадки, ответом на которую является число 48, возможно, не верна или верна отчасти: сорок шестой опус в «СТИХОТВРН» мог быть вписан случайно (или поскольку для него оставалось место) в уже озаглавленную тетрадь, а после обнаружения несоответствия по неизбежности оставлен как шутка, но и как повод для ее продолжения в заглавии общедоступного списка «Стихотворений», оформленного на этот раз с недостающим опусом и заменой двух позиций на другие, что осложняло совместное восприятие списков и в сумме давало бы ((45+1+47−1)/2+2) тщательно замаскированное число 48 (в случае обратного порядка создания списков комплекса аналогичный процесс также легко реконструируется или, если угодно, подтасовывается).

Возможно, что шутка ограничивалась только вариациями неточного указания количественного состава подборок, и Іванів зачем-то поменял два опуса на два других в очередной редакции списка и не думал что-то загадывать. Возможно, что шутки и вовсе не было — неточное количество опусов в заглавиях (оба раза!) указано случайно. Тогда эти подборки,

15 *Иванов В.Г.* Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда: Дис. на соиск. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. С. 78: «благодаря этому принципу становится возможным соединять разнородные тексты, выделять мнимые числа». См. также приводящие к этому источнику выкладки в статье: *Житенев А.А.* Поэтология Виктора Іваніва // Litera. — 2020. — № 8. С. 116 — 126. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33616

16 *Ключарева Н.* Интервью с Виктором Іванівом // Топос. 19.12.2006. URL: https://www.topos.ru/article/5204. См. также: *Левшин И.* Новые людди в Шумерске (Виктор Іванів. Чумной Покемарь) // Русская проза: Литературный журнал: Выпуск В. — СПб.: ИНАПРЕСС, 2013. С. 560

17 См. аксиоматизацию в статье: *Полторацкий И.С.* Поэтика Виктора Іваніва в контексте орнаментальной прозы XX–XXI века // Критика и семиотика. 2017. №1. С 329, 330: «тексты, связанные на разных уровнях цепочкой эквивалентных элементов, объединяются в целостное метажанровое образование, сформированное всем корпусом текстов автора»

созданные в той или иной последовательности, не корреспондировали между собой никаким экзотическим способом, а число 48 в их контексте осталось незамеченным автором. Но оно там было и никуда не исчезло.

Комплекс «Стихотворения»/«СТИХОТВРН» неизбежно устанавливается фактом сверки двух списков, по результатам которой хлебниковское число 48 в нем реально — и, возникшее из этого единства, в свою очередь укрепляет его. Две подборки комплекса как части разорванной карты — без любой из них восприятие полного замысла поэта невозможно. Это евреиновский «театр для себя»[18], игра, *scherzo*, оценить которую возможно только в мире, где части карты совмещены — обе версии существуют синхронно, а контролируемая читательская апофения позволяет им взаимодействовать между собой, функционировать как целое, как единая книга.

18 О перспективности рассмотрения поэтики Виктора Іваніва в контексте идей Н.Н. Евреинова — в пока неопубликованном докладе на конференции «От романа до блога: трансформация субъекта в современных текстах» (РГГУ, 20.04.2019): *Лебедев С.В.* Театр одного актора. Футбольные отчеты Виктора Іваніва как опыт создания «промежуточного» жанра литературы.

Настоящее издание полностью воспроизводит текст подборки-каталога опусов Ст1–47 и дополнено произведениями, соседствующими с опусами в других подборках 1995–1996 гг., но не включенными автором в каталог. Также в дополнение публикуются четыре нумерованных опуса, вероятно, входивших в позднейшую расширенную редакцию каталога, полный список которой пока не обнаружен.

В издание вошли 83 произведения (стихотворения, стихотворения в прозе, «рассказ») Виктора Іваніва, 71 из них публикуются впервые.

Черновики писем поэта Сергею Бирюкову, Александру Очеретянскому, Сергею Тиханову 1995–1997 гг., вместе со статьями Антона Метелькова, Сергея Бирюкова и Михаила Богатырева, специально написанными для Выпуска, очерчивают биографические и творческие обстоятельства Іваніва в этот период.

К изданию прилагаются все обнаруженные редакции и варианты опусов. Для произведений, данных в дополнениях, варианты не приводятся. В общем случае их тексты взяты из подборок, в которых они соседствуют с опусами. В случае отсутствия в подборке полного текста произведения, при наличии другого источника с полным текстом, взят таковой; если другого источника с полным текстом произведения не найдено, публикуется сохранившийся в подборке фрагмент.

Все тексты, взятые из авторизованных источников (рукописи, машинописи, компьютерные распечатки), включая тексты писем, даются без каких-либо изменений. Особенности орфографии и пунктуации Іваніва — предмет для отдельного исследования. Пока нет возможности во всех случаях аргументированно отделить намеренную аграмматику от собственно описок и опечаток. Неслучайность использования ряда вненормативных элементов находит подтверждение в многократном воспроизведении того или иного нарушения в разных источниках и требует внимательного отношения к ним как проявлениям принятой поэтом последовательной вернакулярной нотации.

Іванів включал в тексты просторечия, окказионализмы, заумь. Инверсировал, рвал или сращивал слова, выделял их части прописными буквами, уменьшал количество точек в многоточии до двух или заменял в нем точки запятыми. В текстах можно встретить два знака ударения в одном слове, двойные скобки, вывернутые скобки, дефисы как разделяющие слово, так и соединяющие два или несколько слов.

Сравнение компьютерной распечатки Ст1–47, ее рукописной версии Ст1–45, других источников дают возможность выяснить наверняка, что в ряде сомнительных случаев, где легче предположить опечатку, на самом деле употреблена инверсированная словоформа. Например: «никтью», а не «нитью» (Ор. 5) «незапно», а не «внезапно» (Ор. 12), «лепчет», а не «лепечет», «губами подхватить краю юбки», а не ожидаемый «край у юбки» (Ор. 14), «восем», а не «восемь» (Ор. 16) и проч.

Варианты и редакции ранее состоявшихся публикаций также воспроизводятся с сохранением допущенных в них ошибок. Так, в Ч96 (Ор. 14) в паре «светлицами и светницами» оба раза — «светлицами», а во фразе «веко сильнее губ ждет поцелуя» вместо «губ» стоит анекдотический «гусь». Тоже в С98 (Ор. 1): «непривычке пеликан» вместо «непривычен пеликан», «поле» вместо «пояс», «нерадостны разуверены» вместо «нерадостны разуверенья», «осинка» вместо «осанка» и проч. Ошибку публикатора могло провоцировать и само ожидание инверсии, так частный вариант каллиграфии автора дал повод к выделению прописными буквами двух последних строк Ор. 19 в С98.

Впрочем, такая ошибка могла оказаться продуктивной: написание слова «сверчки» через «ч» в Ор. 5 рукописного сборника Ст1–45 однозначно подтверждается распечаткой Ст1–47, но в С98 «ч» заменена на «т» — «свертки». Дело в том, что у редакции «Стетоскопа» был только рукописный источник, прочтенный неверно. Вариант со «свертками» повторяется в НЛ — можно предположить, что Іванів обнаружил ошибку в С98, но нашел этот случайно возникший образ убедительным и закрепил его, воспроизведя в материалах, переданных для публикации 2001 года.

В издании воспроизводится графика источников, с той оговоркой, что особенности их оформления не обязательно связаны с авторским замыслом, а следовали за техническими условиями рукописи (беглая черновая запись, перенос текста на заранее размеченный лист беловика) или машинописи (дефект механизма каретки, «поехавшее форматирование»). Для опусов с прозаической записью вариативность графики не учитывается, за исключением редакции с заданным членением на строки Ор. 17 в Ч96. Изменение графики в вариантах ряда стихотворных текстов также специально не отмечается, кроме случаев, когда техническое объяснение очевидно не является исчерпывающим.

Даты создания произведений проставлены только под текстами, прямо датированными автором в источниках. В большинстве остальных случаев хронология появления текстов внутри периодов 1995–1996 и 1997–1998 понятна интуитивно, а в некоторых может определяться с высокой точностью по косвенным признакам: соседству в подборках с другим, датированным автором текстом, упоминанию в письмах и проч. Тем не менее положительное решение о дате создания того или иного произведения отложено до дополнительных проверок в ходе реализации плана подготовки собрания сочинений Виктора Іванiва, первым выпуском предварительных материалов к которому является это издание.

ОР. 1 ПАЛАНКИН
(«Пиликают ласточки скрытные...»)

Варианты Ст1–45

23 и мне тогда уж не-по-себе.
25–26 у них доверчивая дружба,
деревья прыгают в скакалку,
39 (как ученицы приглашают
в салочки)
41 отдельной строфой
42 На наконечники окон я зас-
мотрелся,
57–58 одной строкой
Не датировано.

Варианты С98

По всему тексту частотные снятия пунктуации.
2 и непривычки пеликан
3 появится поле в воде
7 со вздохом мгновение мигнет
9 Не радостны разуверены
17 мне не напомнят ни о ком.
20 доколе ввечеру не скрылось —
25–26 у них доверчивая дружба,
деревья прыгают в скакалку,
30–31 и свистом вся снята осинка
о вас, ужаснувшаяся осенью.
39 (как ученицы приглашают в салочки)
50 Тупая и купая паланкин
Не датировано.

Вариант Ст1–45

3 вздрогну́ла гроздью

Варианты Ч96

Без заглавия.
3 Вздрогнула гроздью,
Между 4 и 5 строкой:
Вот воздух потускнел,
6–7 Иголка неприветливо сюда прокралась, пробралась.
Но это непослушно пропустив,
10 И поступь пустяков неумолима...

Вариант СЧиЗП

Без заглавия.
Между 4 и 5 строкой:
Вот воздух потускнел,

Вариант К1

7 но это простодушно[1] пропустив
Примечание. 1. Непослушно

Редакция М8

Без заглавия, в составе двойчатки, где первое стихотворение «Синица надсмехается, смекнув».

Рябина к ним пригрелась,
Ты прикоснешься, отторопь проступит
вот воздух потускнел
и галка глухо гулко поднялась
иголка неприветливо прокралась, пробралась,
но это непослушно пропустив

и вот рябина как ребенок сонный прилегла,
и робость тропкой пробегла,
и поступь пустяков неумолима (неутомима).

ОР. 3 («Близко птица,
во всяком креститься...»)

Варианты Ст1–45

6 стыдно сокрыться мне в скорой кибитке —
7 стекол свист, и сколько, сколько зовут
другого
9 Свыклись с небом свысóка́ снидшем
11–16 взятым завсегда верхней ниткой,
иголкой куда сиганув, погибло?
Свечку поднеся, всплакнула, воскликнув,
неужто сгинул я, роняешь тень?
Отвернись, птица недалеко,
к ней привыкнув
вторишь мне: впрочем, причем тут
перед тем

Варианты Ч96

Без заглавия.
2–3 отстав от ста, отскочит со счету
свеча коптит, и скорбно с-скрипицей
5–8 то качнет свечой близорукой,
совестно сокрыться мне в скорой кибитке:
стекол свист, и сколько, сколько звать другого
за облако забежав побитым.
10–16 бедным, большущим белым позади,
взятым завсегда верхнею ниткой,
иголкой куда сиганув, погибло.
Свечку поднеся, всплакнула воскликнув.
Неужто сгинул я, роняешь тень.
Отвернись птица недалеко, к ней привыкнув

Варианты Р1

8 за облако забегая і побитым.
16 впрочем повторяешь: при чем тут перед тем

ОР. 4 («Пришел, и что — передо мной...»)

Редакция Ст1–45

Пришел, и что — передо мной —
Вот-в-том окне, кто воцарился,
вот, вот счас высунется, — что! —
приметил и уж на меня воззрился!?

Вхожу в другой раз, подниму
двух дочерей, двоих на руки, —
к тебе бегут, я ж подведу
тебя к окну и ну — навру как-нибудь!

Вовсю с тобою я лежу
во сне, но-где-то-вдруг проснулся, —
о, лгунья! пред окном дрожу,
а ты где-та?, я ужаснулся!

Проснулся вновь — передо мной
тобой окно приподнято!
И все-тки вовсе непридуманно —
Глядишь,.. прохожие,.. не то!!

Редакция Р2

Стихотворение разбито на две части — «1. Роддом», «2. Дома», *по две строфы в каждой.*

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Вариант С98

1 скрип прекратился, но свертки скворцы!

Варианты НЛ

Без Ор. 5 в заглавии.
1 скрип прекратился, но свертки скворцы!

Вариант Р3

Без Ор. 5 в заглавии.
3 чувствительною никтой рвется,

ОР. 6 УПАВШАЯ ШАПКА
(«Ах. Шатин и Наташа...»)

Редакция Ст1–45

Без посвящения.
Ах! Шатин и Наташа, на что я
походил!
К моей упавшей шапке ни я не
подходил.

Но что тогда, Наташа? на шапку
я нашла.
Ни Шатину та шапка, ни мне не
подошла.

Без посвящения.

6–7 Но что тогда, Наташа?
— На шапку я нашла

ОР. 7 («Меня в больницу положив...»)

Вариант Ст1–45

4 но даже ты не наклонишься!

ОР. 8 («Вот Сувенир, склоненный слон...»)

Вариант Ст1–45

2 и он как мальчик так молчит,

ОР. 9 («Папе хочется чеснок есть...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

ОР. 10 («Когда на ветках листьев не осталось...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Варианты Р4

Название: «Сонет посвященный моей любимой»
5 Обманчивое утро плачет[1] акварелью

7 авегл йанин наб а иволга свивала
11 С НАстоЙЧИВвостью[2] только что
13 фонарь и одуванчик польского
Под текстом примечания:
1 маковою
2 повсюду, вот повсюду

Варианты P5

Название: «Сонет посвященный N»
9 зачем расплакалося фортепьяно?
13 (фонарь и одуванчик) польского
Датировано: В. Іванів 21 июню 96

ОР. 11 («Луковица в чулке...»)

Редакция Ст1–45

Сняты все запятые.

Вариант К3

4 и 5 строки в обратном порядке.

ОР. 12 («Вот дерево худое, и недобрым отдает...»)

Варианты Ст1–45

21–22 притечь сюда, чтоб помогать в молитве
иль чего другого?
26–27 Не для того ли ты остался цел,
чтоб тоже ждать убийцу твоего?
31 без жалости ее хвалить, скорбеть примутся...

26–27 Не потому ли ты остался цел
чтоб тоже ждать убийцу своего?
32 а дереву ненужно ничего.

ОР. 13 У МОГИЛЫ
(«Натура, ты вокруг меня...»)

Вариант Ст1–45

14 ни отлучиться, и снова́

Вариант К5

15 деревьев он проходит между.

ОР. 14 («Почему они представляют
меня чучелом...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Редакция Ч96

***

Почему они представляют меня чучелом, чулочником, например, с глазным яблоком, обведенной черемухи корой со зрачком — косточкой, заметно поблескивающим от близкой прохлады, от жука неотличимым совсем, перед дождем прячущегося непокойно, и жутко, — окажется, что подобно коню, поводящему головой, шатко клонится на землю тяжкое черное знамя, что затмение неподвижно.
Почему взгляд не может быть подобен мельку пера, глаза —

чернильницам, ресницы — перьям, а я сам — персонажу Купера? Почему бы векам не быть фиалки, влажными ближним, веко сильнее гусь ждет поцелуя.
Может быть щеки уподобить листьям, губы — землянике, а глаза назвать светлицами или светлицами, или светляльками, качающимся в век люльках; прежде чем когда бабушка не драла еще за ухо; или руками хвататься, чтобы обманом нарвать ягод с подпрыгивающей, похищающейся дразня нижней ветки, что покачивается снисходительно к прежним прыжкам, или норовить губами подхватить, будучи в колыбели, краю юбки уходящей маминой сверстницы...
А глаз уподобить бутону, который смежается ночью (по ночам), а днем он — насмешка (насмешлив), а рот — распашонке младенца, ветром колеблемой.
Утром постукивает лепесток: «пусти меня, цветок!» Еще мелок свет на ночном небосклоне, ночь еще буса, босая, бусами звезд.
Реянием, розовым веянием, синям сиянием, пеона пеянием, узенькие век занавески — шелку, а уши — улиткам, куда лепчет ветер.

ОР. 15 («Вот Владимир Маяковский и Давид Бурлюк...»)

Варианты Ст1–45

Запись в две колонки начиная с 3-й строки.

9	на нее падает ресница.
10	Щукой отсвечивает стекло.
11–12	звуком зевает, потом щурится,
16	нет, не курицу,
27–28	Примечание. Вот глядит

21 и день уже побелился,

ОР. 16 («Когда под вечер
вокруг опустело...»)

Варианты Ст1–45

7–8 испуганный спускался в до́му,
что кра́дущийся вор;
17–18 поу́тру́ неровно сшитый ей саван внесут
и этой суть–с–ускользающей улыбкой

Варианты Р7

8 как скрывающийся после кражи
14–15 уж время восемь исказилось
И показалась вдруг чуть–чуть повыше

ОР. 17 («К тому омуту, где темно,
на отмель...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Редакция Ч96

Без заглавия.
К тому омуту, где темно,
на отмель, что потерять можно из виду —
вода уводит взгляд,
то не очень
метнется свет,
то отменно

волной омыта, в полдень там будто слышно молитву
среди водяной молвы,
а ночью осенью
туда, реже
оглядываясь,
будто прощаясь
ненадолго выходит
босая женщина,
и жалобой ее подобна журавлю,
протяжная,
и непонятно, где отраженье
луны на глубине,
а где та проталина та, гнездо,
то ли ракушки всплесками,
то ли к раките
ветер притронулся

то ли песок потрескался,
то ли песик поскуливает,
то ль беспокоит увальня ливень
за окнами, словно латынь,
то ли собака хвостом повиливает,
или редкость
рыболовов выловил,
или в сомнении
о погоде знакомые плечами пожимают,
вопрос всем повелевает.
Вот там,
Неотвязчиво,
будто губами воздушные
шары
марш
надувал и дарил,
от дружбы
надобно,
неудобно подумал:
вот там —
на речную лысину,

будто хозяин недобрый
спустился по лестнице,
и прогнал от окон нищенок несчастных!
только-только
спустился на отмель
утопленник утомленный,
и волны словно метель,
пугают погоду,
и будто ошпаренная, становится необыкновенной посуда,
и рощут у двери, скрипы петель.
покойник отшельник
покинут.
Сочлися,
сошлись дни неслышно —
сочельник!

ОР. 18 («Гуляет голубь в небосклоне...»)

Варианты Ст1–45

2 крылом пологим небрежет,
7 то утром тайно утеши́т.
21 и провожают униже́нно.
Последняя строка отделена чертой.

ОР. 19 ДВОЮРОДНЫЙ И ЮРОДИВЫЙ
(«Перевернет пером себя изменщик...»)

Вариант Ст1–45

7–8 нет, кто-вы, что-вы, что-вы, — стойте прямо!
двоюроден, воюем мы, неправду

Вариант Ч96

Без заглавия.

2–8 (Как потемнело от пропажи свечек)
И собирает бисер серебром.
То кошка, нет, напросится поземка,
запропастилось все кругом.

Вот я пройду, как будто незамечен,
Нет, кто-вы? Что-вы? Что-вы, — стойте прямо!
— Двоюродный, воюем мы, неправду

Варианты С98

7–8 нет, кто-вы, что-вы, что-вы, — стойте прямо!
двоюроден, воюем мы, неправду
13–14 ПРОКАЗНИК СПИЧКОЙ ПРОПОСТИ ОГРОМНЫ
ПЕРЕВЕРНЕТ ПЕРОМ

ОР. 20 («сьба сьбя...»)

Варианты Ст1–45

Нет деления на строфоиды
1–4 сьба сьбя сьпа сьпя,
бози боись,
собой
бос обвык.
23 залазь в салазки
34–36 мне раздуваться?
откуда ни возьмись
но разузнай
сегодня ль

Вариант М7

Заглавие: ЗАУМНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
3–7 сяп пязь
бози боись
быква кп кп

собою
бос обвык

ОР. 21 («Как старушка-итальянка...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Вариант Р22

1–3 Как старушка итальянка
побирается луна.
И тогда-же на площадках

ОР. 22 («Мама у кроватки мне:
спи спи спи...»)

Редакция Ст1–45

1. Мама у кроватки мне:
спи спи спи
ньт ньт,
пь пь.
Нинь
Мама меня укрывает,
— Мама, посиди со мной!?

2. яньм
а не моя бабушка: ШАНЬГА.
а я: бабусяУ
мама у горшочка мне:
пись пись пись
иськ иськ иськ
сяп сяп

3. Мягче пальчики,
Больны клавиши,
Этюды Гедике,
Сколько мне годиков?

Редакция К4

Мама у кроватки мне: спи спи спи
Ньт Ньт, пь пь
Нинь.
— Мама, посиди со мной!
Мама меня укачивает.
яньм
А не моя бабушка:
Шаньга!
А я Бабусяу!
Мама у горшочка мне
пись пись пись,
иськ иськ иськ.
сяп сяп.
Мама у варки мне: в фартучке я
— Мама, я пописял
яньм
ТЕТЯ ТАНЯ: «Лиса Патрикеевна?!»
Мягче пальчики,
Больны клавиши,
Этюды Гедике,
Сколько мне годиков?

Вариант К6

1–8 Мама у горшочка
Мне: пись пись пись
иськ иськ иськ
Сяп сяп
Мама у варки мне: в фартучке я
мама я пописял.
аньм

Редакция К11

Мама у кроватки мне: спи спи спи
ньт ньт, пь пь
Нинь.
Мама меня укачивает.
— Мама, посиди со мной!?
яньм
Мама у варки мне: в фартучке я!
а не моя бабушка:
Шаньга!
А я Бабусяу!
Тетя Таня: «Лиса Патрикеевна?!»
Мягче пальчики,
Больны клавиши,
Этюды Гедике,
Сколько мне годиков?

Редакция Р8

Повторяет текст из свода К4 без рукописной вставки, с вариантом соответствующей строки:
Тетя Таня: — Ты Лиса Патрикеевна!

Редакции Р9

1)
Мама у кроватки.
мне: спи спи спи
Ньт Ньт, пь пь
Нинь.
Мама, посиди со мной
Мама меня укрывает.
яньм
А не моя бабушка:
Шаньга!

А я: Бабусяу!
Мама у горшочка мне: пись пись пись,
иськ иськ иськ.
сяп сяп.
Мама у варки мне: в фартучке я.
Мама, я пописял!
Тетя Таня: Ты Лиса Патрикеевна!
Мягче пальчики
Больны клавиши
Этюды Гедике
Сколько мне годиков?

2)
Мама у кроватки мне: спи спи спи.
ньт ньт, пь пь
Мама меня укрывает.
Мама, посиди со мной!
Нинь
А не моя бабушка:
Шаньга!
А я: Бабусяу!
Мама у горшочка мне: пись пись пись,
иськ иськ иськ.
сяп сяп.
Мама у варки мне:
в фартучке я.
Мама, я пописял!
яньм.
Тетя Таня: Ты Лиса Патрикеевна!
Мягче пальчики
Больны клавиши
Этюды Гедике
Сколько мне годиков?

3)
Мама у кроватки мне:
спи спи спи.
ньт ньт, пь пь

Нинь
Мама меня укрывает.
Мама, посиди со мной!
яньм
А не моя бабушка:
Шаньга!
А я: Бабусяу!
Нинь
Мама у горшочка мне: пись пись пись,
иськ иськ иськ.
сяп сяп.
Мама у варки мне: в фартучке я.
Мама, я пописял!
А тетя Таня: Ты Лиса Патрикеевна!
Мягче пальчики
Больны клавиши
Этюды Гедике
Сколько мне годиков?

Примечание. Во всех редакциях, содержащих слово «аньм» или «яньм», вместо или поверх напечатанных букв «а» или «я» соответственно, вручную вписана авторская лигатура (см. изображение на первой странице обложки), поясняемая в К11 — переднее я с высоким подъемом, как бы сокращается я на й.

ОР. 23 РАССКАЗ («Косте столько надарили...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Редакция Ч97

Без заглавия.

ОР. 24 («Уторкай меня, зимушка, мизинчиком тронь мое ушко...»)

Редакция Ст1–45

Уторкай меня, зимушка,
мизинчиком тронь мое ушко.

ОР. 25 О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ НЕ МОГ ОБУТЬ ОДИН БОТИНОК, И НЕ МОГ РАЗУТЬ ДРУГУЮ НОГУ («Вот кто задумался...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

ОР. 26 («ЗАЙДЕТ ХУДОЖНИК КУЗНЕЦОВ...»)

Вариант Ст1–45

3–4 кадит кудесник и кадет
задет художник Вкусницов

ОР. 27 РАССКАЗ, НЕТ, НЕ РАССКАЗ, А СТИХОТВОРЕН ЛЕ РИ МЕМЕ РУАР («онп арьл ерп асансан...»)

Варианты Ст1–45

Без посвящения.

2–3 иль сембль ки ль етансе мбль
7–9 временле руа
ментьна нтилье гери
ком ан екюрейль
11 комбь ан де фуа

15–16 дю серк-е-йль
дéля-кве-рель
18–23 е севе прете дéля сабль
тру а о кьатр
саса бри-т
ки фир ан иврóнье сон ре-
фле данле мируар

Редакция М1

Без посвящения.
онп арл ер асансан
тру а о кьатр
иль сембль ки ль етансамбль
саса брит
но нрьян
аьн руа риант
ан нри
ан времан лё руа
ментьна нтиль егери
ком ан екюрейль
преде лаг ер
комбь ан де фуа
иль ре гре те дё серё гард
ме зилсё гард
люй мем
дю сер к ейль
деля кве рель
пурт ант ильвё ла вуа де сабр
е се вет пре те де ла сабль
ки тир ан и-нонь е сон ре-
фле дан лемир уар

примечание
Будь я автором, тогда потребовалось бы сказать, откуда приемчик, но се только неточный перевод с французского. Автор — поэт Anhenri-Naque-Ta-Richesse — Ангенри-Нюкта-Ришес, мне остается дать только поэтический комментарий:

ося
заумь
осязаум

См. также комментарий к Op. 31

OP. 28 БАЛТИЙСКАЯ БОЛТОВНЯ («слышу бабоч`ки как будто...»)

Редакция Ст1–45

Нет деления на строфоиды, кроме отделенной пробелом последней строки.

Вариант Р1

Как в редакции Ст1–45, но строка 12 пропущена.

OP. 29 («поутру внятно дня мне подаянье...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

OP. 30 («Голуби подпрыгивают на снегу чуть взлетая...»)

В составе Ст1–45 под заглавием Op. 30 помещено другое стихотворение:

не угадаю где радуга око высовывая

В составе Ст1–45 под заглавием Ор. 31 помещено другое стихотворение:

ося
заум
осязаум

См. также комментарий к Ор. 27

ОР. 32 О ТОМ, КАК Я И МОЙ ПРИЯТЕЛЬ БЫЛИ В ГОСТЯХ У СОСЕДА ОДНОЙ СЛАБОУМНОЙ («Тиха как Хэтти Хаттэр...»)

Варианты Ст1–45

16–20 Вы ни-о-чем не скроете,
ведь нет же, вы не скроете? —
От голоса неотличимо,
как будто отлучилось,
молчанье отвечает.

25–26 Сосед. Она теперь от нас от-
дельно.
По–моему, надо ее отвесть
в богадельню.

27 Разговор. — Но ты не заметил?

43–51 Сосед. (к ним) Да вы садитесь. (к дочери)
Что, непослушная, Лера, буквы ты
лепишь и пишешь неправильно.
Вот несмысленная! (В сторону)
похоже, вам не до меня.

— Но ты вменишь в непослушанье
несметны сетованья наши;
но прямотою и признаньем
могу ль сознаться,

и участье выдать?
иль сохраню к судьбе презренье,
и отвернусь, умалишен.

Варианты К7

4 в переднике до пят
На месте пробела между первой и второй строфой:
но тени прикрывает.
и утро подоконник
навстречу подвигает.
17 ведь нет ведь, вы не скроете,
29–34 Коль не богат наряд, или мне показалось, она была заплакана.
— она была за облаками, — и в самом деле солнце закатилось,
Но вы не помирились?
43–51 Сосед. (к дочери) Да вы садитесь. Что ты, непослушная ты Лера,
буквы ты лепишь и пишешь неправильно? (к ним) Здесь несмышленных беготня.
(В сторону) Похоже, вам не до меня.
Рукописная вставка между 55 и 56 строками:
с тобою буду бедовать
Рукописные примечания:
В стихе 13 «вчерашнее, о нем*» — т.е. о вчерашнем
В стихе 35 «Зачем сюда* ты отдана» — вовнутрь

ОР. 33 («На рассвете ветви
деревьев виднеются...»)

Вариант Ст1–45

В первом предложении:
<...> с опаской (пропажа) я голю в игре и зачикался,
вздохнув <...>

Выриантъ Ст1–45

Посвящение На Селигея Г.*
Примечание *Селигей — поэт.

ОР. 35 ОТРЫВОК («Теперь
тепло унесено...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

ОР. 36 («Верю...»)

Варианты Ст1–45

2–30 Там, В мире гудящем
15 руки отнимет,
украден.

Варианты К8

3–4 В мире гудящем гнездо человечье свия (совья)
12–14 Мальчик, ребенок, чилиец, ревнуя,
Мать уличает

Варианты Р15

3–4 В мире гудящем гнездо
человечье совья
5–11 *строки отсутствуют, но для них будто оставлено место.*
12–15 Ребенок, мальчик, чилиец,
ревнуя

мать уличает
вдруг
и руки отнимёт

ОР. 37 ГОЛОВА ИЗВОРАЧИВАЮЩЕГОСЯ («Я вижу лица, спящие моргают...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Варианты М2

Без посвящения.

2 мои глаза неясно оттеня
9–10 Притертый мне твой, Деянира, плащ
кровоточащий — не сдерет палач,
13 на шее скользкой... дряхлый звук умре.

Варианты Р11

Без посвящения.

5–6 пеняя, ранодушно обвиняют
своим крестом невзрачным осеня.
9–10 Притертый мне твой, Деянира, плащ
кровоточащий — не сдерет палач,
13 на шее скользкой... дряхлый звук умре.

ОР. 38 («взору зори...»)

Вариант Ст1–45

4 В них небосвод босой высок.

Вариант Ст1–45

Во втором абзаце: <...> у самочки <...>

Редакция Ч96

— Зачемпочему вы на меня смотрите, вы хотите, чтобы я вас ущипнула, вы лучше уходите, уйдите.

Нет, как можно, я не обеспокою ваш замочек, у самочки, да, у вас не замок, а щеколда, я с предосторожностью воспользуюсь ее щелкой, такова моя цель.

Почти у всякого своя красота, но вы мне живо напомнили тельцем гусыню, с ее медно-медово-глиняно наглой головкой, возле снуют мошки веснушек, когда вы, наклонив ее, словно волну, приподняв подогнутые плечики, щиплючи ваши перья под мышкой повыше и ниже, но так быстро благоразумно глубокомысленно, что вмиг не прошмыгнет и мышка.

Да, вы напомнили мне Гусыню (негусыню), с ее взади и книзу хлопчатым пухом, который она смачивает клювом, и двумя клубками, желтками, коробками, наполненными железами мне напомнили вы.
Знаете, Гаргантюа
считал, что лучше подтирать гузно гусенком.

Строптивая Гусыня, держите во рту кинзу, с хлопотливыми хлопчущими крылами, шалью, заботливость не забываете ни в коем случае никогда. Вы, лапчатая, перепончатая, наверно, нередко плачете.

Тут спохватившись, опомнившись, он произнес:
«Простите меня за беспокойство, и, пожалуйста, прощайте.»

А она поскрипывала к прямо клюву прикрепленными звуками. 182
Например так: «чиверикам».

примечание: стихотворение исполнено гусиной иронии

ОР. 40 О ТОМ, КАК РОДИЛАСЬ ДЕВОЧКА («Жалюзей жалобы...»)

Редакция Ст1–45

Жалюзей жалобы:
Занавески расстались.
На улице —
Тряпочные тени
Деревьев:
Нытье уличное.
Но вот воздух становится пряничным
Лакает колокольчик
Вот клоун в колпаке,
Вот цукольник смешной.
Невестин он, неласков
И каплет плачет кляксами.
(оглядывается, достал табакерку)
— порхает колокольчик
И шапочки помпон,
(оживленный воробушек)
Воробушек оживленный
(поправившись, далее тож)
( )
Турнула легкую калитку
(играя)
Проснувшись,
Да нет же, проснувшись,
Была удивлена.
В укромное место
Огромных
И тонких ресниц принесла укроп,

И глянцевая коленка,
И робкий рот.
И пятки были вкрапинку,
И вкрадчиво
Она хотела звать меня
(со) старцем пожилом.
И в платьице веселом
Она подкралась тихая,
Дразнила, поглядев
(она воробышком хныкала,
Плечом поведя)
И на балконе прыгала
И черточки на жердочке оставила
ходя.
Она танцевала худенькая,
(и плащ, ночуя, чуден ея
Поникнул, побледнев)
И худенька на цыпочках поникла,
побледнев
«Побудь, побудь, попрежнему
Дитя, что прижили мы с мамою» —
Напрасно я повторял.
(послушному утешения лепетала,
утомлясь)
Послушну утешения лепетала, утомлясь.
Они, наверное, она в отца была,
(она такою похорошевшею)
Она такая похорошевшая
Была погребена.
Ах, я все неумно перепутал,
Она не умерла!
Она мне дочку крошечную
(бояка)
Баюкав, родила.
(появляется женщина
С девочкой и втроем
они улыбаются).

И заглядевшись заворожены,
Новорождены.
На, в светлых водах, жаворонка
тень

Не датировано.

ОР. 41 («Тебя настигнула гроза...»)

Редакция Ст1–45

Без деления на строфы.

ОР. 42 («На тропе уж проступившей...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Вариант К2

9 Но смотрите, нянька врет как

Вариант К9

13–15 Но смотрите, нянька врет как
Что детям наподдают:
Дочерь взглядом змейкой юркой —

Вариант Р12

9–16 Но смотрите, няня врет как,
будто снег нападает,
Взгляд, ужимки и увертки
несомненно выдают

Но заметьте няньки врут как

Что детям наподдают,
Дочки — взглядом змейкой верткой —
Зима замуж выдает.

Варианты Р22

3 только холод простужавший
9–12 Но однако няньки врут как
что детям наподдают,
13–16 Но смотрите, нянька врет как
Будто снег нападает.

ОР. 43 («То пляшем на пляже...»)

Редакция Ст1–45

Кроме запятой в первой строке, нет пунктуации.

ОР. 44 («У меня нет аппетиту...»)

Редакция Ст1–45

Вариантов нет.

Вариант К2

1 у меня нет аппетита,

ОР. 45 РАЗГОВОР
(«что ты надулся как сосед...»)

Варианты Ст1–45

3–4 — Я был разбужен, я не подготовлен.
Приподнялся едва, гляжу,

8–9 — Как ты его приметил?
Свой сон я пересилил,

13–22 и оглянулся я как годовалый
. . . . . .
в придачу я был разут,
и холод лобызал
мои ступни
и приближался свет к ним.

и я тогда к деревьям устремлялся,
они смиренные, они не докучали
они погодою качали
немногоцветны и внимательны (к шагам)
35–36 А что писатель сочинял?

— Послание получше он готовил
39 Усаживался и гостит (во всех углах одновременно
уживаясь)
59–60 она-то, приподнявшись, урок и
преподнесла...

64–65 либо юлой заброшенной, несдержан,
ее движением в избытке заворожен
70–74 нетерпеливо утро, оно и не
удержалось,
понемногу, быв поникнув, все кинулось,
и понукаемо, каемку ветреную — ну его.
78 валандая боками туч, тюленем
(и пропадающий волан)
84 — Но чем его докуку заменили?
85–86 подвинешь кружку, вот и вечер наступил,
91 а все без толку,
он матросом
95 лентяй,
две ленточки

Не датировано.

Публикация — редакторский коллаж с чередованием шрифтового набора и факсимильных фрагментов автографа.

РАЗГОВОР
(это заумь)

— что ты надулся как сосед,
чем разобижен?

я был разбужен, я не подготовлен,
приподнялся едва, гляжу,
когда земля лежала бездыханной,
(и лишь угадывалось утро)
и утро лишь угадывалось.

как ты его приметил?

свой сон я пересилил,
особенно взглянув на небеси,
мяукнула луна и опустилась.

что ты к тому привесил,
(чтоб подозренья превзойти)?

в придачу я был разут
и холод лобызал
мои ступни
и приближался свет к ним
. . . . . .
и я тогда к деревьям устремлялся,
они смиренные,
они не докучали
они погодою качали[1]
немногоцветны и внимательны (ко мне) к шагам
. . . . . .
и словно я попал на пепелище...

что ж ты искал,
когда из дома вышел,
(пристанища)?
иль ты простаивал без жалости
как нищий?
(как утро очутилось)
как очутилось утро?

встрепенулись тени
и сделалось интересно
и воцарилося вниманье
и поминутно был комар
и минус он считал
и поскоблив
он нос свой очень очинял.

— а что писатель сочинял?

послание получше он готовил,
заметил он, что лучик по углам
усаживался и гостит,
во всех углах одновременно уживаясь[2].
и уж ловил осу он,
ловил и морщился,
лишения перетерпел,
(и свой язык высовывал).
и он осваивался с ней, оторопел,
еще побаивался, и, за шиворот...
избитый, полусонный,
вскормленный, полуустремлен[3]
он жадный задрожал,
как дирижабь и уронил бисквитом
перо в свою чернильницу...

— ты проницательно его пред нами оценял,
и паутинкой уносились тучи,
оптической почтительностью

и попечительством аптек
она–то, приподнявшись, урок произнесла

— но все же ты не утерпел

либо унылую улыбку,
либо юлой, несдержанный
ее движением заворожен, (встревожен, взволнован)
ее презрительной звивкой
визгливыми нравоученьями...

иначе, опять коснемся утра и ночи различенья

понемногу, быв поникнув. Все кинулось.
понукаемо, каемку Ветряную — ну еВо! —

подсказывало (поведенье)
нетерпеливо утро.
оно и не удержалось.
а день не Выгоден,
(полдня)

Он пасмурен и см посмотрит[4] исподлобья тюленем
непреходя, наперекор, термометр,
и дождь таращит тюрьм решетки
и путаницу напускает,
что кузина, и нападает на окно,
послеобеденной охоты не спускает

но чем его докуку заменили[5]?

подвинешь кружку,
вот и вечер наступил,
его как будто хлеб, куда макают,
он поздний гость,
его воспоминают
старухи и показывают на него,
а все без толку,

он матросом
или теленком,
кургузый, со сквозной улыбкой,
в бескозырке,
лентяй, две ленточки,
платок–то перекинь!
. . . . . .

настала ночь,
ее ты уподобь бутылке,
и к уху поднесь,
а все без толку:
в ней нету ни глотка,
улягься[6], на затылке
пробудет полночь поднялась до потолка.

3–12 января 1996

Примечания
1 возможно: казались
2 возможно: суживаясь
3 возможно: по долу устремлен
4 т. е., валандаясь, потирая бока тучи
5 возможно: затемнили (или затмемнили)
6 здесь ряд форм с мягким знаком: дерижаб-ь, улягь-ся, поднес-ь
7 слова в скобках объяснительны, дополнительны

ОР. 46 («Как сладок
воздух пред грозою...»)

Варианты Ст1–45

Снято двоеточие в конце 2–й строфы, добавлена точка в конце стихотворения.
12 свободных за́светла́ незрячих
Стихотворение не датировано.

5 передними и все больными — *справа вписан основной вариант.*
Датировано: ночью 1 июля

ПУБЛИКАЦИИ

НЛ Нестоличная литература. Поэзия и проза регионов России. /Сост. Д. Кузьмин. — М.: НЛО, 2001. Виктор Іванів С. 290–298.: http://www.litkarta.ru/projects/nestolitsa/texts/content/ivaniv/

П98 Пигмалион. Литературное приложение к газете "Университетские вести". № 8 (7–8) июль 1998. — Тамбов. Іванів В. Ор. 15

СЧиЗП Іванів В. Стеклянный Человек и Зеленая Пластинка: Стихи. М.: Ракета, 2006. — 130 с.: http://www.vavilon.ru/texts/ivaniv2.html

С97 Стетоскоп, № 16, 1997. — Париж. С. 28–32 Иванов В. Разговор (это заумь): http://www.stetoskop.narod.ru/stetoskop/16/28.htm

С98 Стетоскоп, № 20, 1998. — Париж. С. 26–31, Іванів В. Три голубя сели на ветку: http://www.stetoskop.narod.ru/stetoskop/20/27.htm

Ч96 Черновик: Альманах литературный визуальный. Вып. 11, 1996. — Нью-Джерси — Москва. С. 107–111. Іванів В. Тексты.

Ч97 Черновик: Альманах литературный визуальный. Вып. 12. 1997. — Нью-Джерси — Москва. С. 150–151. Іванів В. Рассказ: http://www.vavilon.ru/metatext/chernovik12/ivaniv2.html

ИСТОЧНИКИ В АРХИВАХ[1]

ЛАСИ Личный архив семьи Ивановых.

ЛАФТ Личный архив Ф.А. Третьякова.

К1 Компьютерная распечатка, обрывок листа с фрагментом нумерованной подборки. Два варианта стихотворения «Рябина здесь пригрелась...» — оба под номером 23: обрыв по тексту первого варианта сде-

1 Индексация источников принята только для этого выпуска.

лан так, что остались только индекс нумерации и начала строк, идущие в порядке: 1, 2, 5, 3, 6, 4, 7, 8, 9, 10. Во втором варианте соблюден основной порядок (ЛАФТ).

К2 Компьютерная распечатка, лист перфоленты с фрагментом нумерованной подборки: <2.> «у меня нет аппетита...», 3. «Упавшая шапка», 4. «Огромный грозен Борисфен...», 5. «я безумен...», 6. «Я — йога...», 7. «Индеец», 8. «Как старушка-итальянка...», 9. первые десять строк стихотворения «На тропе уж проступившей...» (ЛАФТ).

К3 Компьютерная распечатка, лист с фрагментом нумерованной подборки: <10>. четыре финальных строки полностью пока не найденного стихотворения «<...> Живые, карего папоротника», 11. «Как мальчики, смеясь, подписывали железку...», 12. «Луковица в чулке...», 13. стихотворение без финала «Ненько и Сенька, лужок...» (ЛАФТ).

К4 Компьютерная распечатка, лист с фрагментом нумерованной подборки: 1. «Луковица в чулке...», 2. «О том, что написала Марыся своему возлюбленному», 3. «Мама у кроватки мне: спи, спи, спи...» с рукописной вставкой 10-16 строк, и лигатурой в слове «яньм» 4. «Вам, любящей Кузмина, ланиты вычеканя» (ЛАФТ).

К5 Компьютерная распечатка стихотворения «Натура, ты вокруг меня...», заглавие «у Могилы» надписано авторучкой (ЛАФТ).

К6 Компьютерная распечатка, лист с фрагментом нумерованной подборки: <16.> шестнадцать финальных строк полностью пока не найденного стихотворения «<...> И мне снится...», 17. «О том, что написала Марыся своему возлюбленному», 18. Начало варианта «Мама у кроватки мне: спи, спи, спи...» (ЛАФТ).

К7 Компьютерная распечатка с рукописной правкой стихотворения «О том, как я и мой приятель были в гостях у соседа одной слабоумной» («Тиха как

Хэтти Хаттэр...») на двух сторонах отдельного листа (ЛАФТ).

К8 Компьютерная распечатка, лист перфоленты с фрагментом подборки: окончание стихотворения «К портрету И. Лощилова», «Верю...», «Низарь и Назореянин (Назореяин) разные...» (ЛАФТ).

К9 Компьютерная распечатка, лист с фрагментом нумерованной подборки: <11. «На тропе уж проступившей...»> — две последние строфы, 12. «По камням струится Терек, Терек злой по нем бежал» (ЛАФТ).

К10 Компьютерная распечатка, лист с Ор. 52 «Ну к мытому стеклу за шалавьем увлекся...» (ЛАСИ).

К11 Компьютерная распечатка, 2-й лист нумерованной подборки: 3. «Мама у кроватки мне...», 4. «Елена, вы — словно лань дыша...», начало 5. «Деревья плачут в мокрых плащах». Рукописные примечания для третьего и четвертого стихотворений и вариант для пятого (ЛАФТ).

К12 Компьютерная распечатка с рукописной правкой Ор. 53 «Как вечер сморщился сейчас ему примочки...» (ЛАСИ).

К13 Компьютерная распечатка, 2-й лист подборки с Ор. 57 «Ровно и розно (Мцыри III)» (ЛАСИ).

М1 Машинопись на отдельном листе стихотворения «Рассказ, нет, не рассказ, а стихотворен ЛЕ РИ МЕМЕ РУАР» («онп арьл ер асансан...») с правкой авторучкой: строки пронумерованы через 5, расставлены точки над «ё» и дописано в примечании со слов «Anhenri-Naque-Ta_Richesse...» (ЛАФТ).

М2 Машинопись с рукописной правкой и надписанным заглавием стихотворения «Голова изворачивающегося» («Я вижу лица, спящие моргают...») на отдельном листе (ЛАФТ).

М3 Машинопись черновика письма А.И Очеретянскому, постскриптум синей авторучкой (ЛАФТ).

М4 Машинопись плана нумерованной подборки «Стихи сочиненные перед сном. примерный набросок»

в составе: 1. «Луковица в чулке...», 2. «О том, что написала Марыся...», 3. «Мама у кровати мне...», 4. «Простуженному И.Е.», 5. «Давид Бурлюк», 7. «(отрывок)», 8. «О новорожденной», 9. «О, подушки резвой верхом...», 10. «О одной сумасшедшей», 11. «Разная проза» в составе: «поче-му», «голуби подпрыгивают», «на рассвете ветви деревьев...», «озоруют над озером осы...», «Сунулся и Осунулся», «бывает хочется приподнять шляпу...», «любезная моя свекровушка...», 12. «вот рыбою чашка ныряет...», 13. «уму моему...», 14. «К портрету И.Е.», 15. «верю там в мире гуд...», 16. «Низарь и Назореянин», 17. <не заполнена> (ЛАФТ).

М5 Машинопись плана нумерованной подборки «Стихотворения для книги «Стихи сочиненные перед сном» в составе: 1(0). «ко всей книге «Я очень много потерялся...», 1. «Луковица в чулке», 2. «О том, что написала Марыся», 3. «Мама у кровати мне...», 4. «Я хочу поцелоать», 5. «Простуженному И. Лощилову», 6. «О, подушки резвой верхом...», 7. «Давид Бурлюк», 8. «О рожденной дочери», 9. «О сумасшедшей», 10. «Вот рыба чашкою ныряет...», 11. «уму моему непонятны...», 12. «К портрету И. Лощилова», 13. «Верю, Там, в мире гудящем...», 14. «Низарь и Назореянин», 15. «Заранее говорю о моем зрении...», 16. «Синица надсмехается (смиючись), смекнув...», 17. «когда пощуся я...», 18. «Зима мизинцем тронет (тунет) ухо...», 19. «сьба сьбя сьпа сьпя», 20. «разная проза» в составе: 21. «поче-му они представляют меня...», 22. «Голуби подпрыгивают...», 23. «На рассвете ветви деревьев виднеются...», 24. «озоруют над озером осы...», 25. «Сунулся и Осунулся», 26. «Любезная моя свекровушка...», 27. «если выйдешь ночью...», 28. «Гуляет голубь в небосклоне...» (ЛАСИ).

М6 Машинопись стихотворения «когда пощуся я то тщусь...» на отдельном листе (ЛАФТ).

М7 Машинопись с фрагментом нумерованной подборки: 24. «когда пощуся я то тщусь...», 25. «Ночью Марик и я с ножами...», 25. «Заумное стихотворение» («сьба сьба...») — первые семь строк (ЛАСИ).

М8 Машинопись с черновиком «Синица надсмехается, смекнув...» и беловым списком этого стихотворения под первым номером в двойчатке с вариантом Ор. 2 «Рябина здесь пригрелась...» (ЛАСИ).

Р1 Беловая рукопись с правкой стихотворения «Близко птица, во всяком креститься...» на одном из листов перфоленты, сшитых в тетрадь, заполненную набросками «Писем Тиханову», черновиками, рисунками, упражнениями в древнегреческом (ЛАФТ).

Р2 Беловая рукопись стихотворения «Пришел, и что — передо мной...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р3 Рукопись на двух листах, заполненных с обоих сторон, с семью черновым вариантами и беловиком стихотворения «Прекрасный скрип» («скрип прекратился, но сверчки скворцы...»), беловиком стихотворения «Запах черемухи низко...», двумя черновиками стихотворения «болтовня» («слышу бабочки как будто...»), каллиграфией начала стихотворения в прозе «Почему они представляют меня чучелом...» (ЛАФТ).

Р4 Беловая рукопись на отдельном листе стихотворения «Сонет посвященный моей любимой» («Когда на ветках листьев не осталось...») (ЛАФТ).

Р5 Беловая рукопись на отдельном листе стихотворения «Сонет посвященный N» («Когда на ветках листьев не осталось...») (ЛАФТ).

Р6 Черновая рукопись стихотворения «Вот дерево худое, и недобрым отдает...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р7 Беловая рукопись на отдельном листе стихотворения «Когда под вечер вокруг опустело...» (ЛАФТ).

Р8 Рукопись с обеих сторон листа. На первой — черновик письма С. Бирюкову с подборкой стихотво-

рений: «Я хочу целовать твой сосок...», «Мама у кроватки мне: спи, спи, спи...», «О том что написала Марыся своему возлюбленному», «Ты меня поцелуешь на ушко...», «Будто лишь бутон», на обороте — машинопись фрагмента хлебниковедческой работы и рукопись стихотворения «Ты березка, глаза у тебя...» (ЛАФТ).

Р9 Беловая рукопись частично нумерованной подборки, озаглавленной «Виктор Іванов Стихотворения»: 1. «Луковица в чулке...», 2. «О том, что написала Марыся своему возлюбленному», 3. «Мама у кроватки мне: спи, спи, спи...», 4. Вам, любящей Кузмина, ланиты вычеканя», «Деревья плачут в мокрых плащах», «Бубен чокается, чекано...», «Луна в букете...», «Будто лишь бутон», «Хлопают ладошки...», «Мама у кроватки мне: спи, спи, спи...» — еще две редакции стихотворения (ЛАФТ).

Р10 Беловая рукопись на отдельном листе с двумя стихотворениями: «Прекрасный скрип» («скрип прекратился, но сверчки скворцы...») и «Балтийская болтовня» («слышу бабочки как будто...») с правкой — в стихотворении, названном было «Болтовня балтийская», стрелка указывает на перемену слов заглавия местами (ЛАФТ).

Р11 Беловая рукопись стихотворения «Голова изворачивающегося» («Я вижу лица, спящие моргают...») на отдельном листе (ЛАФТ).

Р12 Беловая рукопись с правкой стихотворения «На тропе уж проступившей...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р13 Беловая рукопись с правкой стихотворения «Как сладок воздух пред грозою...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р14 Рукописный рабочий дуплет стихотворения «вот рыба чашкою ныряет...» на развороте тетрадного листа в клетку (ЛАФТ).

Р15 Рукопись, тетрадь в клетку. На восьми страницах черновики стихотворений «Верю...», «Низарь

и Назореянин разные...», «Любезная моя свекровушка церквушка...», «Вот рыба чашкою ныряет...» (ЛАСИ).

Р16 Беловая рукопись стихотворений «Ты, падчерица, куда пропала...» и «в трюмо, как в трюме; на веранду...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р17 Рукопись письма С.Е. Бирюкову на отдельном листе (ЛАФТ).

Р18 Рукопись письма А.И. Очеретянскому на обрезанном листе, на обороте черновые наброски стихотворений «Я хочу целовать твой сосок» и «Ты березка, глаза у тебя...» (ЛАФТ).

Р19 Рукопись черновика письма А.И. Очеретянскому простым карандашом на отдельном листе (ЛАФТ).

Р20 Рукопись черновиков двух писем А.И. Очеретянскому на сложенном вдвое листе А3 (ЛАСИ).

Р21 Беловая рукопись стихотворения «Зима мизинцем тронет ухо...» на отдельном листе (ЛАФТ).

Р22 Беловая рукопись, первый лист подборки, надписанной «Виктор Давідовіч Іванів» в составе: «Упавшая шапка», «Меня в больницу положив...», «На тропе уж проступившей...», «Как старушка итальянка» (ЛАСИ).

Ст1–45 Рукописный сборник. На обложке имитирующие всамделишное издание надписи черной тушью — на передней сторонке: «СТИХОТВРН Сочинение В.Д. Іваніва (Ор. 1–45) Издательство «Ялик» 1996». На обороте: «СТИХОТВРН Сочинение В.Д. Іваніва (Ор. 1–45) Издательство «Ялик» 1996 письмо тираж 1 экз.», в верхнем левом углу — авторский знак «i23». Тетрадь — десять перегнутых пополам листов А4 на скрепке, сорок пронумерованных (с третьей по сорок вторую) белых полос, разлинованных карандашом под текстовой блок, содержащий 46 опусов, каллиграфически переписанных синими чернилами. Внизу последней полосы: «Подписано Ф. Третьякову автором 19 июля 1996 года. С днем рожденья!». Состав анало-

гичен Ст1–47, за исключением двух сверхкоротких опусов 30 и 31 — под этими номерами даны другие — тоже сверхкороткие: Op. 30 «не угадаю где радуга око высовывая», Op. 31 «ося» (ЛАФТ).

Ст1–47 Компьютерная распечатка. Подборка, озаглавленная «Виктор Давидович Іванів Стихотворения Op. 1–47». Двадцать одна полоса без пагинации на одиннадцати листах А4 с двусторонней печатью (оборот одиннадцатого листа пустой). С десятой полосы, вероятно непроизвольно, меняется шрифт и формат заливки текста. Составлен не раньше 23.07.1996 (по дате под стихотворением Op. 40 «О том, как родилась девочка»). Состав — 46 опусов, базовый для настоящего издания (ЛАСИ).

1 Виктор Іванів. 1995–96 годы. (ЛАСИ)
2 Виктор Іванів. 1995–96 годы. (ЛАСИ)
3 Виктор Іванів и Филипп Третьяков. 1995–96 годы. (ЛАСИ)
4 Газетный отчет о поэтическом вечере у В. Назанского. Молодая Сибирь № 45 (52) 10 ноября 1994 г.
5 Обложка книги В. Иванова «День космонавтики». 1994 г.
6 Обложка книги С. Бирюкова «Знак бесконечности». 1995 г.
7 Обложка книги И. Лощилова «Царь в голове». 1996 г.
8 Обложка 1-го издания книги «Собутыльник сомнамбулы». 2000 г.
9 Обложка 2-го издания книги «Собутыльник сомнамбулы». 2000 г.
10 Титульный лист «Антологии авангардной эпохи» А. Очеретянского и Дж. Янечека (1995) с инскриптом А. Очеретянского И. Лощилову.
11 Черновик письма С. Бирюкову. 1995 г. (ЛАФТ, Р8)
12 Черновик письма А. Очеретянскому. 1995 г. (ЛАФТ, М3)
13 Стр. 109 в 11-м номере альманаха «Черновик». 1996 г.
14 Стр. 28 в 16-м номере журнала «Стетоскоп». 1997 г.
15 Стр. 28 в 20-м номере журнала «Стетоскоп». 1998 г.
16 «Вот рыба чашкою ныряет...». Автограф. 1995 г. (ЛАФТ, Р14)
17 «Близко птица, во всяком креститься...». Автограф. 1995–96 годы. (ЛАФТ, Р1)
18 «Сонет посвященный моей любимой». Автограф. 1995–96 годы. (ЛАФТ, Р4)
19 «Прекрасный скрип», «Балтийская болтовня». Автограф. 1995–96 годы. (ЛАФТ, Р10)
20 «Синица надсмехается, смекнув...», «Рябина здесь пригрелась». Машинопись с рукописной правкой. 1995–96 годы. (ЛАСИ, М8)
21 «Когда под вечер вокруг опустело...». Автограф. 1995–96 годы. (ЛАФТ, Р7)

22 Ор. 57 «Ровно и розно (Мцыри III)». Компьютерная распечатка. 1997–98 годы. (ЛАСИ, К13)

23 Частично нумерованная подборка, озаглавленная «Виктор Іванов Стихотворения». Автограф. 1995 г. (ЛАФТ, Р9)

24 Первый лист нумерованной подборки «Стихотворения». Компьютерная распечатка с рукописной правкой. 1995 г. (ЛАФТ, К4)

25 Фрагмент нумерованной подборки. Компьютерная распечатка с рукописной правкой. 1995–96 годы. (ЛАФТ, К11)

26 Фрагмент нумерованной подборки. Компьютерная распечатка с рукописной правкой. 1995–96 годы. (ЛАФТ, К6)

27 Подборка стихотворений, надписанная «Виктор Давідовіч Іванів». Автограф. 1996 г. (ЛАСИ, Р22)

28 План нумерованной подборки «Стихи сочиненные перед сном. примерный набросок». Машинопись. 1996 г. (ЛАФТ, М4)

29 План нумерованной подборки «Стихотворения для книги «Стихи сочиненные перед сном». Машинопись. 1996 г. (ЛАСИ, М5)

30 Обложка рукописной книги «СТИХОТВРН Сочинение В.Д. Іваніва (Ор. 1–45)». Автограф. 1996 г. (ЛАФТ, Ст1–45)

31 Оборот обложки рукописной книги «СТИХОТВРН Сочинение В.Д. Іваніва (Ор. 1–45)». Автограф. 1996 г. (ЛАФТ, Ст1–45)

32 Стр. 42 рукописной книги «СТИХОТВРН Сочинение В.Д. Іваніва (Ор. 1–45)». Автограф. 1996 г. (ЛАФТ, Ст1–45)

33 Первая полоса подборки «Виктор Давидович Іванів Стихотворения Ор. 1–47». Компьютерная распечатка. 1996 г. (ЛАСИ, Ст1–47)

34 18-я полоса подборки «Виктор Давидович Іванів Стихотворения Ор. 1–47». Компьютерная распечатка. 1996 г. (ЛАСИ, Ст1–47)

35 Леутина З. Портрет Виктор Іваніва. Картон, масло. 1998 г. (ЛАСИ)

Виктор Іванів
Стихотворения Op. 1–47

Корректура *Сергей Лебедев*
Верстка *Кирилл Благодатских*
Редакция и выпуск *Алексей Дьячков*
Издательство *«Коровакниги», facebook.com/cowbooks*
Книготорг *«Медленные книги», slowbooks.ru*
Тираж *200 копий*
Печать *типография «Радуга», raduga-print.ru*